

Пятидесятилѣтіе Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

(Очеркъ.— Окончаніе см. кн. XI т. г.).

Въ 1855 г. Сибирскимъ отдѣломъ, подъ начальствомъ того-же Маака была снаряжена новая экспедиція, — *амурская*, — для изслѣдованія только что пріобрѣтеннаго тогда новаго края. Путешествіе это продолжалось съ апрѣля 1855 г. по январь 1856 года и описано въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Путешествіе на Амуръ, совершенное по распоряженію Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Р. Маакомъ“ (С.П.Б. 1859 г.). Означенная экспедиція также была совершена при матеріальномъ содѣйствіи упомянутаго выше золотопромышленника Соловьева, который на издержки экспедиціи предложилъ полпуда золота.

Въ 1859 г. снова, подъ начальствомъ все того-же неутоми-маго Р. К. Маака, снаряжена была *уссурійская экспедиція*. Труды этой экспедиціи были напечатаны въ 1861 г. въ двухъ томахъ подъ названіемъ: „Путешествіе по долинѣ р. Уссури. Совершилъ Р. Маакъ“.

Начало 60-хъ годовъ было печальнымъ временемъ въ исторіи Сибирскаго отдѣла Географическаго общества. Одно время отдѣлъ былъ въ полномъ бездѣйствіи; у него не было ни предсѣдателя, ни правителя дѣлъ. Большая часть членовъ его разъѣхалась въ разныя стороны — на лицо оставались очень немногіе. Затѣмъ, когда управленіе отдѣломъ сформировалось при генераль-губернаторѣ М. С. Корсаковѣ, то дѣятельность его носила чисто бюрократическій характеръ и не отличалась поѣтому большою плодovitостію.

Только съ вступленіемъ въ обязанности предсѣдателя Л. П. Софіано дѣла отдѣла опять направились. Г. Вагинъ время предсѣдательства Л. П. Софіано считаетъ самымъ блестящимъ временемъ дѣятельности отдѣла. Софіано не былъ связанъ Муравьевскими традиціями и потому могъ смотрѣть на дѣло свободнѣе и не такъ односторонне, какъ его предшественники Кукель и Ивановъ. Первой его заботой было — придать дѣятельности отдѣла

общественный характеръ. Онъ старался привлекать въ члены отдѣла лицъ изъ различныхъ слоевъ общества. Отдѣлъ приобрѣлъ популярность и вліяніе его на мѣстное общество сдѣлалось гораздо замѣтнѣе.

Къ этому времени относится *туруханская экспедиція* А. Н. Лопатина и А. П. Щапова.

Отдаленный и пустынный Туруханскій край давно уже возбуждалъ къ себѣ интересъ въ членахъ отдѣла. Еще въ 1857 г. году членъ отдѣла Мордвиновъ совершилъ по этому краю поездку съ этнографическими цѣлями, давшую рядъ интересныхъ наблюденій надъ инородческимъ населеніемъ края. Въ слѣдующемъ году этнографіей Туруханскаго края занимался членъ отдѣла Кривошапкинъ.

Къ сожалѣнію, для болѣе подробнаго и всесторонняго изслѣдованія этого края у отдѣла не находилось необходимыхъ средствъ, пока енисейскіе золотопромышленники не пожертвовали для этой цѣли 1800 р. Добавивъ къ этой суммѣ еще 800 р., Сибирскій отдѣлъ могъ организовать спеціальную экспедицію въ Туруханскій край, въ которой и приняли участіе Н. А. Лопатинъ и А. П. Щаповъ. Лопатинъ собралъ весьма обширный матеріалъ по геологіи, флорѣ и фаунѣ края, и въ частности для изученія фауны и климата послѣ-пліоценоваго періода. А. П. Щаповъ, извѣстный талантливый писатель—сибирякъ, принялъ въ туруханской экспедиціи участіе въ качествѣ этнографа. Между прочимъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ Щаповъ первый приложилъ къ изученію сибирскихъ инородцевъ антропологическій методъ. Результаты своихъ изслѣдованій Щаповъ изложилъ въ капитальнѣйшемъ трудѣ, который, совершенно уже готовый къ печати, къ сожалѣнію всѣхъ людей науки, сгорѣлъ во время извѣстнаго Иркутскаго пожара 1879 года.

Туруханская экспедиція была снаряжена Сибирскимъ отдѣломъ въ 1866 г. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ отдѣлъ снарядилъ новую экспедицію на далекій сѣверо-востокъ Сибири, при помощи центральнаго управленія географическаго общества. Это — экспедиція въ Колымскій и Чукотско-Анадырскій край, подъ начальствомъ барона Г. Л. Майделя. Помимо собранныхъ данныхъ обще-географическаго характера, эта экспедиція имѣла возможность близко ознакомиться съ бытомъ приполярнаго населенія. Между прочимъ, изслѣдуя бытъ чукчей и близко познакомившись съ основными чертами ихъ характера, бар. Майдель является защитникомъ чукчей отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій въ дикости и воинственности. Отмѣчая въ характерѣ чукчей положительныя стороны, бар. Майдель противопоставилъ имъ коряковъ, беспокойное и воинственное племя.

Мы не имѣемъ возможности, за недостаткомъ мѣста, перечислить всѣ многочисленные и разнообразныя научныя труды и экспедиціи, снаряженныя Сибирскимъ отдѣломъ за все время его существованія. Скажемъ только, что труды Потанина, Ядринцева, Дыбовскаго, Годлевскаго, Черскаго, Шапова, Обручева и многихъ другихъ признаны образцовыми и Географическимъ обществомъ, и Академіей наукъ, и иностранными учеными обществами.

Наиболѣе выдающимся дѣятелемъ отдѣла времени 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, по справедливости, долженъ быть признанъ Г. Н. Потанинъ. Первымъ изъ его главныхъ путешествій была экспедиція, снаряженная въ 1876 г. Географическимъ обществомъ въ сѣверо-западную Монголію. Спутниками его были извѣстный путешественникъ оріенталистъ Позднѣевъ, натуралистъ Березовскій и топографъ Рафаиловъ. Съ половины и до конца 1879 года Потанинъ съ двумя сотрудниками сдѣлалъ вторую поѣздку въ тѣ мѣстности Монголіи, которыя не могъ посѣтить въ первомъ путешествіи. Въ 1883 году Географическое общество снарядило новую экспедицію на китайскую восточную окраину нагорной Центральной Азіи (Ганьсу), мало донинѣ извѣстную и представляющую въ физическомъ и географическомъ отношеніи большой научный интересъ. По первоначальному предположенію, экспедиція должна была состоять изъ Г. Н. Потанина и его супруги А. В. Потаниной, но въ послѣдствіи, благодаря частному пожертвованію, обусловившему поступленіе въ восточно-сибирскій музей всѣхъ собранныхъ экспедиціей коллекцій, явилась возможность присоединить еще двухъ сотрудниковъ: геодезиста Скасси и сопровождавшаго г. Потанину въ его прежнемъ путешествіи натуралиста г. Березовскаго. Экспедиція отправилась въ августѣ 1883 г. на военномъ фрегатѣ „Мининъ“ на китайское побережье; весной 1884 года она вышла изъ Пекина и углубилась въ Китай, потомъ во внутрь Монголіи, по новому, совершенно неизвѣстному пути, и позднею осенью достигла Кяхты. Научныя результаты этой экспедиціи, по словамъ компетентнаго цѣнителя такого рода трудовъ П. П. Семенова, чрезвычайно обширны и представляютъ высокій научный интересъ: 69 астрономическихъ пунктовъ, болѣе 6000 верстъ съемки, болѣею частію мензульной,—представляютъ блестящій геодезическій и картографическій трудъ превосходнаго геодезиста и астронома А. И. Скасси; не менѣе богаты привезенныя М. М. Березовскимъ коллекціи геологическія, а также драгоцѣнный этнографическій матеріалъ. Въ результатѣ монгольскихъ путешествій Г. Н. Потанина явились его знаменитыя „Очерки сѣверо-западной Монголіи“, а также цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ статей, появившихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ—и въ „Извѣстіяхъ“ Восточно-Сибирскаго отдѣла.

Изъ числа другихъ многочисленныхъ экскурсій и путешествій, предпринимавшихся членами Восточно-Сибирскаго отдѣла, слѣдуетъ указать на поѣздку Н. М. Ядринцева, совершенную имъ въ 1889 году къ вершинамъ Орхона, весьма серьезнымъ результатомъ которой явились открытія мѣстонахожденія столицы Чингисъ-хана, древняго Каракорума, и находка каменныхъ таблицъ съ китайскими іероглифами, содержащими текстъ, изображенный руническими знаками.

Изъ научныхъ предпріятій Восточно-Сибирскаго отдѣла за послѣднее время, мы не можемъ не остановиться на грандіозной якутской экспедиціи.

По мнѣнію всѣхъ этнографовъ, изучавшихъ инородческія племена Сибири, якуты, послѣ бурятъ, представляютъ самое многочисленное племя среди сибирскихъ инородцевъ и одно изъ наиболѣе способныхъ къ воспріятію элементовъ высшей культуры. Не смотря, однако, на это, ихъ бытъ, міровоззрѣніе, языкъ, антропологическій характеръ племени, общественно-экономическое состояніе его, отношеніе къ русскому населенію якутской области и этого послѣдняго къ якутамъ, и нѣкоторые другіе вопросы были весьма мало и поверхностно изучены, а во многихъ мѣстахъ даже совершенно не затронуты. Между тѣмъ, изученіе быта якутовъ крайне важно не только съ научно-теоретической точки зрѣнія, но даже и съ практической, въ цѣляхъ упроченія ихъ благосостоянія. Настоятельная необходимость возможно полнаго этнографическаго, антропологическаго и статистико-экономическаго изученія инородческихъ племенъ давно сознается всѣми лицами, интересующимися судьбою инородцевъ. Въ частности, относительно якутовъ, судя по имѣющимся литературнымъ даннымъ, не для всѣхъ кажется рѣшеннымъ даже такой вопросъ: увеличивается-ли это племя численно и прогрессируетъ-ли, вообще, или-же, напротивъ, вырождается, вымираетъ.

Именно этотъ-то столь важный вопросъ остановилъ на себѣ вниманіе извѣстнаго друга просвѣщенія—И. М. Сибирякова. Въ 1888 году Ин. Мих. Сибиряковъ предложилъ бывшему тогда правителю дѣлъ отдѣла Г. Н. Потанину 5000 руб. для организаціи изслѣдованія быта инородцевъ Якутской области. Послѣ того, какъ лица, съ которыми г. Потанинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ переговоры, предлагая имъ взять на себя это изслѣдованіе, одно за другимъ отъ такового отказывались, И. М. Сибиряковъ въ 1892 году рѣшилъ передать, какъ организацію дѣла, такъ и дальнѣйшее веденіе и руководство бывшему правителю дѣлъ отдѣла Д. А. Клеменцу. Г. Клеменцъ принялъ предложеніе и внесъ обсужденіе этого вопроса въ распорядительный комитетъ отдѣла, гдѣ и высказалъ мнѣніе, что въ на-

стоящее время сѣверо-востокъ Азіи, послѣ блестящихъ экспедицій прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія, познакомившихъ публику съ общими условіями его природы и населенія, исключительно только нуждается въ разработкѣ деталей и болѣе продолжительныхъ наблюденіяхъ надъ мелочами быта инородцевъ, а такого рода изслѣдованія могутъ съ успѣхомъ быть выполнены только при условіи участія въ трудахъ экспедиціи мѣстныхъ силъ, уже извѣстныхъ отдѣлу, отчасти по своимъ трудамъ, отчасти по рекомендаціи компетентныхъ лицъ и администраціи края. Съ этимъ мнѣніемъ какъ отдѣлъ, такъ и жертвователь, увеличившій впослѣдствіи предназначенную имъ на работы экспедиціи сумму до 12 000 руб., — согласились и дѣло организаціи экспедиціи изъ мѣстныхъ силъ замедлилось лишь вслѣдствіе отъѣзда г. Клеменца, командированнаго Императорскою Академіею Наукъ въ Монголію. Возвратившись изъ своей командировки и получивъ разрѣшеніе Иркутскаго Генералъ-Губернатора приступить къ организаціи предпріятія, г. Клеменць отправился въ Якутскъ. Мѣстный губернаторъ принялъ судьбу экспедиціи близко къ сердцу и призналъ вполне основательнымъ мнѣніе г. Клеменца о томъ, что для выработки программъ и установленія самыхъ способовъ изслѣдованія необходимы особыя совѣщанія, которыя и происходили въ Якутскомъ областномъ статистическомъ комитетѣ. Предметами совѣщаній служили: 1) выработка подробныхъ программъ для этнографическаго изслѣдованія якутовъ и другихъ инородцевъ Якутской области, 2) выработка, согласно программъ, плановъ экспедиціонныхъ работъ по Якутскому и Колымскому округамъ и 3) обсужденіе финансовой стороны дѣла. Кромѣ того, тогда же было рѣшено, кромѣ главныхъ участниковъ экспедиціи, пригласить, если при ходѣ работъ представится необходимость, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, въ качествѣ сотрудниковъ къ главнымъ участникамъ экспедиціи. Такимъ образомъ, въ число участниковъ экспедиціи, кромѣ начальниковъ ея отдѣловъ, вошли еще и слѣдующія лица: г.г. Іоновъ, Ястремскій, Геккеръ, Осмоловскій, Гориновичъ, причемъ г. Осмоловскій былъ самостоятельно занятъ изученіемъ состоянія охоты и рыболовства со стороны техники, Гориновичъ — изученіемъ Якутской народной медицины и обихода якутовъ съ гигиенической точки зрѣнія, а г. Ястремскій — изученіемъ грамматики и законовъ якутскаго языка.

Въ результатъ указанныхъ совѣщаній оказалось, что изслѣдованіемъ быта инородцевъ пожелали заняться слѣдующія лица, ставшія, такъ сказать, во главѣ предпріятія:

Д. И. Меликовъ взялъ на себя разработку вопроса о криминальной психологіи якутовъ на основаніи матеріаловъ, заключающихся въ дѣлахъ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій.

Г. Виташевскій взялъ на себя изученіе юридическаго быта якутовъ; представленная имъ программа для собиранія соотвѣтствующаго матеріала распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) землепользованіе, 2) договорное право, 3) система родства, 4) семейное право, 5) наследственное право, 6) уголовное право, 7) судоустройство, 8) судебныя доказательства, 9) судопроизводство и 10) общественная организація. При выработкѣ своей программы г. Виташевскій главнымъ образомъ старался разработать возможно детальнѣе отдѣлы о землепользованіи, какъ о наиболѣе важномъ факторѣ общественно-экономической жизни, и о договорномъ правѣ, представляющемъ громаднѣй теоретическій интересъ, въ виду наличности архаическихъ формъ договоровъ въ системѣ юридическихъ обычаевъ якутовъ.

Г. Левенталь занялся изслѣдованіемъ экономическихъ отношеній якутовъ въ ихъ историческомъ развитіи и современномъ положеніи.

Г. Майковъ взялъ на себя собираніе антропометрическаго матеріала по вопросу объ обьякучиваніи русскихъ.

Въ Колымскомъ округѣ работали г.г. *Юхельсонъ* и *Богоразъ* по слѣдующей программѣ: 1) антропологическія измѣренія и наблюденія; 2) историко-географическія свѣдѣнія; 3) жилища и орудія; 4) одежда, пища и питье; 5) занятія и промыслы; 6) нравы, обычаи и другія племенные черты; 7) языкъ (списокъ словъ и образчики предложеній разныхъ нарѣчій, записанные правильной транскрипціей) и 9) вѣрованія и народное творчество.

Наконецъ, г. *Пекарскій* занялся обработкой своихъ обширныхъ матеріаловъ по составленію якутско-русскаго языка. Кромѣ того, онъ занимался изслѣдованіемъ быта якутовъ по программѣ, въ которую вошли слѣдующіе вопросы: 1) жилище и принадлежности, одежда, пища, питье и наркотическія вещества; 2) семейный бытъ: дѣтскій возрастъ и отрочество, брачный возрастъ, свадьба и супружеское сожителство, взаимныя отношенія членовъ семьи и родственниковъ, смерть и похороны, и 3) занятія и ремесла, игры и увеселенія, нравы и національный характеръ, вѣрованія и шаманство, языкъ и народное творчество.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ цѣли и планы работъ, которыми руководствовалась якутская экспедиція. Кромѣ того, Распорядительный комитетъ Восточно-Сибирскаго отдѣла, зная, что жертвователю весьма желательно произвести изслѣдованія и въ Олекминскомъ округѣ, съ цѣлью уясненія вліянія золотопромышленности на бытъ якутовъ этого округа, озаботился исполненіемъ этого желанія жертвователя, тѣмъ болѣе, что означенный вопросъ представляетъ глубокий интересъ и въ научномъ, и въ практическомъ отношеніяхъ.

Лицо, способное заняться этими изслѣдованіями, скоро отыскалось—г. С. Ф. Коваликъ. Распорядительный Комитетъ остановился на этомъ лицѣ, какъ на человѣкѣ, прожившемъ нѣсколько лѣтъ среди якутовъ и хорошо знакомомъ съ ихъ бытомъ и языкомъ. Коваликъ занялся изслѣдованіями по выработанной имъ самимъ программѣ, въ которую, кромѣ вышеуказаннаго кардинальнаго вопроса—уясненія вліянія золотопромышленности на бытъ якутовъ, вошли и многіе другіе, имѣющіе быть затронутыми изслѣдованіями въ Якутскомъ и Колымскомъ округахъ. Изслѣдованія г. Ковалика представили собою заключительную главу всѣхъ работъ по изслѣдованію Якутской области.

Якутская экспедиція дала возможность собрать массу чрезвычайно интереснаго въ научномъ отношеніи матеріала, значительная часть котораго еще не обработана. Но и то, что обработано и напечатано изъ трудовъ участниковъ якутской экспедиціи, представляетъ собою драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу науки.

Вотъ въ самыхъ краткихъ чертахъ итоги научной дѣятельности Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Мѣсто не позволяетъ намъ распространяться о прекрасномъ и цѣнномъ музеѣ, существующемъ при отдѣлѣ, о цѣнной библіотекѣ, главнымъ образомъ, по вопросамъ сибиревѣдѣнія, объ интересныхъ докладахъ, читавшихся въ засѣданіяхъ отдѣла и насчитывающихся сотнями, о публичныхъ лекціяхъ и курсахъ, и пр. и пр.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ издательской дѣятельности Отдѣла.

Литературная дѣятельность Сибирскаго, а затѣмъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго общества не ограничивалась изданіемъ отдѣльныхъ трудовъ экспедиціи, снаряжавшихся отдѣломъ, но выразилась, главнымъ образомъ, въ изданіи „Записокъ“, „Извѣстій“ и отчетовъ отдѣла.

„Обязанный своимъ существованіемъ,—говоритъ М. В. Заго-скинъ,—необходимости научныхъ изслѣдованій, совершаемыхъ на мѣстѣ по непрерывному плану, отдѣлъ долженъ былъ вскорѣ послѣ своего открытія проявить свою дѣятельность въ литературѣ и для этого имѣть свой органъ. Еще прежде учрежденія отдѣла у многихъ изъ жившихъ въ Сибири лицъ накопились литературные труды, остававшіеся въ портфеляхъ частію по скромности авторовъ, частію по отдаленности Сибири отъ литературныхъ центровъ. Для многихъ другихъ людей, способныхъ и обладавшихъ свѣдѣніями, не было ближайшихъ побужденій къ ученымъ и литературнымъ занятіямъ и они дѣлились своими познаніями развѣ съ заѣзжими учеными и путешественниками. Едва открылся отдѣлъ, какъ въ него буквально посыпались ото-

всюду статьи самаго разнообразнаго содержанія. Уже въ первый годъ дѣятельности отдѣла въ него поступило до 40 статей, въ 1862 году ихъ накопилось до 250. Правда, большая часть этихъ статей не много прибавляла цѣннаго матеріала къ имѣвшимся уже свѣдѣніямъ о Сибири; но и матеріала вполне цѣннаго для науки было не мало. Сначала отдѣлъ посылалъ эти статьи въ главное Географическое Общество, но вскорѣ оказалось, что само общество затрудняется печатаніемъ ихъ, по обилію матеріаловъ для своихъ изданій, и само предложило отдѣлу основать собственный печатный органъ. Такъ создались въ 1854 г. „Записки“ Сибирскаго отдѣла. Планъ записокъ составленъ тогдашнимъ редакторомъ „Записокъ Географическаго Общества“ даровитымъ Вл. А. Милютинымъ; мѣстнымъ редакторомъ избранъ былъ И. С. Сельскій. Пять томовъ „Записокъ“ было напечатано въ Петербургѣ; начиная же съ шестого, они печатались въ Иркутскѣ. Въ 1870 году отдѣлъ нашелъ возможнымъ, кромѣ „Записокъ“, издавать „Извѣстія“, въ которыхъ, въ видахъ скорѣйшаго обнародованія болѣе или менѣе интересныхъ и имѣющихъ современное значеніе свѣдѣній, предполагалось помѣщать небольшія изслѣдованія и статьи, а также лѣтопись отдѣла. Въ послѣднія нѣсколько лѣтъ „Записокъ“ отдѣлъ не издавалъ, „Извѣстія“ же продолжаютъ выходить ежегодно, въ числѣ трехъ—четырехъ нумеровъ.

Отчеты отдѣла, печатающіеся ежегодно иногда отдѣльными книгами или брошюрами, иногда въ книжкахъ „Извѣстій“, заключаютъ въ себѣ также довольно много интереснаго матеріала. Содержаніе ихъ далеко не исчерпывается отчетомъ о положеніи разныхъ отраслей дѣлъ и предпріятій отдѣла; въ нихъ помѣщенъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ монографій членовъ отдѣла: Чекановскаго, Дыбовскаго, Пѣтухова, Усольцева, Фритше, Липинскаго, Пржевальскаго, Полякова и мн. др.

На этомъ мы и покончимъ подведеніе итоговъ пятидесятилѣтней дѣятельности Восточно—Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Въ торжественный день пятидесятилѣтія помянемъ тѣхъ людей, которые жертвовали безкорыстно своими досугами, своими силами на пользу любимаго ими дѣла, на пользу науки и чело-
вѣчества. Восточно-Сибирскому же отдѣлу Императорскаго Русскаго Географическаго Общества пожелаемъ, со вступленіемъ его въ новое пятидесятилѣтіе дѣятельности, еще большаго развитія его силъ, расширенія задачъ и умноженія средствъ для плодотворной работы на благо нашей окраины.

Н. Г.

Темное дѣло.

(Окончаніе, — см. кн. 10 и 11 тек. года)

На другой день, вечеромъ, въ кабинетѣ земскаго засѣдателя, освѣщенномъ одной лампой, стоявшей на письменномъ столѣ, на которомъ лежали дѣла особой важности, въ мягкомъ креслѣ, придвинутомъ къ самому столу, сидѣлъ, развалившись, самъ Максимъ Александровичъ и покуривалъ сигару. У того-же стола, съ лѣвой стороны, сидѣлъ на стулѣ человекъ низенькаго роста, лѣтъ 45, съ нѣсколько рыжеватыми усами и бритой бородой. Одѣтъ онъ былъ въ черную сюртучную пару. Въ фигурѣ его, манерахъ и въ подобострастныхъ взглядахъ на засѣдателя, а также несмѣлыхъ поддакиваньяхъ на его слова, сразу же проглядывала подчиненность къ послѣднему. Этотъ низенькій человекъ былъ балахтинскій волостной писарь Василій Тарасевичъ Трошинъ, который десятилѣтнюю писарскую службу свою закончилъ въ послѣдствіи тюрьмою, какъ это случилось въ описываемое время съ большинствомъ сибирскихъ волостныхъ писарей, но, не дождавшись финала, благоразумно умеръ въ тюрьмѣ.

— Ну что, какъ наши Ямскіе гости чувствуютъ себя? спросилъ засѣдатель писаря.

— Ничего, сидятъ спокойно. Давеча пріѣзжали жены ихъ, но, согласно приказанія вашего, я не велѣлъ ихъ допускать къ нимъ.

— Прекрасно, такъ и слѣдуетъ. Что-же — они состоятельные? продолжалъ засѣдатель.

— Да, пожалуй, по всей волости богаче ихъ нѣтъ никого, — тысячами ворочаютъ.

— Гмъ. Ну, а какъ они на счетъ того... податливы? — Если, на примѣръ, погрозить имъ тюрьмою, кандалами, каторгой?

— Что вы, Максимъ Александровичъ! Боже сохрани, никогда до этого не допустятъ, озолотятъ васъ, только, батюшка, отпусти, потому первые люди въ волости, не захотятъ срамиться. Это не то, что Полежаевъ, который послѣднюю лошаденку продалъ, и, все-таки, никакъ не могъ на четвертную сбиться. Онъ такъ таки пяти рублей и не додалъ. Въ ногахъ валяется, плачетъ; нѣтъ, говоритъ, больше, да и только. А эти господа Лапатины и за тысячей не постоятъ, только ужъ, конечно, необходимо понажать на нихъ какъ слѣдуетъ, въ особенности, если есть къ тому основанія, и тогда...

— Прекрасно! Д-да, основанія..

Засѣдатель достаетъ изъ кармана поданный Ильею Зысь доносъ и, бросая писарю, говоритъ:

— На, прочти-ка эти основанія, чѣмъ онѣ пахнутъ?

Развернувъ сложенный по прежнему вчетверо листъ, писарь началъ читать, причемъ отъ времени до времени покачивалъ головой. Засѣдатель, не сводя съ него глазъ, слѣдилъ за движеніями писаря. Потомъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по кабинету. Когда писарь окончилъ чтеніе, засѣдатель подошелъ къ нему.

— Ну, что? Есть основанія?

— Да, Максимъ Александровичъ, это я вамъ смѣю доложить такое хлѣбное дѣло, какого я за всю свою десятилѣтнюю службу еще не встрѣчалъ. Только, извольте видѣть, тутъ маленькое препятствіе есть, которое во что-бы то ни стало надо устранить, а то, пожалуй, и все дѣло испортить.

— Что такое? какое такое нашелъ ты препятствіе?

— Саенко... Онъ является главнымъ свидѣтелемъ, онъ укажетъ, гдѣ зарыты трупы, и тогда—все дѣло пропало. Тогда ужъ, волей неволей, придется вести дѣло на чистоту, а при такомъ ходѣ дѣла многимъ не поживешься.

— Вѣрно! А мнѣ это обстоятельство и въ голову не приходило. Такъ какъ-же это быть?

— А очень просто: Саенко обвиняется въ сбытѣ фальшивыхъ денегъ, такъ, вѣдь?

— Такъ.—отвѣтилъ засѣдатель.

— Ну, вотъ, и нужно какънибудь подвести такую махинацію, что его требуется, будто-бы, заключить въ острогъ; онъ, какъ услышитъ это, и скроется. Онъ уже и ранѣе бродяжилъ года два. А какъ только Саенки не будетъ, то Зысь съ своимъ доносомъ останется въ дуракахъ. Ну, а трупы, если они и на самомъ дѣлѣ зарыты, Лапатины постараются спровадить куда-нибудь подальше. Вамъ-же это нисколько не помѣшаетъ нагрѣть какъ слѣдуетъ руки.

— И что за геніальнѣйшій ты человѣкъ, Василій Тарасевичъ—воскликнулъ засѣдатель, хлопнувъ писаря по плечу увѣсистой своей рукой. Ну, и такъ, значитъ, будемъ дѣйствовать?

— Хорошо, будемъ,—произнесъ писарь.

— Только вотъ что, Василій Тарасевичъ, относительно Саенки ты ужъ постарайся устроить самъ, что требуется, а въ дальнѣйшемъ увидимъ по ходу дѣла.

— Постараюсь, Максимъ Александровичъ, постараюсь.

— Ну и прекрасно! А теперь можко и выпить, пойдемъ-ка.

Въ слѣдующей комнатѣ приготовлена уже была приличная закуска и выпивка. Здѣсь только рѣшился писарь напомнить засѣдателю, что Михайло Лапатынъ былъ уже въ его рукахъ по дѣлу фальшивой десятирублевки.

— Какъ! Развѣ этотъ самый?

— Такъ точно, Михайлъ Александровичъ.

— Ахъ, онъ рак-а-а-ля этакой!

Онъ тотъ разъ надулъ меня, не все сполна отдалъ, обѣщаль привезти, да такъ и глазъ не показалъ. Ну, нѣтъ—теперь ужъ не сорвется; всѣ соки выжму, во какъ! И засѣдатель грозно сжалъ огромнѣйшій свой кулакъ.

— Да, да, такъ и слѣдуетъ проучивать ихъ, этихъ богачей, чтобы, значить, помнили, а то они скоро забываются.

Отдавъ должную честь Бахусу, наши дѣятели разстались друзьями.

Послѣ трехъдневнаго содержанія Лапатиныхъ въ волостной тюрьмѣ горбатымъ Тимкой принесены были въ сборную, смежную съ помѣщеніемъ для арестованныхъ, полдюжины заржавленныхъ кандаловъ. Вскорѣ явился и кузнецъ съ молоткомъ и наковальней, а затѣмъ изъ камеры былъ вызванъ первымъ Михайло Лапатынъ.

— Ну, разувайся! произнесъ повелительно Тимка.

У Михайлы, при видѣ кандаловъ и кузнеца съ молоткомъ, моментально пробѣжала по всему тѣлу нервная дрожь и было замѣтно, какъ этотъ съ желѣзнымъ характеромъ человѣкъ, при этой потрясающей картинѣ, сразу превратился въ малаго ребенка. Онъ не въ состояніи былъ промолвить слова, только умоляющимъ видомъ посматривалъ то на Тимку, то на кузнеца. Вошедшій въ это время въ сборную одинъ изъ членовъ волостного правленія, хорошо знакомый Михайлѣ, произвелъ на него еще болѣе удручающее впечатлѣніе. У него ручьемъ хлынули слезы, и, повалившись на полъ предъ членомъ, Михайло завопилъ, какъ малый ребенокъ.

— Смилосердствуйте, отцы родные! За какую такую вину вы меня, какъ разбойника, хотите заковать, что я вамъ такое сдѣлалъ? Кажись, окромя хлѣба-соли, ничего дурного вы отъ меня не видали.

— Не наша воля, Михайло Сильверстовичъ, такъ баринъ приказалъ и мы ничего не можемъ пособить тебѣ! произнесъ волостной членъ.

— Ну, такъ дозвоьте-же мнѣ хоть къ барину сходить. Я упрошу его освободить меня отъ этой бѣды, — взмолился Михайло.

— Не можемъ, Михайло Сильверстовичъ, не можемъ мы и этого сдѣлать. Ты, поди, самъ знаешь нашего барина, что онъ разъ приказалъ, то и нужно, значить, исполнить. А вотъ, какъ закуемъ, то тогда и къ барину васъ всѣхъ, — такъ приказано.

— Ну, скидавай бродни живѣе! повторилъ Тимка.

Но у Михайлы руки точно отказались служить. Онъ дрожали и, какъ онъ ни силился развязать ремень у бродней и

скинуть ихъ, ничего не выходило. Тимка помогъ ему въ этомъ. Вскорѣ раздался стукъ молотка и минутъ черезъ десять обѣ ноги были уже закованы. Михайло, поднявшись и пошатываясь, какъ пьяный, уведень былъ обратно въ камеру, звѣня тащившимися по полу цѣпами. Затѣмъ, закованы были также и остальные Лапатины за исключеніемъ стараго Сильверста, который избавился отъ кандаловъ, вѣроятно, благодаря преклонности своихъ лѣтъ. Тотчасъ-же послѣ заковки всѣ Лапатины, въ сопровожденіи четырехъ конвоировъ, препровождены были въ канцелярію земскаго засѣдателя. Неожиданно для жителей села Балахтинскаго улица огласилась звономъ кандаловъ; изъ лавокъ и со дворовъ выбѣгали смотрѣть на это небывалое въ Балахтѣ зрѣлище. Каждый зналъ богачей Сильверстовыхъ и по-этому изумленіямъ не было конца. Всѣ спрашивали другъ у друга, что такое стряслось надъ Сильверстовыми? За что это? Но никто не въ состояніи былъ удовлетворить этого простого любопытства, потому что никто ничего не зналъ.

Засѣдатель предвкушалъ уже плоды своихъ будущихъ дѣяній. Предначертанный писаремъ планъ,—что при умѣнны вести дѣло Лапатины „озолотятъ его“—вызывалъ въ его воображеніи самыя яркія картины. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія Лапатиныхъ и даже отъ удовольствія потиралъ свои оживленныя руки. Отдавъ приказаніе сторожу не впускать никого въ канцелярію постороннихъ подъ предлогомъ того, что баринъ — де занятъ важными дѣлами,—онъ закурилъ сигару, усѣлся на свой стулъ, выпуская изо рта кольцами дымъ. Но, вотъ, звонъ кандаловъ приближался и былъ уже слышенъ въ канцеляріи; вотъ дверь отворилась и небольшая канцелярія наполнилась кандалыщиками и сопровождавшимъ ихъ конвоемъ.

Засѣдатель, и безъ того наводившій внѣшностью своею на крестьянина страхъ, принявъ еще болѣе строгій видъ, обратился къ Лапатынымъ:

— А, это убійцы Лапатины! это содержатели поддѣльвателей денегъ! Вотъ, голубчики, теперь то вы попали мнѣ! Соскочивъ со стула, онъ продолжалъ:—Ну, рассказывайте ка, какъ это вы бродягъ уколошили?

— Знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣтили почти въ одинъ голосъ Лапатины.

— Какъ это вы не знаете? Сейчасъ же сказывайте, какъ это вы убили трехъ бродягъ, иначе я прикажу и руки заковать вамъ!

— Воля ваша, ваше высокоблагородіе, а мы сномъ-духочъ ничего не знаемъ. Этта, надо быть, нашъ сосѣдъ Зысь понасердкѣ наговорилъ вамъ на насъ; онъ упорствуетъ супротивъ общественнаго приговора и...

Но засѣдатель не далъ окончить и заоралъ во все горло:

— Молчать! Я приказываю отвѣчать мнѣ на вопросы, а не болтать то, что не относится къ дѣлу. Сказывайте, гдѣ зарыты тѣла убитыхъ вами бродягъ? Въ противномъ случаѣ я сейчасъ же пошлю откопать ихъ по указанію свидѣтеля и тогда вамъ хуже будетъ. У меня, вѣдь, есть доказательства на всѣ ваши злодѣйства и ничего отъ меня не скроете.

Послѣ такого аргумента всѣ замолчали, повѣсивъ головы. Михайло, переминаясь съ ноги на ногу, видимо, что-то хотѣлъ объяснить, но языкъ не повиновался ему; онъ изо всей силы старался произнести что-то въ свое оправданіе, но это ему не удавалось, лишь холодныя капли пота показывались на его лысинѣ.

Между тѣмъ, засѣдатель пуще прежняго заоралъ:

— Убійцы вы! Убійцы! вы своими злодѣйствами состояніе себѣ составили, теперь все прахомъ пойдетъ у васъ! Заморю, заморю въ острогѣ, въ каторгѣ сгніете! Сейчасъ же сказывайте мнѣ, какъ это вы мастеровъ держали да убивали ихъ!

Наконецъ, Михайло собралъ всѣ свои усилія и началъ подавленнымъ голосомъ:

— Ваше высокоблагородіе! Будьте милостивы, выслушайте меня.

— Ну, говори.

— Прожилъ я на свѣтѣ, слава Богу, 56 лѣтъ, и не только вся наша деревня, но, почитай, вся волость знаетъ, что никакими художествами я не занимался и всѣ мною были довольны, не токмо свои деревенскіе, но даже господа засѣдатели, которые допрежъ васъ служили. Было время, что я и ихъ выручалъ, какъ подойдетъ, бывало, такая линія... Вотъ извольте спросить Василя Тарасевича и онъ про меня ничего худого не скажетъ, кромѣ добраго, потому, значить, тоже доволенъ моимъ хлѣбомъ-солью... За что-же нонѣ такая напасть пришла? Всѣ смотрятъ на насъ, какъ на иззабыльшыхъ злодѣевъ! Все это напраслина, напраслина. Я готовъ ваше высокородіе Богъ знаетъ, чѣмъ отвѣтствовать предъ вашей милостью, только ослобоните отъ этой оказіи. При этомъ Михайло указалъ на кандалы и продолжалъ: заставьте вѣчно Бога молить за васъ, будьте отцомъ роднымъ, не сдѣлайте насъ несчастными... Въ это время онъ повалился на колѣни предъ засѣдателемъ, а за нимъ и всѣ остальные.

— Это что такое? Встать! крикнулъ засѣдатель. — Я не требую отъ васъ поклоновъ, а требую, на основаніи закона, чисто-сердечнаго признанія въ совершенныхъ вами преступленіяхъ, о которыхъ мнѣ доподлинно все извѣстно, и повторяю, что если вы не сознаетесь, то слишкомъ плохо вамъ будетъ.

— Не въ чемъ ваше высокоблагородіе сознаваться; хотъ зарѣжте—ничего мы не знаемъ,—отвѣтили Лапатины.

— А, такъ вы ничего не знаете! Вотъ погодите, я засталоу васъ знать. Сторожъ! Бѣги въ волость, къ волостному головѣ и скажи ему, что-бы онъ сейчасъ-же ко мнѣ пришелъ вмѣстѣ съ кузнецомъ.—Кругомъ закую и заморю! Голодомъ заморю, разбойники эдакіе!

— Ваше высокоблагородіе!—ожалѣйте мою старость, обратился къ засѣдателю, еле держась на ногахъ, столѣтній Сильверстъ. Мнѣ что-то шибко не можется. Увольте меня ради истиннаго Бога домой, а утречкомъ я пріѣду, и тогда всѣхъ насъ сообща допросите; да и имъ то дайте сегодня маленько одуматься. Вишь, въ первый разъ они въ такой бѣдѣ, ну, и испужались...

— Я и такъ ужъ сдѣлалъ для тебя снисхожденіе, что не заковалъ.—Хорошо, принимая во вниманіе твои преклонныя лѣта, я тебя отпущу, но только знай, что завтра утромъ ты непременно долженъ пріѣхать. А вамъ—обратился засѣдатель къ остальнымъ, даю на размышленія сутки. Хорошенько подумайте и приготовьтесь къ отвѣтамъ. Ступайте.

Вся партія тронулась обратно въ волостную тюрьму. Закованные заперты были по прежнему, а старый Сильверстъ тотчасъ-же уѣхалъ въ Ямку.

Утромъ слѣдующаго дня онъ былъ снова въ Балахтѣ, побывалъ у волостного писаря и съ нимъ вмѣстѣ сдѣлалъ визитъ засѣдателю; чѣмъ сопровождался этотъ визитъ—неизвѣстно, но только Лапатины того же дня освобождены были отъ оковъ и вторично, въ сопровожденіи конвоя, приведены въ канцелярію засѣдателя, гдѣ имъ предъявленъ былъ доносъ Ильи Зысь, который они называли клеветой. Оформивъ это обстоятельство отобраніемъ отъ Лапатиныхъ показаній, что они ничего знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ, засѣдатель, тѣмъ не менѣе, завелъ объ этомъ форменное дѣло, записавъ его въ настольный регистръ. Затѣмъ, сдѣлалъ распоряженіе о вызовѣ къ себѣ для допросовъ Зысь и Саенко, но по справкамъ оказалось, что послѣдняго и слѣдъ простылъ... Зысь-же на допросѣ у засѣдателя подтвердилъ свой доносъ и настаивалъ на разысканіи Саенко, какъ свидѣтеля, могущаго указать мѣсто, гдѣ зарыты трупы. Но какъ его не искали, а никакихъ слѣдовъ его не нашли. Куда онъ дѣвался—неизвѣстно, въ воду канулъ.

Лапатины, просидѣвъ подъ арестомъ еще недѣлю, были освобождены. Но Зысь не унимался. Онъ вскорѣ подалъ прошеніе губернатору, жалуюсь на бездѣйствіе засѣдателя.

И вотъ, по распоряженію начальства, съ нѣсколькихъ деревень наряжены были крестьяне для отысканія по Сухому

Ключу мѣста, гдѣ зарыты были трупы. Много употреблено было труда, но найти ничего не удалось. Правда, въ одномъ мѣстѣ обнаружили продолговатой формы яму, но кѣмъ она была вырыта и для какой надобности—никто не могъ объяснить этого.

Михайло Лапатынъ сталъ частенько бывать въ Балахтѣ. Всегда его можно было видѣть у засѣдателя, у писаря и у засѣдательскаго письмоводителя и, очевидно, визитами его всѣ они были довольны...

Илья Зысь все это видѣлъ и крайне возмущался положеніемъ начатаго имъ дѣла. Онъ ужъ и самъ принималъ мѣры къ розысканію Саенки и у него составилось убѣжденіе, что и Саенко убить съ цѣлью скрытія слѣдовъ преступленія, совершеннаго Лапатыными. Много онъ тратился на наемъ разныхъ адвокатовъ, много они писали ему самыхъ разнообразныхъ прошеній во всѣ губернскія учрежденія и должностнымъ лицамъ, и, конечно, небольшое его состояніе значительно стало приходить въ упадокъ, такъ какъ на прошенія денегъ онъ не жалѣлъ, платилъ всегда щедро, лишь бы дѣло пошло въ ходъ.

Однажды въ Ямкѣ появились какія то двѣ незнакомыя личности. Ходили онѣ по избамъ, не разъ видѣли ихъ въ кабакѣ. Соберется ли гдѣ кучка крестьянъ, онѣ тутъ какъ тутъ. Вели они себя чинно, только ужъ что-то подозрительно было: куда бы онѣ не являлись, темой ихъ разговора были Сильверстовы. Впослѣдствіи оказалось, что это были переодѣтые жандармы. Ничего новаго по дѣлу Сильверстовыхъ не было ими обнаружено, кромѣ лишь того, что установлено, какъ племянникъ Михайла Сильверстова—Фролъ однажды укорилъ перваго въ томъ, что тотъ какихъ-то бродягъ отправилъ на тотъ свѣтъ.

Наконецъ засѣдатель Шамраевъ уволился, уѣхалъ въ Ачинскъ и тамъ скоропостижно умеръ. Въ Балахту поступилъ другой засѣдатель. Сильверстовы, было, и успокоились: „Авось теперь дѣло позабудется, или новый засѣдатель будетъ посписходительнѣе“—такъ думали они. Но не тутъ то было. На первыхъ же порахъ онъ взялся за нихъ. Опять пошли спросы да разпросы, опять на сцену стали появляться угрозы кандалами, тюрьмой, каторгой... Что было дѣлать? Необходимо было умиловитивить и новаго барина...

Такъ шли годы за годами. Засѣдатели мѣнялись часто, а дѣло Сильверстовыхъ изъ засѣдательской канцеляріи никуда не передвигалось. Оно служило для засѣдателей хорошей доходной статьей. И великимъ горемъ для Сильверстовыхъ былъ пріѣздъ новаго засѣдателя: только что, бывало, они привыкнутъ къ старому, помогутъ ему по новости какъ слѣдуетъ обставиться, на барскую нсгу, и онъ, какъ будто, начинаетъ снисходительнѣе къ нимъ относиться, требованія его менѣе уже чувствительны

становятся для Сильверстовыхъ, какъ вдругъ, смотришь, на мѣсто его уже другой назначенъ и опять, значить, нужно завести знакомство, опять заискивать барской милости...

Всѣ такія умиротворенія засѣдателей и ихъ писмоводителей требовали значительныхъ расходовъ и, не смотря на порядочное состояніе Сильверстовыхъ, оно тоже стало приходить въ упадокъ. Да и не мудрено: нужно было имѣть, что называется, золотыя горы, чтобы безъ ущерба для себя можно было удовлетворять эти ненасытные аппетиты дѣятелей былого времени. Сколько было такихъ экстраординарныхъ требованій къ Сильверстовымъ, какъ, напр., послѣ проигрыша, или передъ какимъ нибудь пиршествомъ, гдѣ являлось желаніе блеснуть на славу: даже такія потребности, какъ завести новый мундиръ, или барынѣ модное платье,—отзывалось тоже на карманѣ Сильверстовыхъ. А не удовлетворить, отказать въ требованіи,—значить, снова нужно подвергаться мытарствамъ.

Михайло совсѣмъ палъ духомъ. Онъ далеко уже не похожъ былъ на того, какимъ былъ прежде. Вмѣсто прежняго хвастовства, вродѣ того, что: „будетъ этого скаля крышу покрыть“—часто можно было слышать жалобы на то, что денегъ нѣтъ, а куда онѣ дѣвались,—всѣ это хорошо знали. Торговля скотомъ и хлѣбомъ давно уже прекратилась. Племянники и старшій сынъ Иванъ отдѣлились отъ Михайла. Хозяйство и хлѣбопашество значительно уменьшилось, а заимка на Сухомъ Ключу давнымъ давно уже совсѣмъ разорилась. Однимъ словомъ, положеніе Сильверстовыхъ было одно изъ самыхъ незавидныхъ.

Сосѣдъ Сильверстовыхъ—Илья Зысь жилъ по прежнему въ своемъ домишкѣ и его давно уже никто не беспокоилъ на счетъ усадьбы.

Мѣсто, которое Михайло раньше старался всѣми силами оттягать у него, теперь уже не нужно ему было, и Михайло горько раскаявался, что началъ это неправо дѣло, которое причинило ему столько непріятностей и повлекло къ полному разоренію.

Но Зысь, все-таки, писалъ и писалъ. Онъ своими прошеніями надоѣлъ даже начальству. Мало того, что онъ всячески старался доказать обвиненіе противъ Лапатиныхъ, онъ взводилъ обвиненіе даже на всѣхъ засѣдателей, начиная съ Шамраева, уличая ихъ въ лихоимствѣ, благодаря которому, по его мнѣнію, дѣло Сильверстовыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не получило должнаго направленія. Онъ, не имѣя уже денегъ на наемъ писцовъ и адвокатовъ, продалъ свою насѣку и все продолжалъ сутяжничать.

И такъ, два сосѣда, жившіе раньше между собою мирно, стали злѣйшими врагами и оба съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разорялись.

Г. Томскъ.—Зданіе общественнаго собранія.

Tomsk.—Vue du club social.

Г. Каинскъ, Томской губ.—Малая Набережная улица.

Vue de ville de Kainsk dans le gouvernement de Tomsk.—Rue petite Nabérégniaia.

Дѣло Сильверстовыхъ отозвалось неблагопріятно и на крестьянахъ деревни Ямки. Податей за неимущихъ некому было вносить. Старшинѣ приходилось ожидать, когда смолотится хлѣбъ, когда онъ продастся, а продать то его тоже было некому въ своей деревнѣ. Нужно обращаться въ сосѣднія деревни, или ожидать Балахтинской Никольской ярмарки (6 декабря), а отъ этого копилась недоимка и деревня, раньше славившаяся аккуратнымъ взносомъ податей, вдругъ утратила эту славу.

Однажды, къ общему удивленію всѣхъ, а Ильи Зысь въ особенности, изъ Ачинска присланъ былъ въ волость разыскиваемый Саенко. Онъ со дня исчезновенія бродяжилъ по разнымъ мѣстамъ и добрался до Полтавской губерніи (родины своей), откуда его препроводили этапнымъ порядкомъ въ мѣсто ссылки, и, вотъ, тутъ то Сильверстовы загрустили пуще прежняго.

— А, все равно, скорѣй бы ужъ конецъ былъ. Но только не поддамся, до послѣдняго гроша тянуться буду, а не поддамся. Чѣмъ онъ докажетъ? — Такъ утѣшалъ себя Михайло Сильверстовъ.

Началось формальное слѣдствіе. Опять пошли допросы Сильверстовыхъ, опять Михайло сталъ визитировать къ засѣдателю; но засѣдатель, который былъ въ то время, поручилъ это дѣло и всякія сношенія съ Сильверстовыми всецѣло письмоводителю своему изъ ссыльныхъ Александру Васильевичу Кульченко. Этотъ Кульченко для Михайла былъ настоящимъ вампиромъ: „Высосалъ онъ меня!..“ говаривалъ, бывало, Михайло. Не стѣснялся даже самъ пріѣзжать въ Ямку къ Михайлѣ на обывательскихъ лошадяхъ, гдѣ по цѣлымъ зимнимъ ночамъ въ домѣ Сильверстовыхъ устраивались за счетъ Михайлы всевозможныя оргіи...

Саенко на допросѣ показалъ, что ушелъ бродяжить изъ за того, что Сильверстовы, будто-бы, хотѣли убить его. Все, что было изложено въ доносѣ Ильи Зысь, онъ подтвердилъ и добавилъ, что въ той ямѣ, которая найдена была у Сухого Ключа, зарыты были Сильверстовыми трупы убитыхъ ими бродягъ, которые, по освобожденіи ихъ изъ подъ ареста, были вырыты и свезены ими въ рѣку Енисей.

Такимъ образомъ, дѣло принимало оборотъ все болѣе серьезный. Всѣ обстоятельства слагались не въ пользу Сильверстовыхъ, а каждый новый фактъ, служившій уликой къ обвиненію ихъ, *благодѣтельно* отзывался на благосостояніи господъ, производившихъ слѣдствіе, что было имъ и на руку. Сильно ужъ надоѣла Михайлѣ эта волокита, а главное — касса его непомѣрно страдала, такъ что содержимое въ ней приходило уже къ концу. Между тѣмъ, дѣлу конца не было видно. Михайло самъ ужъ началъ ходатайствовать о скорѣйшемъ окончаніи слѣдствія и передачѣ дѣла по принадлежности. Наконецъ, оно изъ засѣда-

тельской канцеляріи двинулось въ подлежащую инстанцію и Михайло, вздохнувъ во всю грудь, промолвилъ: „Слава Тебѣ Господи! Теперь-то хоть избавлюсь я отъ кровопійцы; хоть маленько останется на старость—и то слава Богу!“ Михайло совсѣмъ уже считалъ поконченными всякіе счеты съ засѣдательскимъ письмоводителемъ. Но не тутъ то было! Къ несчастью, подвернулась такая совершенно неожиданная исторія, что Михайлѣ пришлось совсѣмъ очистить свою кассу.

Засѣдательскій письмоводитель Кульченко давно уже началъ ходатайство о возвращеніи утраченныхъ имъ по суду правъ, какъ, вдругъ, на это ходатайство и получилось удовлетвореніе; кромѣ того, ему предоставлено право поступленія на государственную службу и, вотъ, мѣстомъ служенія онъ избралъ Ачинскій окружный судъ, куда назначенъ на должность секретаря по уголовному отдѣленію. Въ этотъ то судъ должно было поступить и дѣло о Сильверстовыхъ.

Въ одну изъ осеннихъ темныхъ ночей къ дому Сильверстовыхъ со звономъ колокольчиковъ подъѣхалъ запряженный парой взмыленныхъ обывательскихъ лошадей тарантасъ. Въ домѣ всѣ всполошились, мгновенно зажгли огни, отворили ворота и въ переднюю комнату вошелъ Кульченко. Онъ былъ уже въ форменной съ кокардой фуражкѣ и въ мундирѣ съ блестящими пуговицами.

— Секретарь Ач—го Окружнаго Суда, важно отрекомендовалъ онъ себя встрѣтившему его со свѣчей въ рукѣ Михайлѣ.

— А, Александръ Васильевичъ! Милости просимъ, милости просимъ, пожалуйста гостенекъ дорогой! Такъ привѣтствовалъ Михайло гостя, хотя на душѣ у него совсѣмъ было другое.

— Вотъ, Михайло Сильверстовичъ,— началъ Кульченко,— судьба насъ не разъединила еще съ тобой. А ты ужъ навѣрно думалъ, что всему дѣлу и конецъ и не чаялъ уже видѣться со мной?

— Почто такъ, мы рады добрымъ людямъ, милости просимъ Александръ Васильевичъ, будьте дорогимъ гостемъ.

Ну, пожалуй, что не дешевымъ,—не ошибся... Вотъ что, ты слышалъ пословицу: „Все что ни дѣлается, къ лучшему“. Видишь ли, какая статья выходитъ. Дѣло ваше опять не минетъ моихъ рукъ, потому что завтра же я отправляюсь къ мѣсту новаго служенія въ Ач—ій Окружный Судъ.—Это видишь что? Указываетъ на свѣтлыя пуговицы мундира. Ну, такъ вотъ, по обязанности секретаря, я буду составлять приговоръ. Понимаешь, что такое приговоръ?

— Ну, да какъ не понимать, одно слово приговоръ, да и только.

— Нѣтъ, ни одно слово, а это, видишь ли ты, самая замысловатая, важная штука. Отъ этого приговора, какъ онъ будетъ написанъ, зависитъ вся твоя участь: напишу въ каторгу, ну и въ каторгу пойдешь, напишу оставить безъ послѣдствій, ну, значитъ, ничего и не будетъ. Однимъ словомъ, вся сила будетъ въ томъ, какъ я напишу, въ томъ самомъ видѣ приговоръ, безъ малѣйшаго измѣненія, и Губернскій Судъ утвердитъ.—Понялъ теперь?

— Какъ не понять, понялъ. Такъ ужъ вы, Александръ Васильевичъ, смилосердствуйте, не забудьте нашу хлѣбъ-соль; сами знаете сколько лѣтъ мы маемся, совсѣмъ разорились.

— Да, жалко мнѣ тебя, Михайлъ Сильверстовичъ, да дѣлать нечего. Но зато ужъ теперь наступила, такъ сказать, окончательная реакція: теперь отъ тебя зависитъ, дать ли дѣлу подлежащій по существу ходъ, или для блага своего противодѣйствовать ему, а это то самое противодѣйствіе въ твоей власти. Ну понялъ теперь, что требуется?

— Понять-то понялъ, только какъ же мнѣ дѣйствовать-то надо, тутъ вы сказали одно такое мудреное слово, которое я впервые слышу, знаете Александръ Васильевичъ, я, вѣдь, не ученъ.

— Эхъ, милый, не въ наукѣ-то, вѣдь, дѣло. Какой это ты непонятливый сталъ, право. Вѣдь, ты знаешь пословицу: „Сухая ложка ротъ деретъ“. Ну, а тамъ то, не то что здѣсь. Приговоръ, который я напишу, будетъ слушаться полнымъ составомъ членовъ суда, да и стряпчій тутъ же будетъ, ну и надо всѣхъ, какъ слѣдуетъ, расположить въ твою пользу, а то если ктонибудь заартачится, ну тогда и пиши, что все пропало. Теперь вся суть то въ томъ, чтобы не пожалѣть тебѣ отъ своихъ щедротъ и тогда, значитъ, дѣло будетъ въ шляпѣ. Ну, теперь понятно?

— Охъ, Александръ Васильевичъ, тяжело, больно ужъ тяжело мнѣ, весь-то я разорился. А сколько же вашей милости угодно будетъ? Только ужъ такъ, чтобъ шибко не обидно было мнѣ.

— Да одну тысяченку, только; это уже послѣдній разъ и мы съ тобой распростимся.

Ахнулъ бѣдный Михайло и хлопнулъ обѣими руками объ полы. Какъ ни упрашивалъ онъ уступить скольконибудь изъ назначенной суммы, но Кульченко привелъ такой аргументъ, что ни копѣйки нельзя убавить. Какъ ни жаль было Михайлѣ разставаться съ послѣдними крохами, но дѣлать нечего. Очистилъ онъ свое казнохранилище, даже всѣ золотые отдалъ, которые хранились у него нѣсколько лѣтъ, и сдавленнымъ отъ горя голосомъ, обращаясь къ своему благодѣтелю, сквозь слезы

промолвилъ: „Александръ Васильевичъ, ваше благородіе! Последнее, послѣднее отдаю!.. Будьте отцомъ роднымъ, сдѣлайте все по Божески, чтобъ, значить, не пришлось жалѣть, что даромъ все пропало и чтобы не пришлось еще страдать“.

— Успокойся, Михайло Сильверстовичъ, даю тебѣ благородное мое слово, что сдѣлаю все, какъ слѣдуетъ. Ну, а теперь и до свиданья, будьте всѣ здоровы и живите какъ жили по прежнему, ни сколько не опасаясь за свою будущность. Колокольчики снова раздались по деревнѣ и Кульченко выѣхалъ изъ Ямки навсегда.

Спустя полъ-года послѣ послѣдняго иосѣщенія Кульченкомъ Сильверстовыхъ, получилось давно ожидаемое рѣшеніе Ен—аго Губернскаго Суда, которымъ всѣ Сильверстовы по взводимому на нихъ обвиненію въ убійствѣ бродягъ, за недостаточностью уликъ, оставлены въ подозрѣніи. Такъ и кончилось это темное дѣло, длившееся около семи лѣтъ. Съ плечъ Сильверстовыхъ свалился тяжелый камень, который оставилъ по себѣ неизгладимые слѣды, ибо, что потеряли они за это время, трудно было воротить, не говоря уже о нравственной пыткѣ, которую каждый изъ нихъ вынесъ. Старый Сильверстъ вскорѣ послѣ этого умеръ, а Зысь въ конецъ разорился.

С. А. Коваленко.

Воспоминаніе о С. Я. Надсонѣ.

Окончаніе см. кн. 9—11 тек. года).

Генераль Шм—тъ не зналъ никого изъ насъ и поэтому предъявлялъ ко всѣмъ одинаковыя требованія. Младшій курсъ въ теченіи года долженъ былъ пройти всѣ военныя премудрости и потому въ лагеряхъ уже были одинаковыя требованія ко всѣмъ юнкерамъ. Здѣсь мы уже составляли общій ротный строй—оба курса были смѣшаны. Исключеніе было только для одной стрѣльбы, которую производилъ каждый курсъ отдѣльно.

Плѣхо было то, что всѣ смотры, маневры, и стрѣльба—происходили довольно далеко отъ лагеря. Приходилось верстъ пять идти, чтобы заняться какойнибудь часъ, и опять идти подъ палящими лучами солнца тотъ же конецъ. Много пропадало даромъ времени и сильно утомляла насъ эта, по нашему мнѣнію, напрасная ходьба.

Капитанъ Ог—въ, ходившій съ нами на стрѣльбу, считалъ эту ходьбу—военной тренировкой и иногда продѣлывалъ такіа

штуки: вмѣсто стрѣльбы онъ заставлялъ насъ бѣжать и не переходить въ шагъ до самаго лагеря. Правда, онъ разрѣшалъ отставать тому, кому было не въ моготу бѣжать все время, но потомъ надъ отставшимъ подсмѣивался, что заставляло насъ бѣжать до послѣдней возможности. Ог—въ въ концѣ концовъ достигъ того, что почти всѣ мы могли пробѣгать безъ отдыха сказанное разстояніе. Конечно, Надсонъ ни разу не добѣгалъ до училища, но онъ до конца остался исключеніемъ и на него не распространялись насмѣшки взводнаго командира.

Насколько Надсонъ мирился съ дневальствами въ училищѣ, настолько онъ ненавидѣлъ ихъ въ лагерѣ. Здѣсь обязанность дневальнаго состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ стоять на „линіи“—такъ называлась граница лагеря—и, при появленіи начальства, кричать: „Дежурные и дневальные на линію“. При этихъ вызовахъ весь дежурный персоналъ выходилъ на линію и стоялъ на своихъ мѣстахъ, пока начальство не скрывалось изъ виду.

Въ лагерѣ начальства много и потому эти вызовы дѣлались постоянно. Всегда надо было быть на сторожѣ. Два дневальныхъ, отъ каждой роты, мѣнялись между собой черезъ 2 часа. Дневальство одинаково отбывалось днемъ и ночью и при всякой погодѣ. Въ то время мы носили на боку тяжелые гренадерскіе тесаки. Тесакъ этотъ особенно беспокоилъ Надсона; онъ какъ бы перетягивалъ на одну сторону всю хрупкую фигуру поэта.

По вечерамъ у насъ иногда устраивались любительскіе спектакли, для чего съ разрѣшенія начальства въ помѣщеніи 3-ей роты юнкера устроили постоянную сцену. Спектакли бывали очень удачны, не смотря на то, что женскія роли исполнялись тѣми же юнкерами.

Выборъ любителей былъ большой и всегда можно было выбрать болѣе талантливыхъ исполнителей.

Бывало, мы приглашали на наши спектакли свое начальство съ женами, и они насъ посѣщали.

Надсонъ никогда не принималъ участія въ спектакляхъ. Но за то, когда устраивались литературно-музыкальные вечера,—С. Я. былъ героемъ вечера. Читалъ онъ всегда что-нибудь свое. Долгое несмолкаемое браво и bis—были наградой поэту.

Читать ему приходилось безъ конца. Если случалось, что въ помѣщеніи нѣтъ никого изъ нашего начальства, то Надсонъ, согрѣтый сочувствіемъ! слушателей, прочитывалъ что-нибудь, посвященное начальству и нашей юнкерской жизни. Восторгамъ не было конца. Въ результатѣ—качаніе поэта.

Надсонъ былъ доволенъ этими оваціями; онъ какъ бы чувствовалъ, что это начало того восторга, который ему современемъ выскажетъ весь образованный міръ.

Читаль Надсонъ—дивно хорошо. И безъ того талантливья произведенія въ его чтеніи еще больше выигрывали.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, послѣ оказанныхъ ему овацій, С. Я., обыкновенно, находился въ какомъ-то восторженномъ настроеніи духа; иногда ему приходила охота пошкольничать: то подставить ногу проходящему мимо товарищу, такъ что тотъ чуть не упадетъ, то зоветъ кого-нибудь, говоря, что къ нему кто-то пріѣхалъ на свиданіе изъ города, и выдумывалъ другія въ этомъ родѣ шалости.

Съ увлеченіемъ Надсонъ занимался пусканіемъ воздушныхъ шаровъ. Мы клеили изъ разноцвѣтной папирсной бумаги шары, иногда до сажени въ діаметрѣ, подвѣшивали чашку со спиртомъ, который, будучи зажженъ, согрѣвалъ въ шарѣ воздухъ. Для красоты, помимо спирта, укрѣплялась внутри шара зажженная свѣча. Шары пускались вечеромъ въ темнотѣ. Картина выходила очень эффектная. Случалось, что, покачиваемый вѣтромъ изъ стороны въ сторону, шаръ загорался отъ свѣчи или пламени спирта. Бумага быстро воспламенялась и огненный клубокъ падалъ на землю.

Шары наши всегда погибали, или ихъ куда-нибудь заносило вѣтромъ, или, что случалось чаще, шаръ сгоритъ,—если не въ воздухѣ, то при паденіи на землю загорится отъ свѣчи.

Въ началѣ лагернаго сбора къ намъ являлись какія-то подозрительныя личности съ предложеніемъ купить щенковъ, будто бы, царской охоты. Многіе покупали, купилъ и Надсонъ себѣ за 5 рублей щенка водолаза и назвалъ его „Другомъ“. Нѣкоторые утверждали, что „Другъ“ не водолазъ, а чистокровный *дворянинъ*, какъ называли у насъ дворяшекъ.

Что-бы вышло изъ „Друга“—осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, ибо онъ черезъ мѣсяць не вынесъ чумленія и издохъ. Надсонъ былъ очень огорченъ. Особенно непріятно ему было потому, что песъ былъ названъ имъ *другомъ*.

— И зачѣмъ я его назвалъ „другомъ“? Плохое предзнаменованіе. У меня пропалъ дѣйствительно другъ и больше собаки никогда заводить не буду.

Интересно знать, была ли у Надсона въ послѣдствіи собака или онъ сдержалъ свое слово.

Другъ былъ закопанъ на берегу озера въ одномъ изъ вырытыхъ нами, во время саперныхъ работъ, ложементовъ и на его могилу былъ взваленъ довольно большой камень.

Лагерь благополучно подходилъ къ концу. Еще нѣсколько дней и мы будемъ распущены домой на августъ мѣсяць. Но эти нѣсколько дней не обошлись Надсону безъ непріятности.

Лагерный караулъ занимала вторая рота. Пошли въ караулъ и мы съ Надсономъ. У насъ было три поста, на которыхъ сто-

яли часовые. У самого караула, у знамени и третій постъ у пороховаго погреба, расположеннаго довольно далеко отъ лагеря за оврагомъ. На часахъ мы стояли два часа, а четыре часа отдыхали. На каждый постъ полагалось по 3 человека, такъ что въ общемъ каждый изъ насъ въ теченіе сутокъ простаивалъ на часахъ—8 часовъ. Спать не полагалось, и чтобы веселѣе проводить ночь, мы устраивали въ караульной палаткѣ всю ночь чаепитіе. Надсону пришла очередь стоять на часахъ у пороховаго погреба. Его время было отъ двухъ до четырехъ часовъ ночи. Дежурнымъ по лагерю былъ офицеръ Константиновскаго училища.

Вдругъ около 3 часовъ ночи является въ караульную палатку дежурный офицеръ и дѣлаетъ распоряженіе смѣнить часового у пороховаго погреба и отправить его тотчасъ же подъ арестъ.

Оказалось, что дежурный офицеръ, обходя посты, засталъ Надсона спящимъ.

Большое преступленіе съ точки зрѣнія военной дисциплины; но для Надсона, благодаря заступничеству капитана Ог—ва, оно ограничилось 2-хъ дневнымъ арестомъ.

Отсидѣлъ Надсонъ двое сутокъ подъ арестомъ и караулъ возненавидѣлъ пуще прежняго. Къ самому аресту С. Я. отнесся равнодушно и въ видѣ шутки сказалъ:

— Теперь я настоящій военный: извѣдалъ всѣ прелести военной службы.

Въ началѣ августа старшій курсъ остался для участіи на большихъ маневрахъ, а мы были распущены по домамъ и должны были собраться къ 1-му сентября.

Неуютно и пусто показалось намъ старое помѣщеніе, когда мы собрались въ назначенный срокъ. Какъ-то глухо раздавался собственный голосъ подъ сводами казенной постройки. Половина юнкеровъ опять новички, опять знакомство съ сосѣдомъ, опять новый порядокъ строя, новыя распредѣленія кроватей. Этотъ годъ мнѣ не приходилось спать рядомъ съ Надсономъ, но это не помѣшало намъ быть, по старому, добрыми друзьями. Въ классѣ и аудиторіяхъ мы сидѣли по прежнему рядомъ.

Этотъ второй годъ прошелъ безъ особо выдающихся случаевъ. Все шло по старому, по разъ заведенной колѣѣ.

Въ этотъ годъ однихъ изъ насъ производили въ портупей юнкера, другимъ давали званіе унтеръ-офицера. Надо было только выдержать небольшой строевой экзаменъ. Иногда этотъ экзаменъ производилъ единолично взводный командиръ, а иногда присутствовалъ и ротный командиръ. Экзаменъ Ог—ва, перешедшаго вмѣстѣ съ нами на старшій курсъ, не былъ намъ страшенъ, но ротный командиръ всегда находилъ что нибудь не такъ и производство оттягивалось.

Экзаменъ состоялъ въ томъ, что экзаменующійся назначался начальникомъ взвода юнкеровъ и командовалъ то, что ему было приказано начальствомъ. Не та интонація команды, не такой поворотъ, не подъ ту ногу всталъ и т. п.—все это ставилось въ строку и оцѣнивалось начальствомъ.

Настала очередь Надсону держать экзаменъ на полученіе унтеръ-офицерскаго званія.

Знали мы, что сегодня на ученіи будетъ ротный командиръ. Хотѣлъ С. Я. этого избѣжать, но какъ?

— А развѣ пойти въ лазаретъ и сказаться больнымъ? Мысль недурная, авось въ другой разъ придется сдавать экзаменъ одному Ог—ву.

Надсонъ пошелъ въ лазаретъ и хотя былъ совершенно здоровъ, но былъ принятъ. Это пролѣзывалось у насъ очень легко.

Старшимъ врачомъ у насъ былъ нѣмецъ, очень плохо говорившій по русски и имѣвшій свои странности. Будучи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, онъ требовалъ, чтобы непременно его звали „вашимъ превосходительствомъ“. Къ этому титулу онъ имѣлъ болѣзненную слабость. Юнкеръ, повторявшій „ваше превосходительство“ черезъ каждыя два три слова,—считался имъ особенно учтивымъ и образованнымъ и ему прописывалась лучшая порція.

Не любилъ нашъ врачъ, если кто-нибудь скажетъ, что онъ „думалъ“ что-нибудь. Это слово приводило эскулапа въ раздраженіе. Бывали такія сцены: явится юнкеръ къ врачу и получаетъ вопросъ.

— Что у васъ болитъ?

— Голова болитъ, ваше превосходительство.

— Давно?

— Да вотъ уже пять дней болитъ.

— Отчего же вы до сихъ поръ не являлись въ лазаретъ?

— Да я думалъ, что пройдетъ, ваше превосходительство.

— Думалъ, думалъ! Да какъ вы смѣете думать! Я тридцать лѣтъ служу и ни разу не думалъ. Положить его на третью порцію и дать касторки.

Послѣднія слова обращались къ дежурному фельдшеру и мнимый больной, а иногда, впрочемъ, и дѣйствительный попадалъ въ лазаретъ, не будучи выслушанъ и освидѣтельствованъ, а только за одно слово „думалъ“. 3-я порція—это было наказаніе: она состояла изъ одной кружки овсянки съ кускомъ бѣлаго хлѣба.

Если, бывало, юнкеру надо было еще остаться въ лазаретѣ, то прибѣгали къ другой продѣлкѣ.

При обходѣ утромъ больныхъ, докторъ спрашивалъ:

— На низъ былъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Изъ лазарета никуда не отлучался—отвѣтитъ, будто, не понявъ вопроса юнкеръ.

— Стулъ имѣлъ? возвыситъ голосъ врачъ-генераль.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. У насъ въ ротѣ все скамейки и стульевъ нѣтъ.

— Вы необразованный человѣкъ и не понимаете русскаго языка. И, затѣмъ, задается вопросъ въ такой формѣ, что нельзя притвориться непонимающимъ.

Какъ ни курьезны эти случаи, но это факты и, не смотря на то, что они продѣлывались чуть-ли не каждый день, злополучный врачъ такъ и не догадывался, что надъ нимъ смѣются.

Случай о томъ, что эскулапъ 30 лѣтъ ничего не думалъ, попалъ въ карикатуру въ одинъ изъ нашихъ юмористическихъ журналовъ. Даже наружность врача была вѣрно передана.

Надсонъ воспользовался первымъ изъ приведенныхъ случаевъ и былъ зачисленъ въ списокъ больныхъ. Касторки онъ, впрочемъ, не принялъ, ибо на этотъ счетъ мы всегда вступали въ сдѣлку съ фельдшерами. Нормальный обѣдъ тоже всегда присылался товарищами мнимо больному, хотя 3-я порція шла своимъ чередомъ, но оставалась нетронутой.

Въ другой разъ Надсону почезло. Онъ показалъ свое военное искусство въ присутствіи одного капитана Ог—ва и, спустя нѣсколько дней, мы читали въ приказѣ по училищу, что рядового званія юнкеръ Надсонъ производится въ унтеръ-офицеры.

Незамѣтно прошла зима и наступили выпускные экзамены. Теперь приходилось пускать въ ходъ всю изобрѣтательность, чтобы помогать другъ другу, незамѣтными для начальства способами. Все прошло благополучно, и экзамены кончились съ удовлетворительными отмѣтками.

Послѣ экзаменовъ опять переселеніе въ Красное село; опять тактическія занятія и съемки.

На этотъ разъ съемки были серьезныя. Приходилось работать съ инструментами и на работу давалось сравнительно мало времени. На этотъ разъ работалъ и Надсонъ; я только поправлялъ его работу. Надо сказать правду, что чертежи С. Я. не были изящно отдѣланы, но были совершенно правильны, что, между прочимъ, удивило самого поэта.

До конца іюня наша жизнь почти не отличалась отъ прошлогодней. Только высшее начальство было другое. Училищемъ командовалъ нашъ начальникъ училища, а баталіонный командиръ былъ Константиновскаго училища.

Видя нашего начальника училища верхомъ на лошади, Надсонъ пришелъ къ заключенію, что онъ смѣло можетъ быть гене-

раломъ. Нашъ начальникъ сидѣлъ на лошади не лучше поэта, а боялся лошадей еще больше, чѣмъ С. Я.

Въ числѣ нашихъ лошадей была кобылица рыжей масти „Ерунда“.

На ученіяхъ верховой ѣзды, она ходила первой, какъ безусловно смирная, послушная и хорошо выѣзженная. Эту лошадь и выбралъ для себя начальникъ училища.

Садясь на Ерунду, генералъ всегда приговаривалъ:

— Не бойся, не бойся,—это я.

Лошадь, по обыкновенію, стояла смирно и генералъ думалъ, что успокоилъ ее своею рѣчью.

Когда начальникъ подъѣзжалъ къ нашему строю, то, встрѣчая его, мы брали ружья на плечо.

Лязгъ сотней ружей и другой видъ строя заставлялъ лошадь невольно наострить уши. Это всегда приводило въ смущеніе храбраго наѣздника и онъ гладилъ лошадь по шеѣ и приговаривалъ:

— Не бойся, не бойся—это свои!

Генералъ былъ воспѣтъ Надсономъ въ стихахъ. Не помню ихъ содержаніе, но знаю, что тамъ очутилась „челуха на Ерундѣ“.

Настало время разборки вакансій.

Это было время сильныхъ волненій. Кому куда удастся попасть. Въ этотъ годъ распоряженіемъ военнаго министра былъ сокращенъ выпускъ изъ пѣхотныхъ училищъ офицеровъ въ артиллерію.

Намъ прислали всего 10 вакансій въ артиллерійскія части.

Разборка вакансій производилась слѣдующимъ образомъ: составлялся списокъ юнкеровъ всего выпуска. Сначала по старшинству балловъ стояли 4 фельдфебеля, потомъ по тому же старшинству всѣ портупей-юнкера и далѣе всѣ юнкера въ томъ же порядкѣ.

Затѣмъ, составлялся отдѣльный списокъ вакансій, присланный изъ Главнаго Штаба, для заповненія ихъ юнкерами училища.

За нѣсколько дней списокъ объявлялся въ приказѣ и каждый изъ выпускаемыхъ присматривалъ себѣ нѣсколько мѣстъ службы.

Надсонъ зналъ, что С.-Петербургскія вакансіи въ гвардію будутъ разобраны до него и потому намѣтилъ себѣ Каспійскій полкъ, стоящій въ Кронштадтѣ.

Въ назначенный часъ въ открытой столовой училища собралось все начальство и выпускные юнкера.

По старшинству выпускали юнкеровъ и тѣ называли часть, въ которой желали бы служить. Если вакансія не была занята прежде вызваннаго, то она и отмѣчалась за спрашиваемымъ.

Случалось, что намѣченная кѣмъ-нибудь вакансія была уже занята, тогда бывало такъ, что юнкеръ на угадъ называлъ полкъ, выбирая только цвѣтъ околыша на фуражкѣ по своему вкусу.

Чѣмъ ближе очередь подходила къ Надсону, тѣмъ больше онъ волновался.

— Что будетъ, если Каспійскій полкъ займутъ? Куда дѣться? Поѣду тогда на Кавказъ или въ Туркестанъ, говорилъ С. Я., и пуще прежняго трепетало его сердце.

— Надсонъ! раздался голосъ училищнаго адъютанта.

— Я, слышался обыкновенный откликъ начальству.

— Куда думаете выходить?

— Въ Каспійскій полкъ въ Кронштадтъ.

— Свободно. Записано. И вызывался слѣдующій по списку.

Камень свалился у Надсона съ плечъ; онъ вздохнулъ свободно. Судьба его была рѣшена. Онъ будетъ служить въ Кронштадтѣ—его мечта осуществилась. Онъ будетъ близко отъ любимого А. Н. Плещеева; будетъ съ нимъ часто видѣться, будетъ переписываться. Словомъ, Надсонъ былъ въ эту минуту совершенно счастливъ. Теперь надо было заботиться объ обмундированіи, которое С. Я. сдѣлалъ себѣ въ самомъ скромномъ размѣрѣ, ибо не имѣлъ средствъ. Было заказано только самое необходимое.

Я безъ труда занялъ вакансію въ Михайловское Артиллерійское училище, гдѣ хотѣлъ продолжать курсъ. Меня, какъ переходящаго въ другое училище, тотчасъ же послѣ разборки вакансій отпустили домой съ тѣмъ, чтобы я къ 1-му сентября явился уже прямо въ Артиллерійское училище.

Приходилось разстаться съ людьми, съ которыми жилъ 2 года. Пришлось попрощаться и съ Семеномъ Яковлевичемъ Надсономъ, съ которымъ я былъ въ лучшихъ отношеніяхъ. Хотя вспоминали мы пословицу, что гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ могутъ увидаться; но эта пословица говорила для утѣшенія другъ друга. Я намѣренъ былъ изъ Артиллерійскаго училища уѣхать далеко и встрѣтиться мы не рассчитывали.

Такъ оно и случилось. Больше я Надсона не встрѣчалъ.

П. Ивановъ.

Сибирскіе чиновники былого времени.

(См. кн. 10-ю текущего года).

Дополнительная глава.

Нашъ очеркъ прошлаго сибирскихъ служилыхъ людей былъ бы не полонъ, если бы мы не сказали нѣсколько словъ и о старинномъ сибирскомъ духовенствѣ, которое также „несло службу государеву“ на нашей далекой окраинѣ и потому безъ особой натяжки можетъ быть причислено къ „людямъ служилымъ“, къ чиновничеству.

Духовенство старинной Сибири, какъ и все тогдашнее сибирское общество, отличалось полной невѣжественностію и стояло поразительно низко въ нравственномъ отношеніи.

Первымъ свидѣтельствомъ того, что сибирское духовенство далеко не стояло на высотѣ своего пастырскаго достоинства, служить грамота патріарха Филарета къ Сибирскому и Тобольскому архіепископу Кипріану отъ 11 февраля 1622 года—документъ, вообще, замѣчательный для характеристики нравовъ тогдашней Сибири. Въ этой грамотѣ говорилось, между прочимъ, что духовенство способствовало царившему въ старинной Сибири разврату; что духовные вѣнчали безъ оглашенія, постригали въ иноки и инокини такихъ, которые, уходя изъ монастырей, опять живутъ въ мірѣ; что сами духовные потворствовали воеводамъ, которые краденыхъ въ Сибири дѣвицъ продавали изъ корысти въ замужество и заставляли при себѣ ихъ вѣнчать, и пр.

Очевидно, много не зналъ патріархъ Филаретъ о тогдашнемъ сибирск. духовен., которое, вообще, показывало полное пренебреженіе ко всѣмъ нравственнымъ правиламъ, имъ же рекомендуемымъ. Старинный обычай сибирск. отцевъ женить своего семи или девятилѣтняго сына и жить потомъ со своей невѣсткой практиковался даже священниками. Въ началѣ XVIII в. домовые дѣти боярскіе тобольск. митрополита были посланы по всѣмъ сибирск. гор. десятильниками и „город. и уѣзднымъ людямъ нападкаи своими чинили разореніе и обиды, и налоги“. Они не ограничивались постояннымъ удовлетвореніемъ своихъ страстей на счетъ обывательницъ, но „еще били ихъ и заставляли поневолѣ говорить ложно на городскихъ и уѣздныхъ всякихъ добрыхъ людей блудное воровство и съ тѣхъ людей имали себѣ взятки великія“.. Дѣло иногда доходило до того, что они „дѣвокъ разболокали до нага и давили груди до крови и всякое ругательство чинили“.. Въ половинѣ XVIII в. многіе священники якутской области прославились тѣмъ, что безо всякаго стѣсненія вѣнчали женъ отъ живыхъ мужей и мужей отъ живыхъ женъ. *)

Еще Миллеръ указывалъ на то, что священники спаиваютъ инородцевъ, напиваются для этого сами, исповѣдуютъ не иначе, какъ за деньги. Были случаи, что священники покупались на прелюбодѣянiе съ тунгузками; одного изъ нихъ, Попова, тунгу-

*) Серафимовичъ. „Очерки нравовъ въ старинной Сибири“. „Отечеств. Зап.“ 1867 г. №№ 10 и 11.

сы хотѣли убить за это. Онъ же покушался изнасиловать двухъ якутскихъ дѣвокъ. Другой священникъ обвинялся въ покушеніи изнасиловать свою шестидесятилѣтнюю тетку. *)

Священники, особенно въ сибирскихъ захолустьяхъ, занимались торговлей, обирали инородцевъ, притѣсняли обывателей. Напримѣръ, священникъ Косыгинъ требовалъ выдать ему подорожную на проѣздъ въ такія мѣста, куда нѣтъ дороги **) Въ 1809 году производилось дѣло объ якутскомъ протоіерее Слѣпцовѣ. Якуты жаловались, что онъ разъѣзжаетъ по улусамъ со множествомъ людей, не платитъ прогоновъ, заставляетъ покупать у него порохъ по баснословно дорогой цѣнѣ и сдѣлалъ ложный доносъ о возмущеніи якутовъ, имѣвшемъ, будто-бы, цѣлью воспрепятствовать ему проповѣдь слова Божія. Подобныя-же жалобы на Слѣпцова поступали и отъ чукчей...

Съ 1810 по 1831 г. Березовскій протоіерей Вергуновъ велъ обширную торговлю сукномъ, холстомъ, чаемъ, сахаромъ, медомъ, солью, крупю, хлѣбомъ, табакомъ, мѣхами. Березовскій округъ простирается болѣе, чѣмъ на 2000 верстъ, и на всемъ этомъ пространствѣ торговалъ Вергуновъ. Его причетники разъѣзжали всюду на обывательскихъ подводахъ безъ платежа прогоновъ. Они продавали инородцамъ и водку, по 40 руб. за ведро, тогда какъ сами покупали ее въ Березовѣ по 5 руб. за ведро. Напоивъ инородцевъ, они забирали у нихъ все, что попадется..

Вслѣдствіе ссоръ олекминскаго комиссара Миллера съ тамошними священниками, Миллеръ въ 1818 году представилъ иркутскому губернскому правительству чрезвычайно характерные факты: онъ доносилъ, что священно и церковно-служители ежегодно пріѣзжаютъ въ стойбища тунгусовъ, на протяженіи слишкомъ тысячи верстъ, на семи и восьми лошадяхъ. Отъ этого инородцы терпятъ ежегодный расходъ до 600 руб. на одинъ только наемъ для нихъ лошадей, не говоря уже о прочихъ расходахъ, сопряженныхъ съ пріѣздомъ духовенства. Тунгусы просили, чтобы священникъ пріѣзжалъ къ нимъ только черезъ три года съ однимъ причетникомъ. Консисторія нашла эту просьбу „невѣроятною“. Признавать ее заслуживающею уваженія, — какъ сдѣлалъ Миллеръ, — значило, по мнѣнію консисторіи, „не понимать вмѣстѣ съ невѣжествующими тунгусами всей нужды и пользы христіанства“, а разрывать нравственную связь между священниками и тунгусами-прихожанами, — писала далѣе консисторія, — противно обязанности комиссара..

Пьянство въ старинной Сибири было всеобщимъ порокомъ и имѣло самые огромные размѣры. Отъ мірянъ не отставало и ду-

*) Вагинъ. „Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго“. Т. II, стран. 114.

**) Idem.

ховенство. Даже избранная, по видимому, часть духовенства,— члены русской миссии въ Китаѣ,—замѣчательна была только пьянствомъ и безчинствомъ. Миссіонеры проматывали и свое жалованье, и церковныя деньги, и наносили китайцамъ жестокія обиды. Одинъ изъ нихъ, священникъ Филимоновъ, однажды пьяный забрался даже въ самый дворецъ Богдыхана и переколоти́лъ тамъ китайскихъ министровъ. За это китайцы заковали его въ кандалы и выслали за предѣлы Китая, въ Селенгинскъ. Послѣ этого онъ долго шлялся по Иркутску подъ именемъ странника хивинскаго государства и забавлялъ обывателей разсказами о своихъ пекинскихъ походахъ. *)

Въ 1731 году китайскій трибуналъ жаловался на Филимонова сенату: „священникъ Иванъ съ учениками, въ государствѣ нашемъ обрѣтающійся, тихомирно жить не можетъ, отъ чего несогласія и великія между ними ссоры происходятъ. Онъ ранилъ въ руку жестоко священника Антонія (архимандрита Антонія Платковскаго), и для того священника Ивана къ обрѣтающемуся на границахъ вашихъ управителю отсылаемъ“... А самъ архимандритъ Антоній писалъ о немъ: „22 іюня оный попъ, безчинно пьяный, за школьниками по двору бѣгавши, а потомъ ножомъ проколовши ему руку, по богдыханскому указу содержится въ желѣзахъ“. Впрочемъ, какъ видно, и самъ архимандритъ Антоній былъ не безукоризненнаго поведенія. Вотъ что читаемъ у Бантышъ-Каменскаго:**) „Вслѣдствіе непотребныхъ поступковъ обрѣтающагося въ Китаѣ російскаго духовенства, съ немалымъ для тамошнихъ жителей соблазномъ, безчиннаго и пьянственнаго житія не только ихъ, но и посланныхъ для изученія китайскаго и манджурскаго языка учениковъ Владыкина съ товарищи, дракъ, непослушанія начальнику,—указано: „взять оттуда въ Россію архимандрита Антонія Платковскаго съ причтомъ и привести его въ св. синодъ подъ стражею, на его коштѣ, а на мѣсто его отправить въ Пекинъ іеромонаха Иллариона Трусова, съ производствомъ его во архимандрита и съ предписаніемъ ему имѣть надъ російскими учениками крѣпкое ему смотрѣніе и за непослушаніе, неприлежаніе къ ученію и за непристойныя поступки смирять ихъ, вмѣсто ареста, держаніемъ на посольскомъ дворѣ въ особой палатѣ, смотря по преступленію ихъ дерзостей“...

Но и Илларионъ Трусовъ оказался не лучше: онъ скоро впалъ въ пьянство и кощунство, надѣвая на себя женское китайское платье, въ которомъ даже иногда приходилъ въ церковь.

*) Серафимовичъ. „Очерки нравовъ въ старинной Сибири“.

**) „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами“ изд. Флоринскаго. Стр. 217—218.

Таковъ былъ цвѣтъ духовенства, официальные представители русской религіи въ иноземномъ государствѣ, контролируемые и наказуемые. Легко изъ этого заключить, каковы должны были быть духовныя лица глухихъ сибирскихъ селъ и городовъ. Пьянство среди захолустнаго духовенства доходило до невѣроятныхъ размѣровъ и на этой почвѣ происходили факты, которымъ положительно трудно вѣрится. Такъ, напримѣръ, сравнительно въ недавнее время въ городѣ Гижигинскѣ отъ постоянного пьянства сошелъ съ ума завѣдующій городомъ полицейскій чинъ. Онъ возомнилъ себя инородческимъ божествомъ и приказывалъ отдавать ему божескія почести. Въ превращеніе спившагося чина увѣровалъ и также спившійся мѣстный священникъ, который велѣлъ звонить въ церковные колокола, когда „бога“ носили по улицамъ и пр.

Въ восьмидесятыхъ годахъ производилось слѣдствіе надъ однимъ туруханскимъ священникомъ, который въ непрерывномъ пьянствѣ потерялъ счетъ времени и отслужилъ пасхальную заутреню въ Великую Пятницу.

Не выше бѣлаго духовенства стояло въ нравственномъ отношеніи и старинное сибирское монашество. Среди монаховъ сплошь и рядомъ стояли подозрительные авантюристы.

Нѣкто Козыревскій что-то много напроказилъ, такъ что ему грозило серьезное наказаніе. Чтобы избавиться отъ него, Козыревскій принялъ монашество и основалъ на Камчаткѣ Успенскій монастырь. Поживившись собранными имъ въ этотъ монастырь вкладами, онъ переѣхалъ въ Иркутскъ, гдѣ взялъ на себя, между прочимъ, подрядъ на устройство желѣзнаго завода; но онъ только забралъ изъ казны деньги, а самаго подряда не выполнилъ. Въ 1724 году онъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму за разграбленіе Якутскаго Покровскаго монастыря. Но „плутъ и воръ Козыревскій“ бѣжалъ изъ тюрьмы, какъ-то сошелся съ якутскимъ воеводою Полуэктовымъ и сдѣлался его домашнимъ секретаремъ. Набѣдокуривъ что-то и въ этой новой должности, онъ сдѣлалъ себѣ фальшивый паспортъ и хотѣлъ бѣжать въ Тобольскъ, но былъ во-время схваченъ и закованъ въ кандалы. Такъ какъ онъ сказалъ „слово и дѣло“ на Якутскаго архимандрита, то его отправили въ Тобольскъ, гдѣ онъ объявилъ объ островахъ, будто бы открытыхъ имъ противъ устья Лены... Его послали открывать эти острова, но съ дороги онъ бѣжалъ.

„Конечно, — говоритъ не разъ уже цитированный нами С. Серафимовичъ, у котораго мы заимствовали и вышепомѣщенные свѣдѣнія о Козыревскомъ, — не всѣ сибирскіе монахи были такими-же „плутами и ворами“, какъ Козыревскій, но весьма многіе изъ нихъ были такими-же авантюристами, какъ онъ“. И

этотъ духъ авантюризма сохранился сравнительно до поздняго времени.

У С. Серафимовича (С. С. Шашковъ) была въ рукахъ огромная рукописная поэма подъ заглавіемъ: „Жизнь и похождения іеродіакона Федора Брызгалова, описанныя имъ самимъ“. Авторъ поэмы описываетъ здѣсь, какъ онъ цѣлую жизнь бродилъ по Сибири, переходя изъ Тобольска въ Енисейскъ, изъ Енисейска въ Иркутскъ, изъ Иркутска въ Троицкій монастырь, отсюда въ Якутскъ и т. д., подвергаясь на пути нападеніямъ разбойниковъ, сходясь съ партіями звѣровщиковъ или рыбопромышленниковъ и помогая имъ въ ихъ промыслахъ. При такомъ бродяжествѣ монаховъ, монастыри стояли пустыми и въ нихъ жили только дряхлые старики, да вкладчики, т. е. лица, внесшія въ монастырь извѣстную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы жить на монастырскомъ содержаніи вплоть до своей смерти. Для вкладчиковъ монастырская жизнь была вовсе не подвигомъ благочестія, а дѣломъ разсчета и честолубія. Многіе изъ нихъ вносили въ монастырскую казну всего какихъ-нибудь 5—10 рублей, а „по долготѣтнемъ житіи они стоили монастырю вдвое или втрое“...

Степень умственного развитія сибирскаго духовенства вполне соотвѣтствовала степени развитія нравственного. Въ отдаленныя времена и въ Европѣ, и въ Россіи духовное сословіе считалось наиболѣе образованнымъ классомъ общества; но сибирское духовенство XVIII вѣка не доросло даже до простой грамотности.

„Въ половинѣ XVIII вѣка,—говоритъ С. С. Шашковъ,—половина священниковъ и дьяконовъ въ Сибири не умѣла ни читать, ни писать. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны разосланъ былъ указъ, которымъ духовенство обязывалось собственноручно расписаться подъ присяжными листами. Но въ нынѣшнихъ епархіяхъ Тобольской и Томской расписаться подъ этими листами съумѣла только половина священниковъ и дьяконовъ. За остальныхъ расписывались разные служилые люди, посадскіе, или грамотные изъ причта и при этомъ чистосердечно говорили: „онъ, попъ, грамотѣ не умѣетъ“. Много было такихъ, которые стыдились своей безграмотности и подпись за нихъ другихъ лицъ лукаво объясняли тѣмъ, что „онъ, попъ, слѣпъ“, или: „онъ, попъ, очами скорбенъ“. Въ Восточной Сибири такихъ священниковъ было еще больше и они проявляли какой-то страхъ передъ этимъ подписываньемъ. Словъ одного священника вотъ что писали иркутскому епископу Иннокентію: „я человекъ къ этому дѣлу не изобыченъ и не умѣю; что дѣлать: подъячаго нѣтъ, дьячекъ слабый и писать не смыслить; самъ заказчикъ (благочинный) знаетъ про меня, что мнѣ не сдѣлать; боюсь учинить пророченіе, а потому прошу отъ такого дѣла за такой моей необычностью и недоумѣніемъ меня уволить“.

Даже лучшіе изъ духовныхъ, заказчики, часто „не знали, какъ въ дѣлахъ правленія своего поступать, отправлять дѣла порядочно не могли и подлежащихъ по дѣламъ бумагъ писать“..

Шапшъ поражался невѣжествомъ Тобольскаго духовенства, гдѣ даже митрополитъ Конюшковичъ не имѣлъ самыхъ элементарныхъ астрономическихъ свѣдѣній.

Впрочемъ, вся обстановка старинной сибирской жизни не располагала даже къ простой грамотности: грамотный былъ синонимомъ ябедника, и иногда даже за одно то, что читаешь книгу, или сочиняешь что-нибудь невинное, можно было поплатиться ссылкой. Въ немногочисленные и жалкія школы ученики поступали только „съ понужденіемъ“, какъ, напримѣръ, въ школу, открытую митрополитомъ Филошеемъ Лещинскимъ въ 1703 году въ Тобольскѣ для дѣтей духовенства. По смерти епископа Иннокентія, въ 1746. г., въ Иркутскѣ закрылась основанная имъ духовная школа и открылась вновь только черезъ 31 годъ. Въ 1744 году въ школу при Томскомъ Алексѣевскомъ мужскомъ монастырѣ набрано 30 „дѣтей“; изъ нихъ одному было 73 года, четверемъ свыше 40, шести по 20 слишкомъ, остальнымъ отъ 16 до 7 лѣтъ. Школы, заведенныя духовенствомъ, исчезали и вновь воскреснуть уже не могли, потому что въ тогдашнемъ обществѣ не было никакого стремленія къ образованію.

Конечно, такое ненормальное положеніе вещей не могло не обращать на себя вниманія правительства и высшаго духовенства, которое старалось образовывать дѣтей сибирскихъ духовныхъ. Съ этой цѣлью, между прочимъ, были основаны семинаріи, первая изъ которыхъ—тобольская—была открыта въ концѣ XVIII вѣка. Но и семинаріи долгое время не удовлетворяли насущной нуждѣ; онѣ выпускали только *грамотныхъ* священниковъ, *образованнаго*-же духовенства не давали Сибири, да и не могли давать, благодаря невозможной постановкѣ въ нихъ учебнаго и воспитательнаго дѣла. Старинныя сибирскія семинаріи и соединенныя съ ними уѣздныя духовныя училища, даже сравнительно поздняго времени, походили скорѣе на арестантскія роты, чѣмъ на учебныя заведенія.

Вотъ какъ описываетъ одинъ сибирскій литераторъ мѣстную бурсу 20—30-хъ годовъ.

„Х—ая бурса съиздавна пользовалась громкою извѣстностью не только въ епархіи, но и далеко за ея предѣлами. Не то, чтобы зданія бурсы были блестящи и черезъ чуръ удобны,—нѣтъ, этимъ ни одна бурса не могла похвастаться въ то время. Наша бурса въ этомъ отношеніи даже поотстала отъ другихъ бурсъ. Зимой, напримѣръ, полагалось отопливать въ ней пять жилыхъ комнатъ, да и то черезъ день (исключая комнатъ, занимаемыхъ начальствомъ), а классы не топились вовсе: и ученики, и учи-

теля сидѣли въ шубахъ. Чистоты въ зданіяхъ не полагалось также: полы не мылись и не мелись по цѣлымъ годамъ, а на столахъ, гдѣ обѣдали ученики, образовались такія кочки, что нельзя было поставить чашки, не проливши половины. На задахъ бурсы образовывались за зиму цѣлыя горы навоза и всякой бурсацкой дряни; весною-же самъ полиціймейстеръ не могъ проѣхать мимо нея, не заткнувши носа и не выругавшись собственнымъ ему образомъ. Содержаніе бурсаковъ пищей, одеждой и обувью также не было роскошно. На каждого отпускалось денегъ ровно столько, сколько нужно, чтобы человѣкъ не умеръ съ голоду и холоду, не будучи однако никогда сытымъ и одѣтымъ. Но изъ этой суммы начальство умудрялось ежегодно дѣлать экономію, ябо за экономію его награждали. Понятно, что со всѣмъ этимъ были сопряжены маленькія неудобства для бурсаковъ. Многіе изъ нихъ не могли выдерживать спартанскаго образа жизни. Проклятыя болѣзни, скарлатина и корь, какъ заберутся, бывало, въ бурсу, такъ ужъ не скоро оттуда выживешь. Цѣлыми десятками отвозилъ тогда на гору маленькіе гробишки злополучный савраска. Скорбуть былъ также въ числѣ привилегированныхъ бурсацкихъ болѣзней. Весной около заборовъ бурсы постоянно бродили десятки инвалидовъ-бурсаковъ, на костыляхъ, согнувшихся, блѣдныхъ, какъ тѣни... Словомъ, всевозможныя немочи находили полное раздолье въ бурсѣ. Разъ явилась даже такая болѣзнь, что всѣ медики города пришли въ тупикъ и единогласно рѣшили, что это какая-то новая болѣзнь, которую они и называли: *Lepris bursaensis*. Другимъ слѣдствіемъ спартанскаго воспитанія въ бурсѣ было изобиліе разнаго рода насѣкомыхъ, питающихся человѣческою кровью; есть преданіе, что одного бурсака самая скверная изъ этихъ насѣкомыхъ заѣли положительно до смерти. Но ужъ за то тѣ, кто выносилъ всѣ эти испытанія, тѣ выходили настоящими молодцами. Ихъ уже ничто впослѣдствіи не могло пронять: ни огонь, ни мѣдныя трубы. И какихъ молодцевъ не было среди питомцевъ бурсы. По семи лѣтъ сиживали иные въ одномъ первомъ классѣ, безъ надежды перейти во второй. Усы и борода вылезали у нихъ густымъ всходомъ, въ рукахъ чувствовалась сила богатырская: въ уличной-ли схваткѣ, на базарѣ-ли, наши бурсаки вездѣ были первыми, вездѣ побѣдителями; у иныхъ даже за оградой бурсы заводились семейства, пищали уже свои ребята и казенный хлѣбъ, и полуобглоданныя кости таскались украдкой черезъ заборъ для прокормленія семьи, а подъ мышкой все носился непобѣдимый, непроходимый часословъ, и дальше „утъ-ре-ми“ не давалось нотное пѣніе... Какая среда общества не получала изъ бурсы образцовыхъ, трудолюбивыхъ дѣятелей? Не говоря уже о томъ, что колокола всей епархіи сто-

нали подъ ударами рукъ, окрѣпшихъ на бурсацкомъ хлѣбѣ, нижніе этажи присутственныхъ мѣстъ кишмя-кишѣли выводками бурсы; въ мѣщанахъ, въ солдатахъ, въ крѣпостяхъ и рудникахъ слышалась бурсацкая латынь; бывали даже изъ бурсаковъ славные заплечные мастера!.. Бурсаковъ сѣкли нещадно и, случалось, засѣкали до смерти. Бурсаки, какъ арестанты, постоянно бѣгали цѣлыми ватагами, пробираясь нерѣдко за сотни верстъ, при этомъ тонули, умирали съ голода гдѣ-нибудь въ лѣсу, замерзали. Ихъ калѣчили и физически, и нравственно, и почти всѣ они поголовно выходили изъ заведенія съ наклонностію къ винопитію, которымъ отличалось и все начальство ихъ"... *)

Съ такой горькой ироніей описываетъ сибирскій авторъ современную ему сибирскую бурсу. Не мудрено, что изъ такой школы выходили не знающіе, образованные, добрые пастыри, а невѣжественный, развращенный, вѣчно пьяный сбродъ, который не могъ учить добру свою многочисленную паству, а тѣмъ менѣе могъ бороться съ появившимся расколомъ.

 Расколъ возникъ въ Сибири тотчасъ-же послѣ своего появленія въ Москвѣ. Первымъ началъ распространять его здѣсь протопопъ Аввакумъ. Онъ, сосланный изъ Москвы въ Сибирь, былъ отлично принятъ въ Сибири—въ Тобольскѣ; онъ сдѣлался домашнимъ другомъ и постояннымъ гостемъ воеводы Хилкова, а мѣстный архіерей такъ благоволилъ къ расколоучителю, что опредѣлилъ его приходскимъ священникомъ къ одной изъ церквей... Вообще, само духовенство сильно способствовало быстрому распространенію раскола въ Сибири. Многіе священники не доносили о распространеніи раскола, а не бывшихъ ни въ церкви, ни у исповѣди раскольниковъ показывали бывавшими, или ложно показывали препятствія, будто-бы мѣшавшія исполненію ихъ православныхъ обязанностей. Духовные нерѣдко употребляли всѣ старанія „къ прикрытію потаенныхъ раскольниковъ“, какъ писалъ въ одномъ изъ своихъ указовъ Тобольскій митрополитъ. Все это дѣлалось большею частію изъ за корысти, иногда-же духовные сами оказывались послѣдователями раскола. Такимъ, образомъ подкупленное раскольниками, или приверженное къ ихъ вѣроисповѣданіямъ томское духовенство доносило въ Тобольскъ о положительномъ отсутствіи раскола въ Томскѣ; между тѣмъ, здѣсь „не токмо что средовѣчные и престарѣлые, но и малые дѣти, по наученію родителей своихъ, крестъ на себѣ изображали сложеніемъ двоеперстнымъ“ и держались другихъ вѣрованій раскола. Случалось, что расколъ проникалъ даже въ православные монастыри. Такъ, около Кяхты, въ горахъ стоитъ Чикойскій монастырь. Въ началѣ настоящаго столѣтія настоятель этого монастыря Израиль, вмѣстѣ съ одною Кяхтинскою купчихою, основалъ секту, очень

*) См. „Сборникъ газеты Сибирь“, стр. 50—52.

похожую на секту „людей Божіихъ“. По примѣру послѣднихъ, они устроили свой культъ, въ которомъ были и свой Саваофъ, и свой Христосъ, и свои апостолы, и свои обряды, и свои гимны, составленные обыкновенными раскольничьими стихами. Въ монастырѣ совершалось это богослуженіе, а внѣ стѣнъ его велась пропаганда. Скоро началось дѣло. Израиль за приверженность къ расколу и за соращеніе въ него, а также за сожителство съ купчихой, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1863 году...

Таково-то было сибирское духовенство „добраго стараго времени“...

Н. Гурьевъ.

Изъ Сибирской старины.

I.

Дѣло о „Патріотическомъ Обществѣ. *)

Нашествіе Наполеона на Россію и послѣдующія съ нимъ войны потребовали отъ русскаго правительства и народа чрезвычайныхъ жертвъ и немалое число жителей лишились вслѣдствіе этихъ войнъ или своихъ близкихъ или своего имущества, и въ эти годы тяжелыхъ бѣдствій государству необходимо было обратиться къ народной помощи. Поэтому, около половины 1812 года, въ Петербургѣ составилось „Патріотическое Общество С-Петербургскихъ Дамъ“ задавшееся цѣлью помогать пострадавшимъ отъ войны семействамъ, родные которыхъ, находясь на войнѣ, не могутъ ихъ пропитывать. Въ печатномъ воззваніи Общества къ жителямъ Имперіи говорилось, что „русскія жены не уступаютъ своимъ супругамъ, братьямъ, сынамъ въ любви къ отечеству. Если природа не дала имъ силы тѣлесной, то наградила ихъ силой душевной: если имъ нельзя подвизаться за родину, то онѣ пользуются другимъ способомъ быть полезными сынамъ Россіи“.

Съ такимъ воззваніемъ предсѣдательница Общества княгиня Варвара Алексѣевна Рѣпина втораго декабря 1812 года обратилась также и къ Томскому губернатору Даміану Васильевичу Илличевскому, который, впрочемъ, не имѣлъ особенной надежды на обильный сборъ пожертвованій въ Томской губерніи, въ со-

*) Подъ такимъ заглавіемъ въ моемъ собраніи разныхъ старинныхъ бумагъ находится дѣло, имѣющее отношеніе къ отечественной войнѣ 1812 года; дѣло это отъ безполезной, въ духѣ тогдашняго времени, переписки между разными лицами губернской администраціи разрослось почти до трехъсотъ листовъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ „Обществѣ“ надо искать въ Петербургскихъ архивахъ.

ставъ которой въ то время входила и Енисейская губернія, и въ письмѣ къ сибирскому генераль-губернатору Пестелю *) оговаривался, что „количество пожертвованій въ сей губерніи отдаленной, ослабленной неурожаеми, неимѣющей дворянскихъ имѣній, не можетъ равняться съ губерніями внутренними“. **)

Въ началѣ апрѣля 1814 года губернаторъ Илличевскій отослалъ кн. Рѣпниной собранныя по городамъ, селамъ, деревнямъ и среди инородцевъ Томской губерніи деньги въ количествѣ 7020 рублей государственными ассигнаціями и 6 рублей 20 копѣекъ серебряною монетою. ***) Изъ этого числа было собрано: въ Томскѣ 1535 рублей, въ Красноярскѣ 874 р. 90 коп., въ Красноярскомъ уѣздѣ 3660 р. 98 к., въ Каинскѣ 204 р. 70 коп., въ Каинскомъ уѣздѣ 533 р. 77 к. въ Нарымѣ 142 р., въ Енисейскѣ 126 р., въ Енисейскомъ уѣздѣ 65 р.,—а всего 7142 р. 53 к.; изъ этой суммы на почтовые расходы по пересылкѣ денегъ было израсходовано 115 р. 59 к.

25 мая 1814 года Пестель получилъ отъ предсѣдательницы Общества Е. М. Олениной, замѣстившей кн. Рѣпнину, отношеніе, въ которомъ она, увѣдомляя его о полученіи изъ Томской губерніи пожертвованныхъ денегъ и прося передать благодарность Общества жертвователямъ, прибавляетъ, что Общество никогда не сомнѣвалось, чтобы жители Сибири не были изъ числа тѣхъ челоѣколюбивыхъ патріотовъ, которыми преисполнена Россія, но теперешнее ихъ пожертвованіе есть новое доказательство примѣрнаго состраданія и любви къ своимъ несчастнымъ соотечественникамъ.

Въ началѣ 1814 г. поступленія денежныхъ пожертвованій въ Общество начали повсемѣстно уменьшаться, такъ какъ Е. М. Оленина, снова обращаясь къ губернатору Илличевскому съ просьбою о сборѣ пожертвованій, жалуется, что „сколь ни желательно сему Обществу продолжать вспомошествованіе открывающимся еще тысячамъ несчастныхъ семействъ, потому болѣе, что сословіе о призрѣніи разоренныхъ, не имѣя суммъ, прекратило свои дѣйствія, но къ сожалѣнію всѣ почти средства уже истощены“. †*) О томъ-же писалъ Илличевскому и Пестель, замѣчая, что предсѣдательница Общества сообщила ему, что собранныя пожертвованія въ пользу жителей, разоренныхъ неприятеlemъ губерній, не соотвѣтствуютъ тому количеству, которое было-бы достаточно къ ихъ удовлетворенію †**)

*) Пестель, какъ извѣстно, жилъ постоянно въ Петербургѣ.

**) Довошеніе Илличевского Пестелю отъ 3 апрѣля 1813 года за № 1336.

***) Письмо Илличевского кн. Рѣпниной отъ 9 апрѣля 1814 года.

†*) Письмо Олениной отъ 29 апр. 1814 г.

†**) Письмо Пестеля отъ 5 мая 1814 г.

Всего было собрано пожертвованій по 25 августа 1814 года въ Томской губерніи 7405 рублей, въ Колывано-Воскресенскомъ Горномъ округѣ 6175 р. и 28 іюля 1814 г. было собрано въ г. Енисейскѣ по полученіи манифеста о заключеніи мира съ французами во время торжества, бывшаго по этому случаю у городскаго головы, 1900 рублей, а всего 15523 р. Жертвовали разныя сословія—чиновники, купцы, мѣщане, казаки, крестьяне, инородцы, поселенцы и разные ссыльные; большинство жертвовало четвертаки и гривенники, но нѣкоторые крестьяне давали по 5, по 10 и болѣе рублей, а Минусинскіе инородцы вмѣсто денегъ отдавали соболей.

Кромѣ того, уфимскій муфтій, съ разрѣшенія столичныхъ властей, производилъ сборъ пожертвованій черезъ посланныхъ имъ лицъ среди магометанскаго населенія Томской губерніи, но о количествѣ этихъ пожертвованій въ дѣлѣ свѣдѣній не имѣется.

Много ли было еще собрано пожертвованій въ Томской губерніи въ дѣлѣ свѣдѣній не имѣется, но есть только черновая бумага отъ 5 октября 1823 года петербургскому военному губернатору Милородовичу о томъ, что посылаются 43 р. 33¹/₄ коп., которые остались въ канцеляріи не отосланными бывшимъ губернаторомъ Иличевскимъ. *) „Патріотическое Общество С.-Петербургскихъ Дамъ“ продолжало еще свое существованіе, что видно изъ отвѣтной бумаги Милорадовича отъ 5 декабря 1823 г. са № 6927. въ которой онъ сообщаетъ, что деньги эти переданы предсѣдательницѣ Общества Е. И. Мещерской. **)

Въ сочиненіи Михайловскаго-Данилевскаго говорится, что «въ Томской губерніи приношенія простирались слишкомъ до 120500 рублей“ ***) (ассигнаціями), а въ городахъ Иркутской губерніи, на основаніи манифеста 6 іюля 1812 года, призывавшаго всѣхъ и cadaго на оборону отечества, сборъ ополченія и разныя пожертвованія, учредили комиссію для приѣма пожертвованій и для желающихъ вступитъ въ ополченіе, и даже жители отдаленной Камчатки приглашались доказать свою любовь къ отечеству „если не поставкою людей по отдаленности, то посильными пожертвованіями“. Иркутскій Епископъ издалъ пастырское увѣщаніе, предписалъ трехъ-дневное молебствіе и пощеніе и первый взнесъ денежное пожертвованіе; итогъ пожертвованій въ Иркутской губерніи составилъ болѣе „170000 рублей“ (ассигнаціями). †*)

*) Онъ былъ смѣщенъ Сперанскимъ.

**) Въ дѣлѣ есть указанія, что и въ Иркутской губ. производился сборъ пожертвованій, что видно изъ письма Пестеля губ. Иличевскому отъ 5 дек. 1813 г.

***) Описаніе отечественной войны 1812 г. часть 2-я изд. 3-е, СПб. 1843 г.

†*) Тамъ-же, ч. 2-я, стр 55.

Сборъ пожертвованій въ Томской губерніи не обошелся безъ курьезовъ и для характеристики того времени я приведу нѣсколько примѣровъ. Титулярная совѣтница Клѣпалова обязалась жертвовать по 25 р. ежегодно, но потомъ ей стало жалко этихъ денегъ и на второй уже годъ она перестала ихъ платить, такъ что губернаторъ Илличевскій взыскивалъ ихъ черезъ полицію, что видно изъ слѣдующаго страннаго приказа губернатора: „титулярная совѣтница Клѣпалова, при подпискѣ на предметъ пособія раззореннымъ войною, пожертвованіе изъявила вносить для сего ежегодно, пока учрежденное въ С.-Петербургѣ женское патріотическое общество существовать будетъ, по 25 р. Вслѣдствіе сего предписываю градской полиціи подлежащія за прошедшій 1813 годъ деньги означенное количество истребовать отъ г-жи Клѣпаловой, предоставляя впрочемъ взносъ ихъ на собственную ея волю безъ всякаго принужденія, представить ко мнѣ“.

Нарымскій городничій Кащенецъ обязался вносить ежегодно по 10 р. съ оговоркой — „покуда сей взносъ потребенъ будетъ и покуда я службу продолжать стану, вычетомъ изъ моего жалованья“.

Енисейскій чиновникъ Гороховъ написалъ нѣчто вродѣ сочиненія, тщательно переписанное и на хорошей по тогдашнему времени бумагѣ, въ тайной надеждѣ, что оно, достигнувъ Петербурга и поразивъ высшее начальство глубиною мысли, выдвинетъ его изъ среды сибирскихъ чиновниковъ; сочиненіе это, оставшееся при дѣлѣ, слѣдующаго содержанія: „изъ присланнаго здѣсь ко мнѣ повелѣнія усмотрится, на какую цѣль основалось въ С.-Петербургѣ Патріотическое женское общество и до какой степени благотвореніе къ ближнему разпространено. Мнѣ какъ въ одно посредство отъ начальства призванному, остается о семъ довести благороднымъ дамамъ купческаго и мѣщанскаго сословіевъ, женскому обществу къ свѣдѣнію почтѣннѣйше изъяснить, что живущія хотя въ скверной части свѣта, имѣютъ одинаково сострадательные сердца и нимало не уступятъ въ томъ другимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ избытковъ своихъ для памяти искупившихъ кровію ихъ благоденствіе, сколько кто въ состояніи пожертвовать не отрекутся, дабы общимъ благотвореніемъ облегчить судьбу оставшихся раззоренными безъ призрѣнія и доказать врагамъ нашимъ, что Россія не побѣдима и источники ея благотворенія неисчерпаемы. Въ заключеніе всего, имѣя счастіе пользоваться въ городѣ довѣренностію, со своей стороны и я осмѣливалось надпомануть извѣстныя сіи достопримѣчательныя, Священнаго Писанія, слова: Аще хотите чтобъ творили вамъ человеки, и вы творите мнѣ такожде. Енисейскъ, апрѣля 20 дня 1813 года. За городничаго коллежскій ассесоръ Гороховъ“.

13 ноября 1813 года губернаторъ Илличевскій обратился съ бумагой къ управленію Колывано-Воскресенскихъ горныхъ заводовъ, въ которой онъ, между прочимъ, писалъ: „будучи обязанъ дать отчетъ начальству о деньгахъ, хотя и имѣю нужныя свѣдѣнія сколько всѣхъ приношеній вообще на означенный предметъ по мѣстамъ губернскаго вѣдомства собрано, но какъ въ отношеніи сего и заводская округа, яко состоящаго въ границахъ Томской губерніи, должна входить въ составъ генеральнаго отчета, то не угодно ли будетъ Вашему Высоко-родію приказать кому слѣдуетъ доставить ко мнѣ вѣдомости“. Управляющему тогда Колывано-Воскресенскими заводами оберъ-гауптману Элерсу, независимому отъ томскаго губернатора, бумага эта показалась обидною (должно быть слова: „и заводская округа, яко состоящая въ границахъ Томской губ.“) и онъ сухо и кратко, послѣ долгаго молчанія, почти черезъ годъ, отвѣтилъ, что имъ отослано въ Общество пожертвованныхъ денегъ 6175 р.

Правящій должность каинскаго бургомистра доносилъ губернатору, что „сколько находилось въ г. Каинскѣ по наличію изъ купечества и мѣщанства собралъ въ сборную градскую и объявя имъ со внушеніемъ повелѣваемое Вашимъ Пре—ствомъ, собралъ пожертвованнаго ими только еще 57 р. 80 к.“ Изъ Каинскаго казначейства изъ числа пожертвованныхъ денегъ 895 р. были отосланы прямо въ Петербургское казначейство; завязалась переписка, на какомъ основаніи Каинское казначейство отослало эти деньги, не имѣя разрѣшенія отъ Томскаго губернатора, и, въ концѣ концовъ, казначея оштрафовали на 5 рублей.

Какъ образчикъ тогдашнихъ канцелярскихъ произведеній, приведемъ слѣдующій документъ:

„О дѣйствованіи для пожертвованіи на вспоможеніе раззореннымъ отъ войны по первому пути зимняго времени іюня 30 дня 1813 года № 116-й.

Его Превосходительству Г. Действительному Статскому Советнику томской губерніи Гражданскому Губернатору и кавалеру Деміану Васильевичу.

Рапортъ.

Вашего Превосходительства предписаніе 24 маія № 2234 сприложеніемъ вкопіяхъ проекта приглашеніе и шнуровой книги на записку пожертвованій на вспоможеніе раззореннымъ отъ войны мною получено сего месяца 16 числа исполненіе коего, при трудномъ теперь пропитаніи обывателей никакъ не могу пустить въ дѣйствіе оставляя оное къ непременному исполненію по первому пути зимняго времени и тогда Вашему Превосходи-

тельству непримину въ подробности спредставленіемъ книги отрапортовать. Земскій исправникъ Вяткинъ“.

Сборы пожертвованій производились уѣздными властями небрежно и собранныя суммы своевременно не отсылались ими по мѣсту назначенія. что видно изъ предписанія Томскаго губернатора городничимъ и исправникамъ Томской губерніи, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „обязанъ будучи дать отчетъ начальству въ суммахъ поступившихъ по Томской губерніи въ добровольное пожертвованіе на предметъ пособія раззореннымъ войною и учинить высылку онымъ, я хотя и имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія о деньгахъ сего сбора, но сколько по невѣрности оныхъ, а не менѣе и потому, что частовременные взносы почти до сего продолжаемые, дѣлаютъ неизвѣстнымъ число пожертвованій, не могу я составить вѣрнаго счета, вслѣдствіе чего предписываю Вашему Высокоблагородію нынѣ-же представить мнѣ вѣрную и подробную вѣдомость, сколько со времени открытія подписки по настоящее время поступило по вѣдомству Вашему сего рода пожертвованій, какъ денежныхъ такъ и вещественныхъ¹⁾, объяснивъ порознь по комисарствамъ и сословіямъ приносителей, сколько изъ того числа денегъ отослано въ казначейство для храненія и сколько затѣмъ остается у Васъ неотосланными“.

Въ рапортѣ Минусинскаго комисара Томскому губернатору говорится: „данная имъ для записки пожертвованій книга замарана въ чернилахъ и сверхъ того пожертвователи писаны совсѣмъ невидными чернилами, такъ что по незнанію ихъ назвищевъ не можно разобрать и фамилій, почему оная книга остается къ Вашему Превосходительству безъ представленія“. Рапортъ кончается увѣреніемъ, что какое количество денегъ было собрано, то и представлено земскому исправнику для дальнѣйшаго отправленія по назначенію.

II.

Изъ дѣлъ о корчемствѣ.

Сибирскія дѣла о корчемствѣ половины XVIII-го столѣтія были довольно однообразны, если только они не осложнялись другими преступленіями; изобличенныхъ въ этомъ преступленіи наказывали кнутомъ, а движимое и недвижимое ихъ имущество отбирали въ казну. Одно время примѣнялась ссылка въ нѣкоторыя отдаленныя мѣстности, напр. въ Оренбургъ. Въ одномъ изъ указовъ (1751 г. 25 дек.) говорится: „кто изъ приставлен-

¹⁾ Такія жертвованія продавались съ торговъ и полученные деньги отсылались по назначенію; жертвовали холстъ, соболей, медвѣжьи шкуры.

ныхъ къ питейной продажѣ и выборныхъ ларешныхъ цѣловальниковъ или изъ кабаковъ вино простое, двойное, водки, пиво и медъ продавать стануть въ противность указовъ неуказными цѣнами, въ вино воду или другое что примѣшивать будутъ, денежною казною корыстоваться стануть, изъ кабаковъ подвозное и порченное питье въ продажу употреблять будутъ и въ томъ по слѣдствію и сыску подлинно виноваты явятся. и за то тѣхъ кто-то учинить, бивъ кнутомъ, ссылатъ въ Оренбургъ на поселеніе, а движимое и недвижимое ихъ имѣнія, у кого что същется, имать въ казну безповоротнѣ.

Такъ какъ по закону у виновныхъ въ нарушеніи законовъ о винѣ описывалось все имущество, то корчемныя дѣла имѣютъ то значеніе, что благодаря имъ мы можемъ имѣть понятіе, по крайней мѣрѣ приблизительно, о количествѣ того движимаго и недвижимаго имущества, которымъ располагало городское и сельское сибирское населеніе. Для примѣра мы приведемъ одно изъ дѣлъ о корчемствѣ половины 18-го столѣтія и нѣсколько описей имущества изъ такихъ дѣлъ; въ нѣкоторыхъ описяхъ имущество оцѣнено.

Находившійся въ г. Томскѣ для „смотре́нія“ корчемства, капитанъ Асламовъ подалъ въ воеводскую канцелярію 18 ноября 1756 года рапортъ, въ которомъ доносилъ, что онъ „усмотрѣлъ“ въ нижнемъ посадѣ въ кабакѣ подъ названіемъ „Свѣтлица“ у цѣловальника, томскаго посадскаго человѣка Рыбникова въ котлѣ мутнаго цвѣта вино, которое съ пробою въ склянкѣ даннаго Рыбникову съ кружечнаго двора „не сходственно“, и представилъ при этомъ въ канцелярію какъ вино, такъ и цѣловальника. Вино это въ присутствіи воеводы Бушнева и ратмана Степнова было свидѣтельствовано, но съ казенною пробою оказалось сходно и безъ всякаго „корчемнаго запаха“.

Въ старину разныхъ хитрыхъ, вродѣ спиртомѣра, изобрѣтеній не было для опредѣленія крѣпости вина, а изслѣдованіе его качества производилось отжиганьемъ, такъ какъ по закону требовался угаръ обыкновеннаго вина на половину, отсюда, должно быть, произошло и старинное слово полугаръ.

Несмотря на узаконенную пробу вина, воеводская канцелярія хотѣла дознаться, отчего вино у Рыбникова было мутное и потребовала къ допросу подвальныхъ служителей кружечнаго двора, которые показали, что они отпустили Рыбникову изъ большой бочки „вино самое остаточное“, Рыбниковъ же показалъ, что бывшее у него на исходѣ вино онъ продавалъ изъ котла „простотою своею“, а раньше оно находилось у него въ боченкѣ, въ которой никакимъ образомъ нельзя было ничего примѣшать, такъ какъ боченки всегда печатаны бывають казенною

печатью томскаго магистрата. Чѣмъ это дѣло кончилось свѣдѣній не имѣется.

1751 г. Опись имущества томскаго разночинца Хваткова: „образъ Казанской Богородицы—15 коп.; хоромнаго строенія: изба черная, клѣтъ, межъ ними сѣни—12 руб., половина его Хваткова, а другая дѣвицы Марьи Петровой дочери Шутовой сына бярскаго, подъ тѣмъ строеніемъ земли поперѣшнику четыре сажени два аршина, длиннику тридцать три сажени; столъ со столѣшницею—15 коп.; хомутъ ременной, вѣтхой, со шлеею—20 коп., сарафанъ лазоревый китайчетой—60 коп.; холста три аршина—6 коп.; чюлки шерстяные вязаные, вѣтхіе—10 коп.; лоскутъ оленины дѣланой—5 коп.; рубахъ мужскихъ выбойчетыхъ двѣ—20 коп.; занавѣска ковровая вѣтхая—15 коп.; платковъ холстинныхъ три—3 коп.; одинъ ящикъ вѣтхой—15 коп.; три кади вѣтхія—7 коп.; итого на 13 р. 91 к.“.

Опись имущества Алексѣевского монастыря крестьянина Савостьянова: „Божія милосердія образъ Казанской Богородицы въ рамахъ—26 к.; образъ Воскресенія Христова—15 коп.; хоромнаго строенія на монастырской землѣ: изба, сѣни вѣтхія—1 р. 50 к.; анбаръ вѣтхой одинъ—60 коп.; подушка переная—3 к.; хомутъ одинъ—5 к.; овчина баранья недѣланая 4 к.; узда ременная вязаная—10 к.; мерлушка баранья—3 к.; два лука кремлевые вѣтхіе—3 к.; скобель желѣзная вѣтхая—2 к.; кобыла карая, грива направо съ отлетомъ, лѣвое ухо срѣзано, подъ ней кобылка каринка—80 к.; корова черная дойная съ теленкомъ—1 р. Итого на 4 р. 60 к.“.

1758 г. Опись имущества за управителя Чеускаго острога дворянина Березовскаго: „образа: Спасителявъ, окладъ мѣдной; Знаменія Пресв. Богородицы, окладъ, вѣнецъ и гривна серебряныя; платье: балахонъ голевой голубой стежной, вѣтхой; фуфайка лазорева голева, мѣхъ бѣлій, вѣтхая; балахонъ бартовой новой; полушубокъ лазоревой китайки; голанка зеленая китайчетая, мѣхъ заячій; юбка лазорева голева; полька китайчета желта, мѣхъ заячій; блюдо оловянное вѣтхое; стаканъ оловянной; стопа оловянная съ крышкой; три ножика столовые; двѣ тарелки оловянные; три вилки столовыя; три трубки холста толстаго; горшокъ мѣдной; конь рыжій; двѣ коровы красныя; два хомута, шлеи простыя; двѣ узды простыя; перина, наволока на ей крашенна; подушка пуховая, наволока выбойчетая; одѣяло мерлушчетое подъ синимъ сукномъ; занавѣса бартовая; фурманъ новой съ колесами простыми; муки арженой десять мѣшковъ, пшеничной пять мѣшковъ, ржи десять мѣшковъ; сундукъ вѣтхой, по краямъ окованъ желѣзомъ“.

Опись имущества посадскаго Попова: „образъ Спасителявъ мѣдной; изба да горница, межъ ними сѣни; малая изба, два ам-

бара; три мерина—одинъ каурой, два сивые; три коровы красныя, пахи бѣлыя; четыре овцы бѣлыя; двѣ рубахи мужскія; двѣ женскія; двои порты холщевые; два стакана стеклянные; три стакана оловянные; кунганъ стеклянной; войлокъ бѣлой; подушка, наволока выбоичета; сѣдло, деревяшка красная, подушка юфтена, стремена желѣзныя; муки арженой два мѣшка, ржи четыре мѣшка“.

Кузнецовъ-Красноярскій.

Матеріалы для исторіи города Томска.

VI.

*Томское Городское Общественное Управленіе въ началѣ семидесятыхъ годовъ. *)*

Для сравненія мы считаемъ небезполезнымъ коснуться въ началѣ, хотя въ кратцѣ, положенія финансовъ и хозяйства шестигласной Думы, завѣдывавшей дѣлами города, наканунѣ введенія въ Томскѣ положенія 16 іюня 1870 г.

Имѣющіяся у насъ подъ руками данныя показываютъ слѣдующее. За 1869 годъ было: въ приходѣ деньгами 185312 рублей $3\frac{1}{4}$ коп., билетами 28899 рублей $95\frac{3}{4}$ коп., векселями 37930 р. $20\frac{1}{2}$ коп., серіями 11590 рублей; всего 263032 руб. $19\frac{1}{2}$ коп. Среднимъ числомъ за цѣлый годъ состояло въ наличности 22844 р. 24 к. Если-бы эти деньги хранились изъ четырехъ процентовъ въ государственномъ банкѣ, то принесли бы 913 руб. 76 коп. роста. Осталось на 1870 годъ: деньгами 31894 рубля $4\frac{1}{2}$ коп., билетами 26744 руб. $95\frac{3}{4}$ коп., векселями 22330 руб. $20\frac{1}{2}$ коп., серіями 500 рублей; всего 81469 руб. $20\frac{3}{4}$ коп. За 1870 годъ въ приходѣ деньгами 150710 рублей 89 коп., билетами 62558 р. $58\frac{1}{2}$ к., векселями 38905 р. $20\frac{1}{2}$ коп., серіями 500 рублей, акціями 300 рублей; всего 252974 руб. 68 коп. Среднимъ числомъ на цѣлый годъ состояло въ наличности 24061 руб. $72\frac{3}{4}$ коп. Если бы эти деньги обращались изъ четырехъ процентовъ въ государственномъ банкѣ, то принесли бы 962 руб. $66\frac{3}{4}$ коп.

*) Матеріаломъ для настоящей статьи послужилъ сводъ постановленій Томской Городской Думы за 1871, 1872 и 1873 годы, а также докладъ ревизіонной комиссіи, избранной Томскою Городскою Думою въ 1881 году для обревизованія отчетовъ бывшей Городской Думы и образованной на началахъ положенія 16 іюня 1870 года Городской Управы—съ 1869 по 1878 годъ и, кромѣ того, докладъ подготовительной комиссіи, избранной Думою 12 декабря 1884 года для выработки порядка производства дѣлъ въ Думѣ.

дохода. Осталось на 1871 годъ: деньгами 33156 рублей 45 1/2 коп., билетами 36737 рублей 34 3/4 коп., векселями 23905 рублей 20 1/2 коп., сериями 500 рублей; всего 94299 руб. 3/4 коп. По 1 сентября 1871 года: въ приходѣ деньгами 164160 руб. 72 1/4 коп., билетами 56169 руб. 86 1/2 коп., векселями 27525 руб. 20 1/2 коп., сериями 800 руб., акціями 600 руб.; всего 249255 руб. 79 1/4 коп.

Среднимъ числомъ за эти восемь мѣсяцевъ состояло въ наличности денегъ 25179 руб. 60 коп.

Если бы означенная сумма хранилась въ банкѣ, то принесла бы изъ четырехъ процентовъ годовыхъ за восемь мѣсяцевъ 671 р. 45 1/2 коп. За городскимъ обществомъ считалось въ долгу: а) позаимствованные по приговору купеческаго, мѣщанскаго и цехового общества 28 декабря 1867 года у дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. Д. Асташева 10000 рублей на покупку хлѣба для продовольствія, на случай неурожая, бѣдныхъ жителей города, б) позаимствовано по приговору тѣхъ же обществъ 16 апрѣля 1868 гбда изъ городскихъ доходовъ 5000 рублей; кромѣ капитальной суммы подлежали еще уплатѣ процентныя; в) лицамъ, участвовавшимъ въ подпискѣ на покупку хлѣба, за произведенною къ 1873 году уплатою, 2275 рублей; г) 19440 руб. 33 коп., взамѣнъ израсходованныхъ изъ земской повинности на отопленіе и освѣщеніе тюремнаго замка съ 1861—1865 гг. *)

Нельзя при этомъ не обратить вниманіе на то, что нѣкоторая часть городскихъ денегъ выдавалась подъ векселя, чѣмъ наносился подчасъ невозвратимый ущербъ городской казнѣ.

Напримѣръ, по постановленію Томскаго Губернскаго Правленія, отъ 15 сентября 1869 года за № 3726, капиталъ въ размѣрѣ 38942 рублей 27 3/4 копѣекъ, заключавшійся въ векселяхъ, былъ признанъ безнадежнымъ къ поступленію въ городскую кассу, такъ какъ взысканіе по векселямъ производилось до того медленно, что какъ должники, такъ и поручители по нимъ, умерли, не уплативъ долговъ своихъ; причемъ нѣкоторые векселя были даже и не протестованы.

Интересно было бы знать, какое заключеніе, кромѣ вышеизложеннаго, постановило Губернское Правленіе, которому тогда были непосредственно подчинены городскія дѣла и заправили ихъ, въ смыслѣ виновности послѣднихъ.

Не менѣе интереснымъ представлялось бы имѣть списокъ этихъ должниковъ.

*) По межевой книгѣ, утвержденной межевымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената 28 декабря 1828 года, у города Томска состояло земли:

въ границахъ городского строенія	1005	десятинъ	150	саженъ
въ городской чертѣ	7666	"	489	"

Не говоримъ уже, на сколько незаконна была самая выдача городскихъ денегъ подъ векселя.

Какъ тогдашнія должностныя лица относились къ возложеннымъ на нихъ дѣламъ и порученіямъ по городскому хозяйству, можно видѣть изъ того, напримѣръ, что мѣсячная повѣрка суммъ производилась крайне небрежно, особенно поступленій повознаго сбора.

Квитанціонная книга на записку денегъ, собиравшихся въ доходъ города, съ привозимыхъ съ товарами воевъ, велась неудовлетворительно; допускались поправки числа воевъ и полученныхъ денегъ; талоны писались неразборчиво, якобы по малограмотности сборщика.

Деньги сдавались помѣсячно довольно значительными сумми до 1700 рублей и несовсѣмъ аккуратно, оставалось у сборщика до 70 рублей на цѣлый мѣсяць.

Не въ лучшемъ положеніи было и самое счетоводство: доходы отъ оброчныхъ статей хотя и записывались въ журналъ по указамъ Думы, но, кромѣ первыхъ взносовъ, производимыхъ при торгахъ, въ послѣдующихъ плательщики находились подъ неудовлетворительнымъ контролемъ Думы, вслѣдствіе чего образовались недоимки.

Не существовало инвентаря городскихъ оброчныхъ статей, изъ котораго всегда можно бы было видѣть, на какихъ условіяхъ сданы были оброчныя статьи и когда должны поступать оброки по статьямъ. Допускались прямые недоборы городскихъ доходовъ.

Большая часть расходовъ, какъ то: на благоустройство города, на содержаніе и обмундированіе полицейской и пожарной команды и проч., производилась черезъ гласныхъ Думы, нѣкоторые изъ коихъ вовсе не доставляли счетовъ въ оправданіе произведенныхъ ими расходовъ на отпущенные авансы.

Полученные авансы не всегда записывались въ выданные на этотъ предметъ отъ Думы шнуровыя книги, подчасъ неизвѣстно было, куда расходовались иной разъ отпущенныя подъ отчетъ суммы.

Бывало, что остатки денегъ отъ авансовъ не вносились въ городскую казну на возстановленіе подлежащихъ кредитовъ по году, а временами и вовсе не сдавались.

Было бы утомительно приводить каждыя отдѣльныя случаи допущенныхъ отступленій какъ отъ преподанныхъ формъ и образцовъ, такъ и отъ требованій закона; да и, кромѣ того, всѣ эти случаи отступленій такъ однообразны, похожи другъ на друга: или мирволили своему брату купцу въ полученіи съ него городского дохода, напримѣръ, за пользованіе пристанью его парходами, или пользовались городскими авансами на возстановленіе своихъ личныхъ кредитовъ. Въ общемъ,

какъ видно изъ отзыва продолжателей городского дѣла, (см. постановленіе Томской Городской Думы, отъ 7 іюня 1873 года за № 140) дѣятельность тогдашнихъ отцовъ города могла быть охарактеризована тѣмъ, что „въ десятки лѣтъ не было сдѣлано ничего къ улучшенію города, не было устроено не только ни одной улицы, но даже ни одной квадратной сажени полотна дороги, ни одной капитальной канавы, ни одного рѣчнаго взвоза, ни общественнаго сада, ни театра, ни тротуара; однимъ словомъ ничего, что означало-бы слѣды хозяйственнаго управленія; вездѣ была видна какая то поспѣшность и бесполезная затрата городского капитала.

Лучшей иллюстраціей послѣдняго служило устройство полицейскаго зданія и, такъ называемой, Набережной рѣчки Ушайки. На постройку перваго было затрачено болѣе 30 тысячъ рублей общественныхъ денегъ; но зданіе оказалось съ перваго же раза никуда негоднымъ; оно оказалось построеннымъ непрочнымъ и къ жилью и помѣщенію полиціи и пожарной команды непригоднымъ.

Вслѣдъ за окончаніемъ его, оно грозило разрушеніемъ и потребовало немедленной перестройки и, сверхъ того, ежегоднаго ремонта на счетъ тѣхъ же городскихъ суммъ.

Не взирая на это, оно и въ послѣдующемъ требовало немедленной фундаментальной перестройки.

На устройство Набережной рѣчки Ушайки было также затрачено до десяти тысячъ рублей; но набережной на самомъ дѣлѣ почти не существовало, да при этомъ торговая площадь безъ всякой надобности была обрѣзана болѣе, чѣмъ на шесть сажень.

Таковы были условія, которыя предшествовали введенію въ Томскѣ Городового Положенія 16 іюня 1870 года.

По узаконеніямъ, дѣйствовавшимъ до преобразованія общественнаго управленія въ городахъ, городское общество, имѣя сословный характеръ, состояло собственно изъ промышленныхъ сословій купцовъ и мѣщанъ съ ремесленниками.

По этому Городская Дума совмѣщала въ себѣ лишь сословное представительство.

Послѣ сдѣланнаго краткаго абриса дѣятельности представителей шестигласной городской думы мы считаемъ теперь умѣстнымъ перейти къ разсмотрѣнію организаци и дѣятельности Городского Общественнаго Управленія, образованнаго на началахъ положенія 16 іюня 1870 года.

При этомъ мы никогда не должны забывать, что съ устройствомъ общественнаго управленія на началахъ этого положенія не было создано ни новаго городского общества, ни новыхъ городскихъ учрежденій, а были лишь они видоизмѣнены такимъ образомъ, что въ составъ общества введены были до нѣкоторой

степени новые элементы, не бывшіе въ немъ прежде, и устраненъ въ незначительной степени сословный его характеръ.

На сколько городскія учрежденія въ обновленномъ ихъ видѣ, явились органами не прежнихъ сословныхъ обществъ, а всего мѣстнаго общества, мы увидимъ изъ нижеслѣдующаго.

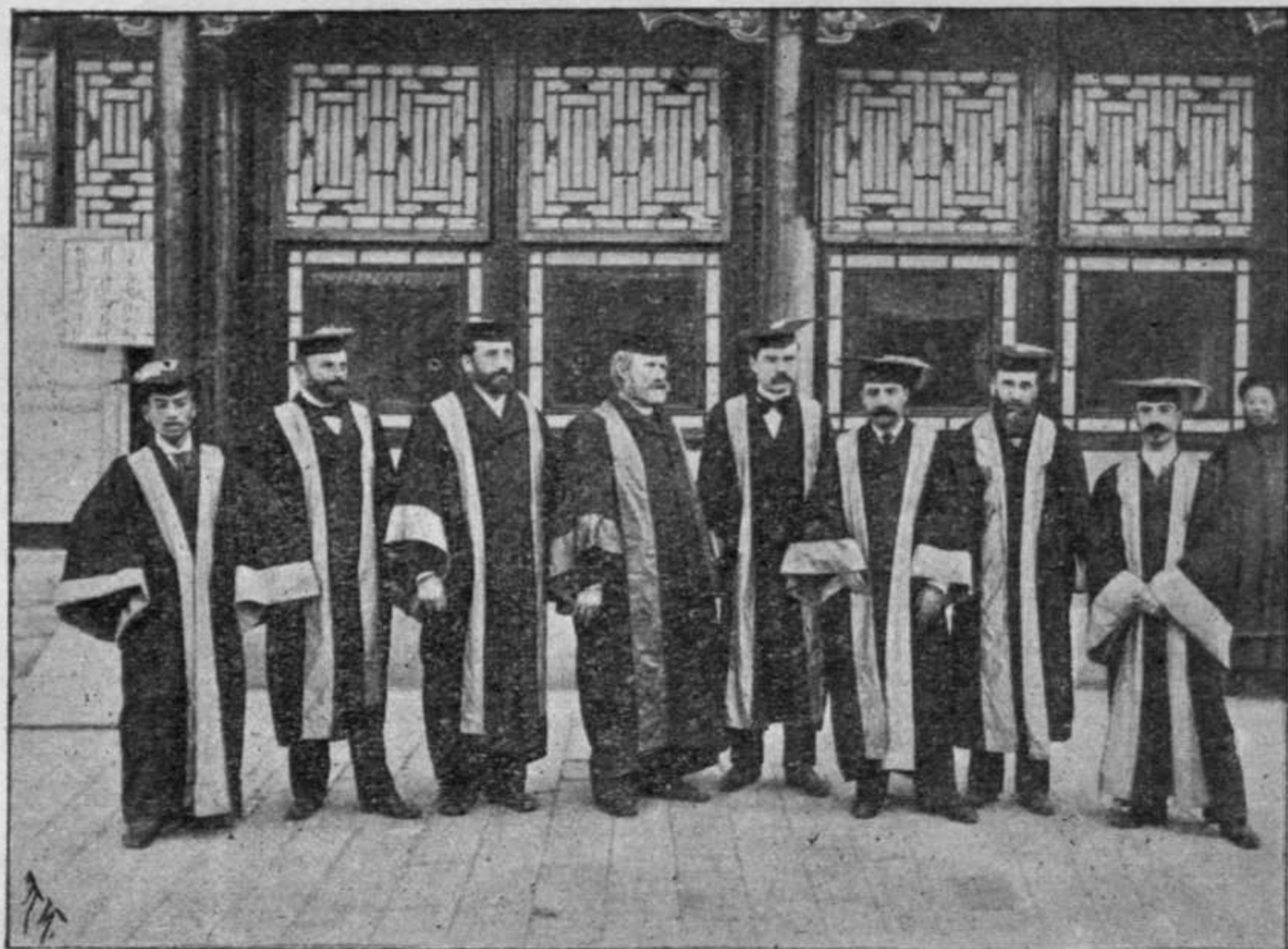
Количество избирателей, внесенныхъ въ избирательные списки за время съ 1871—1875 годы, можно изобразить слѣдующею таблицею:

	Первый разрядъ.	Второй разрядъ.	Третій разрядъ.	Всего
Купцы и потом. поч. граж.	33	79	39	151
Дворяне и чиновники	3	14	78	95
Военное сосл.(штабъ и сберъ оф.)	1	3	9	13
Мѣщане	6	50	388	444
Нижніе чины	"	"	52	52
Казакъ	"	1	9	10
Крестьяне	"	3	32	35
Иногородцы	"	1	13	14
Разночинцы	"	"	9	9
Лица неизвѣстныхъ сословій	"	45	89	134
Лица духовнаго званія	"	"	"	"
Учрежденія и вѣдомства	"	"	"	"
Итого	43	196	718	957

Въ первый избирательный періодъ, по отсутствію оцѣночнаго сбора, въ основаніе былъ принятъ, существовавшій въ г. Томскѣ по закону 14 іюня 1849 года (23322), особый квартирный сборъ. Сборъ этотъ былъ отмѣненъ закономъ 8 іюня 1874 года (53623). Затѣмъ до 1881 года казенный налогъ съ недвижимыхъ имуществъ ошибочно исчислялся Городскою Управою въ нераздѣльной суммѣ съ оцѣночнымъ сборомъ.

Въ казну Управою налогъ сдавался до 1881 года полнымъ окладомъ съ города изъ сбора съ недвижимыхъ имуществъ вообще, сумма котораго и служила основаніемъ раздѣленія избирателей на разряды.

Общая сумма ценза равнялась въ 1871—1875 годахъ 16054 руб. При этомъ избиратели платили: первый разрядъ отъ 65 до 373 руб., второй отъ 20 до 63 руб. и третій отъ 97 копѣекъ до 20 рублей.

Профессора Пекинского университета (до войны).

Professeurs de l'université de Pékin (avant la guerre).

Корейская дѣвушка.

Une jeune Coréenne.

Средній сборъ, дававшій право голоса, былъ по первому разряду 124 р. 18 коп., по второму 27 рублей 36 коп. и по третьему разряду 7 рублей 40 коп.; за всѣ три разряда 15 рублей 70 копѣекъ.

Сословіе мѣщанъ, составлявшее по многочисленности своей преобладающій элементъ городского населенія, владѣвшее значительною частью недвижимыхъ имуществъ, снабжавшее себя торговыми документами и совмѣщавшее, такимъ образомъ, всѣ условія для преобладанія на выборахъ, должно было бы, казалось, имѣть и наибольшее число избранныхъ гласныхъ.

Однако, въ число гласныхъ и кандидатовъ къ нимъ было избрано въ 1871—1875 годы:

	Первый разрядъ.	Второй разрядъ.	Третій разрядъ.	Всего.
Купцовъ и почет. граж.	26	28	8	62
Чиновниковъ и дворянъ	2	5	13	20
Мѣщанъ	2	2	20	24
Священниковъ	"	"	"	"
Итого	30	35	41	106

Въ первый періодъ гласныхъ было пятьдесятъ семь.

Сословіе купцовъ преобладало громаднымъ большинствомъ въ числѣ гласныхъ и въ числѣ избранныхъ.

Городской Голова и заступавшій его мѣсто принадлежали къ купеческому сословію.

Городскіе выборы, преимущественно, призывали къ дѣятельности по городскому Управленію въ Думѣ и Управѣ представителей купечества; второе мѣсто послѣ купцовъ занимали дворяне и чиновники; собственно говоря, только послѣдніе, такъ какъ количество дворянъ здѣсь ничтожно.

Составляя незначительную сравнительно часть городского населенія, чиновники, однако же, дали почти столько же представителей, какъ и многочисленнѣйшее сословіе мѣщанское.

А. М. Серебrenиковъ.

Милосердіе.

(Рождественскій эскизъ).

— Костылевъ! приготовляйся... завтра тебя на судъ отправлять будемъ!...

Съ этими словами юркій тюремный надзиратель, позвякивая связкой ключей, пробѣжалъ по длинному полутемному корридору впередъ къ слѣдующимъ камерамъ и вскорѣ шаги его смолкли... Вдали тяжело отворилась и захлопнулась окованная желѣзомъ дверь и въ корридорѣ воцарилась тишина...

Въ арестантской, гдѣ помѣщался Костылевъ, приказъ надзирателя не произвелъ ровно никакого впечатлѣнія; изъ арестантовъ лишь нѣкоторые приподняли головы и глупымъ, безжизненнымъ взглядомъ посмотрѣли на узкое отверстіе въ двери, черезъ которое было отдано приказаніе,—затѣмъ, опять опустили головы и словно дремали на полу и на нарахъ камеры, да изрѣдка оглашали ее протяжными, тоскливыми вздохами. Мертво, тихо и мрачно было въ арестантской; ея жители, казалось, въ полуснѣ, въ полубытіи проводятъ дни и ночи своего заключенія.

Но на тщедушнаго, высокаго арестанта Костылева приказъ надзирателя, видимо, произвелъ впечатлѣніе... Его каріе, быстрые глаза вспыхнули, лицо передернуло болѣзненная судорога,—Костылевъ ожилъ, его покинуло царившее въ номерѣ оцѣпѣненіе... Сначала, когда надзиратель выкрикнулъ его фамилію, сердце арестанта похолодѣло; вмигъ Костылеву почудилось, что сейчасъ, въ эту самую минуту, его выведутъ во дворъ, на холодный воздухъ, который еще такъ недавно леденилъ его кровь на волѣ, что сейчасъ его выгонятъ за ворота и онъ снова въ жалкихъ лохмотьяхъ, стуча зубами и ежась всѣмъ своимъ высохшимъ длиннымъ тѣломъ, пройдетъ за ворота, увидитъ улицу, прохожихъ, протянетъ къ нимъ заледенѣлую руку, получитъ на хлѣбъ и побѣжитъ искать дароваго ночлега въ какомъ-нибудь холодномъ, нежиломъ помѣщеніи, вродѣ кирпичнаго сарая... Эта перспектива ужаснула его, но слова дальнѣйшаго приказа тотчасъ бросили его въ жаръ... Завтра онъ будетъ на судѣ... Завтра всѣ узнаютъ, что онъ, Костылевъ, невиновенъ въ взведенномъ на него преступленіи, что судьи и полиція ошиблись, посадивъ его въ тюрьму, но онъ скажетъ имъ спасибо: они спасли его, взяли съ холодной улицы, полуодѣтаго, голоднаго, отчаявшагося во всемъ, что когда-то звало и манило его; да, онъ поблагодаритъ этихъ людей: здѣсь, въ тюрьмѣ, въ неволѣ Костылевъ чувствовалъ себя далеко лучше, чѣмъ тамъ, среди толпы свободныхъ людей, которая равнодушно проходила мимо него, иногда гнала его прочь, сталкивала съ тротуаровъ и лѣстницъ, и лишь изрѣдка

дарила ему на кусокъ хлѣба... Въ тюрьмѣ онъ не дрожалъ отъ холода; въ тюрьмѣ онъ беззаботно засыпалъ, зная, что завтра его накормятъ также, какъ накормили сегодня, что онъ цѣлый день проведетъ спокойно, въ теплѣ, что сосѣдъ по нарамъ подѣлится съ нимъ окуркомъ цыгарки... Есть люди, для которыхъ и злая неволя лучше свободы!..

И эти мысли вдругъ оборвались; въ душѣ Костылева за-жглось знакомое, тоскливое чувство — неизвѣстности, что будетъ завтра... Завтра всѣ узнаютъ, что не онъ совершилъ преступленіе, прочтутъ приговоръ и... и его освободятъ!.. Но куда-же онъ дѣнется?.. Его опять оставятъ одного на улицѣ, снимутъ съ него нагольный арестантскій полушубокъ, теплые катанки, снимутъ прочное, хоть и грубое бѣлье, одѣнутъ въ лохмотья и опять, опять передъ нимъ будетъ улица, холодъ, равнодушная, черствая толпа, протянетъ онъ руку, а тамъ опять — кирпичныя сараи, сонъ подъ прикрытіемъ рогожи, — сонъ, ежеминутно почти прерываемый необходимостью грѣть то спину, то бока, возлѣ чуть теплой печки... А то приходъ полиціи заставить Костылева вытянуться въ струнку, дрожать въ ночномъ холодѣ 2—3 часа подъ рядъ, пока кончится полицейская „облава“ и, забравъ наиболѣе подозрительныхъ ночлежниковъ, уйдетъ изъ сараевъ...

Его, Костылева, не возьметъ полиція, онъ ей ненуженъ: онъ просто „жиганъ“, не воръ, не мошенникъ, его полиція знаетъ и лишь изрѣдка пускаетъ на ночлегъ въ каталажку, награждая подзатыльникомъ и приговаривая:

— Смотри, больше не ходи, не пушу... И такъ васъ, чертей, почище тебя, здѣсь не проворотишь...

— Дяденька, смилуйся, — лепечеть, бывало, Костылевъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, но „ключникъ“ строгъ и неумолимъ: онъ повторяетъ, что въ каталажкѣ и такъ клопа раздавить негдѣ и что если ужъ просителю непременно хочется попасть сюда, то пусть онъ стилиснетъ что-нибудь, либо убьетъ кого ни на есть... Костылевъ, однако, не находилъ въ себѣ ни силъ, ни способностей ни на то, ни на другое... Куда ему воровать!.. Чуть дышетъ, давно дыханіе ему спираетъ, оттого и работы лишился, проѣлъ все, нищимъ сталъ, — а убить, загубить чужую душу, — да за что, да какъ это такъ? — нѣтъ, этого Костылевъ совсѣмъ не могъ сдѣлать...

Чѣмъ гуще ложились вечернія сумерки, тушуя арестантскія фигуры и всю мрачную обстановку камеры, чѣмъ глубже тонули въ этихъ сумеркахъ окружающіе предметы, сливаясь въ одну неопредѣленную, темную массу, — тѣмъ тоскливѣе билось въ груди сердце Костылева... Неподвижно сидя въ углу, онъ чувствовалъ, что самъ расплывался въ этой темнотѣ и тихо, едва замѣтно движется въ ней куда-то, уже ни о чемъ не думая, ничего не видя предъ собою... Вмѣстѣ съ нимъ въ этой темнотѣ плывутъ

такія же расплывшіяся фигуры другихъ арестантовъ, становясь все болѣе и болѣе огромными, словно ихъ надуваетъ кто-то и онѣ все растутъ, увеличиваются, покрываютъ одна другую, сливаются вмѣстѣ.. Душно, задохнуться можно въ этой темнотѣ, — но дѣваться отъ нея некуда...

*
* *

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, Кузьма Петровичъ Кулагинъ, почетный гражданинъ города N—ска, „гля ради праздничка Христова“ заказалъ въ булочной на десять цѣлковыхъ калачей и французскихъ булокъ, но въ настоящемъ году не поручилъ отвезти въ острогъ это подаяніе своей супругѣ, а повезъ его туда самолично. У Кузьмы Петровича были на это свои соображенія, о которыхъ никто, кромѣ него самого, не вѣдалъ... Супруга купца объяснила поѣздку въ острогъ самого просто блажью, а его единственный сынъ, человѣкъ безъ опредѣленныхъ обязанностей, и совсѣмъ не обратилъ на эту поѣздку никакого вниманія..

— Не чухаютъ, дураки, какое я дѣло затѣялъ, — самодовольно думалъ, посмѣиваясь надъ недалководностью своихъ домочадцевъ, Кузьма Петровичъ. Теперича ежели имъ все обсказать-бы, — продолжалъ онъ свои мысли, постегивая гнѣдого, чтобы понудить его поспѣть въ тюрьму съ подаяніемъ, — коли обсказать все это, — ну, въ тѣ поры была-бы исторія... Почитай, не долго-бы могъ на свободѣ быть... потому, хотя они мнѣ и родственники, а что у женушки, то и у сына, — языки длиннѣе семисотельной версты... живо разблаговѣстятъ, а тамъ и спапали-бы меня, сердечнаго... къ прокурору, что да какъ, да почему... Извѣстно, нашъ братъ неученый, спутался-бы, а они и тово, и запрятали-бы... Эхъ-ма!.. Вывезла кривая... Вотъ это дѣло сдѣлаю и душа моя будетъ спокойна... Простятся мнѣ мои прегрѣшенія...

Кузьма Петровичъ лихо подкатилъ къ тюремному крыльцу и подозвалъ къ себѣ двухъ надзирателей. Сунувъ имъ по двугривенному, онъ велѣлъ взять подаяніе и раздать ее всѣмъ арестантамъ, чтобы помолились о здравіи и долгоденствіи раба Божія Кузьмы, супруги его Степаниды и сына „Еллистрата“...

— Мотри, сына-то Еллистратомъ звать, чтобы не перепутали, да вмѣсто него лѣшака какого съ мной рядомъ не помянули, — добавилъ Кузьма Петровичъ, проходя въ тюремную контору — повидать смотрителя, съ которымъ былъ очень хорошо знакомъ.. Съ смотрителемъ Кузьма Петровичъ говорилъ недолго: начальство быстро исполняетъ просьбы знакомыхъ и нужныхъ людей, а потому Кузьмѣ Петровичу тотчасъ-же было разрѣшено свиданіе съ арестантомъ Костылевымъ..

Костылевъ былъ пораженъ, когда его вызвали для свиданія съ почетнымъ гражданиномъ, у котораго онъ такъ недавно,

какъ показало слѣдствіе, произвелъ поджогъ кирпичнаго сарая. Струхнулъ осужденный за это преступленіе Костылевъ и ему, человѣку забитому, запуганному, померещилось, что на свиданіи его бить будутъ... Вѣдь, судъ призналъ, что онъ, Костылевъ, совершилъ поджогъ и самъ обвиняемый не сумѣлъ отрицать этого, памятуя, что въ случаѣ оправданія его опять выбросятъ на улицу. Напротивъ, на судеговореніи Костылевъ почти убѣдился, что именно отъ его окурка вспыхнулъ сарай Кузьмы Петровича и причинилъ ему солидные убытки. Только одно смущало обвиняемаго... никакъ онъ не могъ понять—откуда у него явился окурокъ сигарки, когда въ тотъ злополучный день, когда полиція схватила его въ горящемъ зданіи и, связавъ по рукамъ и по ногамъ, отправила въ каталажку у него, Костылева, не было ни понюшки табаку... Онъ какъ сейчасъ помнитъ этотъ холодный, тоскливый день. Удушье не давало ему возможности двинуться съ мѣста и онъ до ночи пролежалъ въ кирпичныхъ сараяхъ. Ёсть ему не хотѣлось. Не до ѣды было, но покурить... Онъ все время мечталъ, чтобы покурить, и съ этими мечтами задремалъ, забылся... Его разбудили колокольцы; сквозь щели сарая онъ увидѣлъ пламя; гдѣ-то близко что-то трещало и рушилось; вокругъ сарая суетились люди, кричали, бранились, толкали другъ друга и наконецъ... одинъ изъ полицейскихъ, наклонившись надъ Костылевымъ, съ невыразимой радостью крикнулъ:

— Ага, голубчикъ, тебя то намъ и надобно.. Гей, Сидоровъ, бери поджигателя—вотъ онъ куда завалился... и Костылева взяли. Онъ не сопротивлялся. Сначала онъ не понималъ, что съ нимъ случилось, а потомъ... потомъ его привели въ участокъ... Знакомый ключникъ встрѣтилъ его чуть не съ восторгомъ. Онъ ласково улыбнулся ему и, сопровождая подзатыльникомъ, говорилъ:

— Ну, вотъ давно-бы такъ... теперь и въ теплѣ, и сытъ будешь... а то кутается себѣ зря.. Иди, спи.. Тутъ тебѣ спокойно будетъ..

Костылеву указали мѣсто на нарахъ. Онъ легъ и не сталъ отвѣчать на вопросы сосѣдей-арестованныхъ: ему было тепло, уютно, ему прежде всего хотѣлось согрѣться и заснуть... Арестованные такъ ничего отъ него и не добились..

— Хитрая бестія! проворчалъ одинъ изъ нихъ и забился въ уголъ.

— Ехидная гадина, на своего брата не обращаетъ вниманія... Вишь, тварина этакая...

И другой арестантъ съ силою ударилъ Костылева кулакомъ въ грудь..

Легкій стонъ огласилъ камеру, но вскорѣ все смолкло, и на утро Костылева увели въ замокъ...

Водили къ слѣдователю, судили и осудили... Что-же еще теперь этому почетному гражданину надо?..

Но этотъ вопросъ замеръ на губахъ арестанта, когда онъ предсталъ предъ мощной фигурой Кузьмы Петровича... Костылевъ, почему-то, сразу сравнилъ посѣтителя съ быкомъ, который ни за что ни про что бодаться полезетъ, и робко, опустивъ голову, остановился...

Кузьма Петровичъ съ головы до ногъ подробно и довольно долго осматривалъ арестанта и, видимо, не остался доволенъ этимъ осмотромъ...

— Вишь ты, вѣдь, гнида какая! улыбаясь проговорилъ Кузьма Петровичъ. Откуда у нихъ что и берется...

Кузьма Петровичъ подмигнулъ надзирателю, тотъ высморкался и улыбнулся хитро и ехидно.

— Поди-жь ты... А у меня десятитысячный заводъ спалилъ, — произнесъ Кузьма Петровичъ и снова уставился на Костылева.

— Не величка птичка, а ноготокъ востеръ, — продолжалъ онъ, но арестантъ прервалъ его испуганнымъ, робкимъ голосомъ:

— Не изгаляйтесь... За что бить меня хотите... не я вѣдь... ей Богу-же...

— Ишь ты какой пѣвчій архіерейскій, — захохоталъ Кузьма Петровичъ. Тебя какъ звать-то?

— Василиемъ! робко отвѣчалъ Костылевъ, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, когда посѣтитель приблизился къ нему и погладилъ его по головѣ...

— Ты не тово... не ломайся... не бить я тебя пришелъ... Нѣшто здѣсь дозволятъ это... Ты не тово, не сумлѣвайся... Я тебѣ тово... видишь-ли ты...

Кузьма Петровичъ полѣзъ въ карманъ, но медлилъ достать изъ него руку. Онъ искоса смотрѣлъ на тюремщика...

— Слышь, — обратился онъ къ надзирателю: а деньгами имъ можно давать... ничаво?..

Надзиратель откашляся и оглядѣлся кругомъ...

— Оно, конечно... почему не такъ-съ, ваше степенство... даютъ-съ...

— То-то я и спрашиваю...

Кузьма Петровичъ важно досталъ изъ кармана толстый бумажникъ и вынулъ изъ него три рубля...

— Вотъ это тово, Василій.. гля-ради праздничка Христова... на—разговѣйся... Потому жаль, что ты изъ-за меня.. то есть не то чтобъ изъ-за меня, а такъ... Ну-ну, гля-ради праздничка Христова... На—на получи... да не прогнѣвайся...

Кузьма Петровичъ низко поклонился Костылеву и, разогнувшись, снова погладилъ его по головѣ...

— А вотъ отсидишь строкъ, въ тѣ поры приходи ко мнѣ... Я къ тому времени новый сарай выстрою... Тебя караульнымъ возьму...

Кузьма Петровичъ еще разъ низко поклонился арестанту и быстро вышелъ изъ камеры...

На чистомъ воздухѣ онъ глубоко вздохнулъ и прошепталъ съ улыбкою: „какъ гора съ плечъ... слава те Господи“...

Надзиратель взялъ за руку Костылева и пытливо посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Пьешь? тихо спросилъ тюремщикъ.

— Пью,—отвѣчалъ Костылевъ.

— Ну, смотри, вечеромъ я тебѣ полуштофъ оборудую и чего другого прочаго захвачу... Давай деньги...

Костылевъ тупо смотрѣлъ на свое начальство, которое, однако, не дремало и уже прятало трехърублевую въ свой карманъ.

— Да тамъ, мотри, ни гу-гу,—научалъ надзиратель, сопровождая арестанта въ камеру.—Народъ тамъ шпанка, а я собственно тебя жалѣючи—для Рождества Христова съ праздникомъ хочу сдѣлать... Выпьешь и нишкни, а не то... Да не болтай...

Дверь каземата растворилась и Костылевъ снова очутился въ кругу своихъ сотоварищей...

— Ну что? На что тебя спрашивали? Кто?—засыпали они его вопросами и когда онъ объяснилъ имъ, что его посѣщаль тотъ самый почетный гражданинъ, у котораго онъ спалилъ кирпичные сараи, одинъ изъ арестантовъ злобно закричалъ окружающимъ:

— Я знаю этого почетнаго гражданина Кузьму... Онъ самъ свои сараи спалилъ, чтобы штраховая получить... А этотъ дуракъ влопался... Ты бы денегъ у него просилъ, денегъ...

— Не надо мнѣ, махнувъ рукой, отвѣчалъ Костылевъ и грузно опустился на нары.

Его мучило удушье и еще другая какая-то докучливая болѣзнь, но какая именно—того онъ никакъ и никому рассказать бы не сумѣлъ...

Въ камерѣ сегодня царило оживленіе. Арестанты умильно глядѣли на выданные имъ калачи и булки, бережно сдвали съ нихъ пыль, завертывали ихъ въ разныя тряпки, предполагая этимъ подаяніемъ разговѣться.. Нѣкоторые изъ арестантовъ пѣли вполголоса рождественскія молитвы, другіе грустно прислушивались къ медленному звону церковныхъ городскихъ колоколовъ и тоска тѣмъ сильнѣе сжимала преступныя груди, чѣмъ ближе былъ праздникъ, рисующій воображенію картины людской радости, веселья и благополучія—на свободѣ, вдали отъ каменныхъ стѣнъ тюремнаго замка.

Сибирякъ.

КАКЪ РОССІЯНКА ПЕРЕСЕЛИЛАСЬ ВЪ СИБИРЬ.

(Исторія одного переселенія).

(Окончаніе, — см. кн. 11 за тек. годъ).

Съ отправкой ходаковъ въ Сибирь, Россіянцы начали относиться совершенно иначе къ своему пребыванію въ родномъ селѣ. Теперь имъ Россіянка казалась чѣмъ-то чужимъ, чѣмъ-то временнымъ. Мужики освободились отъ обязательной работы у сосѣда-владѣльца, перестали занимать деньги у кулаковъ, перестали заботиться о томъ, какъ-бы и гдѣ-бы раздобыть покосовъ, какъ-бы заарендовать кусочекъ землицы подъ посѣвъ. Ограничились только засѣвомъ яроваго поля, а объ озимомъ никто и не думалъ изъ тѣхъ Россіянцевъ, которые готовились осенью двинуться со своими семьями и домашними скарбами на новыя мѣста — въ Сибирь. Скотина, какая была у нихъ, была уже продана скупщикамъ, домишки купили сосѣди, а земля переходила въ распоряженіе общества. Бабы кончали бѣлить полотно и тоже, глядя на мужиковъ, больше просиживали дома. Всѣ ждали ходаковъ, и ждали ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Проходили недѣли въ томительныхъ ожиданіяхъ; ходаки, между тѣмъ, дѣлали свое дѣло.

Добравшись до ближайшей желѣзно-дорожной станціи, Россіянскіе ходаки взяли себѣ билеты до Томска, и, усѣвшись въ товарныхъ вагонахъ, приспособленныхъ для перевозки переселенцевъ, отправились въ далекій путь. Въ томъ-же вагонѣ, въ которомъ помѣстились Россіянскіе ходаки, было много такихъ-же, какъ и они, ходаковъ, были переселенцы, зачисленные уже на участки и ѣхавшіе въ разныя мѣста Сибири съ женами, дѣтьми и стариками, съ сундуками, узлами и связками. Переселенческій поѣздъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ десятковъ вагоновъ, набитыхъ людьми и кладью, медленно подвигался къ Уралу. Вся Россія, казалось, собралась въ этомъ поѣздѣ: были тутъ и хохлы со своими Марусями и Грицками, были бѣлоруссы въ своихъ бѣлыхъ домашнихъ кафтанахъ и въ лаптяхъ, были великоруссы съ гармониками и балалайками, были латыши изъ Прибалтійскихъ губерній, были и представители западныхъ губерній Привислянскаго края, были сѣверяне, южане и проч.; были старики, пожилые, молодые и дѣти, словомъ — всѣ возрасты и всѣ

народности великой матушки-Россіи ѣхали въ этомъ вагонѣ искать иной, лучшей, болѣе легкой жизни за сѣдымъ Ураломъ. И всѣхъ ихъ гнала изъ родныхъ пепелищъ куда-то далеко, въ Сибирь, въ невѣдомый для нихъ край нужда, крайняя нужда, народившаяся и быстро разроставшаяся, благодаря „земельному утѣсненію“. Земля, та самая земля, которая кормить и поить многомилліонную земледѣльческую и неземледѣльческую Русь, манить и въ Сибирь эту стотысячную толпу переселенцевъ. Слово „земля“,—могучее слово на устахъ россійскаго земледѣльца; изъ за нея онъ расстаётся съ родными палестинами, изъ-за нея онъ переноситъ всѣ невзгоды новой жизни на новыхъ мѣстахъ. Вотъ объ землѣ-то этой и происходили нескончаемые разговоры у Россіянцевъ съ ѣхавшими съ ними въ одномъ вагонѣ ходаками и переселенцами; между ними оказались такіе, которые ѣхали въ Сибирь не въ первый уже разъ, а потому имѣли, что рассказать. Отъ нихъ Россіяны узнали, что прежде переселенцы устраивались въ Сибири хорошо, такъ какъ селили ихъ на земляхъ культурныхъ, отрѣзанныхъ отъ старожиловъ, но что теперь осталась только одна тайга, и что жить въ тайгѣ тяжело, что въ тайгѣ очень много гнуса, что земель, удобныхъ для немедленнаго обращенія подъ поле, очень мало, что сѣнокосы все только лѣсные, что много въ тайгѣ дикаго звѣря, что часто почти совершенно нѣтъ дорогъ въ тайгѣ и до участковъ пробираться съ дѣтьми и кладью очень трудно. Научили Россіянцевъ переселенцы и тому, къ кому имъ нужно обращаться за участками, указали имъ и тѣ мѣста Сибири, въ которыхъ лучше поселятся.

И много, много новаго и интереснаго узнали Россіяны отъ прочихъ ходаковъ и переселенцевъ, ѣхавшихъ съ ними въ одномъ вагонѣ въ продолженіи двухъ недѣль. Сибирь въ представленіи Россіянскихъ ходаковъ рисовалась въ совершенно иныхъ краскахъ: они надѣялись встрѣтить здѣсь безграничныя пространства хлѣбородныхъ земель, обильныхъ сѣнокосовъ, тучныхъ пастбищъ и густыхъ лѣсовъ, а потому рассказамъ своихъ сосѣдей по вагону вѣрили только отчасти. И не одни Россіяны такъ жестоко ошибаются, воображая Сибирь счастливой Аравіей. Большинство ходаковъ, ѣдущихъ въ Сибирь въ первый разъ, собственно не имѣютъ о ней ни малѣйшаго представленія. Явленіе это настолько обычно, что не можетъ не обращать на себя вниманія. Помимо того, что вся эта движущаяся за Уралъ переселенческая масса совершенно незнакома ни съ климатическими, ни съ топографическими, гидрографическими, почвенными, этнографическими и проч. условіями края, она еще и движется часто на-угадъ, движется въ мѣстности, о которыхъ случайно услышала. Благодаря такому ненормальному положенію, въ области

переселенческаго движенія весьма часты случаи неудачныхъ поѣздовъ ходаковъ, неудачныхъ поселеній.

Здѣсь мы находимъ уместнымъ нѣсколько остановиться на общихъ вопросахъ переселенческаго движенія въ Сибирь. Остановливаясь на законодательствѣ о переселеніи въ Сибирь, мы прежде всего должны сказать, что оно является пока еще очень молодымъ. До 80-хъ годовъ, когда были изданы новѣйшія законодательства о переселеніяхъ въ Сибирь, собственно это переселеніе предъ лицомъ законодателя не представлялось самостоятельнымъ явленіемъ русской народной жизни, и было подчинено ст. 33 положенія о крестьянахъ Съ начала-же 80-хъ годовъ сибирская колонизація все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе правительственныхъ сферъ, послѣдствіемъ чего появился цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ о переселеніяхъ въ Сибирь. Процессъ переселенія распадается, главнымъ образомъ, на слѣдующіе основные моменты: передвиженіе, порядокъ перечисленія, водвореніе на новыхъ мѣстахъ и обложеніе. Остановливаясь на процессахъ переселенія, мы замѣчаемъ нѣкоторыя недостатки, удаленіе которыхъ является дѣломъ существенно необходимымъ. Недостатокъ этотъ, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что въ дѣйствительности моменты перечисленія, водворенія и обложенія происходятъ, такъ сказать, одновременно. Благодаря такому порядку, создается нѣчто въ высшей степени ненормальное: физическое лицо не отдѣляется отъ юридическаго, человѣкъ отъ бумаги (водворяется собственно бумага, а не человѣкъ). Чтобы убѣдиться въ справедливости высказаннаго нами положенія, достаточно обратиться къ порядку водворенія. Происходитъ это слѣдующимъ образомъ: всѣ бумаги о переселенцахъ пересылаются крестьянскому начальнику для формальнаго водворенія переселенцевъ на заранѣе заготовленныхъ переселенческихъ участкахъ и зачисленныхъ за ними. Крестьянскій начальникъ, получивъ бумаги о переселенцахъ, постановляетъ чрезъ волостное правленіе актъ о водвореніи и начинаетъ переписку по перечисленію и устройству переселенцевъ въ податномъ отношеніи. На самомъ-же дѣлѣ водвореніе переселенцевъ на участкахъ идетъ часто совершенно иначе, а именно: участки сплошь и рядомъ избираются ходаками, нерѣдко однимъ ходакомъ для нѣсколькихъ семействъ. Ходаки, заботясь о разрѣшеніи на переселеніе, записываются и записываютъ своихъ довѣрителей на первый попавшійся участокъ; когда же являются сами переселенцы, то они въ большей части случаевъ или водворяются на совершенно другомъ участкѣ, или не легально поселяются въ старожильческихъ селеніяхъ.

Благодаря такому положенію вещей, создается масса осложнений. Перечисленный по бумагамъ переселенецъ считается без-

вѣстно отсутствующимъ съ первоначально зачисленнаго за нимъ участка, и на основаніи положенія Комитета сибирской желѣзной дороги 12 апрѣля 1897 года лишается права на надѣленіе землею какъ въ этомъ участкѣ, такъ равно и на казенныхъ земляхъ Сибири. Помимо того, что существующій порядокъ перечисленія сопровождается нерѣдко полнымъ лишеніемъ для переселенца привилегіи и преимуществъ, предусмотрѣнныхъ переселенческими узаконеніями, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ не мало осложненій въ податномъ отношеніи. Естественнo послѣ этого желать въ практикѣ водворенія переселенцевъ необходимыхъ измѣненій, и измѣненія эти должны заключаться въ полномъ отдѣленіи процесса перечисленія отъ фактическаго водворенія переселенцевъ. Иначе сказать: предоставить переселенцамъ сначала прочно водвориться на томъ или иномъ участкѣ, ими лично или черезъ ходаковъ избранномъ, а затѣмъ уже, удостовѣрившись, что переселенцы находятся на мѣстахъ, составлять акты водворенія и перечислять ихъ.

Только что описанные нами недостатки въ области нашей колонизаціонной системы обрушились всею своею тяжестью на Россіянскихъ переселенцахъ. Спустя три недѣли послѣ того, какъ Россіянка проводила своихъ ходаковъ, послѣдніе находились уже въ Томскѣ и бродили по улицамъ Сибирскаго города, отыскивая, какъ они выражались, „переселенческаго начальника“. Розыскавъ переселенческаго чиновника, ходаки, по его указаніямъ, отправились въ тайгу осматривать вновь образованные переселенческіе участки. Большинство изъ участковъ, осмотрѣнныхъ ими, не были еще утверждены временными комиссіями, а потому не подлежали еще зачисленію за переселенцами, тѣ-же, которые могли быть зачисленными, представляли изъ себя нѣчто въ высшей степени грустное, не даромъ они были отнесены и по вѣдомостямъ «къ труднымъ». Почти всѣ они были заброшены въ глубь тайги, почти всѣ они были разобщены со всѣми внѣшнимъ міромъ, благодаря отсутствію дорогъ, окружены они были болотами и сплошь покрыты лѣсомъ; были между ними и такіе, на которыхъ переселенцы пробовали уже поселяться, но въ концѣ концовъ не выдержали и побросали ихъ. Пробродивъ по тайгѣ болѣе двухъ недѣль, россіянскіе ходаки рѣшили, что имъ больше ничего не остается, какъ зачислиться самимъ и зачислить остальныхъ Россіянцевъ на первый попавшійся участокъ, чтобы воспользоваться преимуществами по передвиженію въ Сибирь съ семьями, а дальше что будетъ, то будетъ. Такъ они и сдѣлали.

Зачислившись на одинъ изъ таежныхъ участковъ, отнесенныхъ къ разряду „трудныхъ“, россіянскіе ходаки отправились обратно на родину. Когда они прибыли въ родную Россіянку,

сѣнокосная пора была уже въ полномъ разгарѣ, всѣ мужички отъ утренней до вечерней зари находились на своихъ лугахъ; одни Россіяны, задумавшіе переселяться въ Сибирь, не имѣли своихъ покосовъ, а ходили за деньги работать на чужіе. Съ прибытіемъ-же ходаковъ въ Россіянкѣ начались дѣятельныя приготовленія къ отправленію на новыя земли, въ сибирскую тайгу.

Ю. О. Горбатовскій.

Бушуетъ гордый океанъ,
Волна стремится за волною
И, все окутавъ пеленою,
Спустился на воды туманъ.

Не видно звѣздъ среди небесъ,
Безмолвно въ высь поднялись скалы,
Гудитъ и ропщетъ черный лѣсъ,
Умолкли жадные шакалы...
Здѣсь человѣкъ давно исчезъ,
Въ борьбѣ съ природою усталый

Но, если путникъ запоздалый
Судьбой бываетъ занесенъ
Въ тотъ дикій край,—невольно онъ
И нашу жизнь сравнить съ борьбою
Земли и моря вѣковою.

Жизнь наша—тотъ-же океанъ.
Какъ волны, дни бѣгутъ за днями;
Борьба за хлѣбъ, какъ ураганъ,
Несется бѣшено надъ нами;
Людскія души, что туманъ,
И мы—ничтожны, жалки сами!

Дмитрій Вольфсонъ.

Кузнецкій Алатау.

(Физико-географическій очеркъ.)

(Окончаніе, -- см. кн. 11 тек. года).

Промышленное значеніе Алатаусскихъ лѣсовъ небольшое. Городъ Кузнецкъ пользуется лѣсомъ для своихъ построекъ и строить свои дома изъ пихтачу, такъ какъ сосны мало. Пихтачь служить, кромѣ того, матеріаломъ для плотовъ, на которыхъ сплавляются изъ Кузнецка и лежащихъ по рѣкѣ Томи деревень разнообразныя продукты добывающей промышленности: хлѣбъ и мука, каменный уголь, известь, ступенный камень. Самый пихтачь тоже идетъ въ дѣло, главнымъ образомъ, на лѣса къ каменнымъ и деревяннымъ постройкамъ, а частью и на самыя постройки. Сосновый лѣсъ въ Томскѣ идетъ съ Обскихъ боровъ, а въ зимнее время изъ боровъ, лежащихъ около Томска. Если на Алатау и есть кое гдѣ сосна, то достоинства ея далеко ниже Обской. Первая выросла въ сырыхъ, таежныхъ мѣстахъ и получила рыхлое и пористое строеніе, тогда какъ вторая, выросшая на сухой песчаной почвѣ въ болѣе сухомъ мѣстѣ, представляетъ болѣе прочное, крѣпкое дерево и зовется „кондовой“ въ отличіе отъ „мендовой“ сосны.

Формація тайги, какъ утверждаетъ Крыловъ, образовалась въ третичный періодъ до пліоценовой эпохи, когда въ нашей странѣ былъ болѣе мягкій климатъ. Непадающая хвоя деревьевъ и вѣчно зеленые листья нѣкоторыхъ другихъ недревесныхъ растений этой формаціи свидѣтельствуютъ о томъ, что эти растенія еще не приспособились къ холодному климату. На Алатау, кромѣ того, сохранился островокъ формаціи широколиственного лѣса. Это крайне интересное мѣсто находится около деревни Кузедеевой въ нижнемъ теченіи рѣки Кондомы. По мнѣнію Крылова, это остатокъ лѣсовъ широко распространенныхъ въ пліоценовую эпоху третичнаго періода. Единственный сохранившійся древесный представитель — это сибирская липа и съ нею около полутора десятка членовъ, дѣлающихъ, однако, этотъ островокъ полнымъ аналогомъ европейскихъ и манчжуро-уссурійскихъ лѣсовъ, заключающихъ въ себѣ формы общія какъ первымъ, такъ и вторымъ.*) Интересно, однако, почему отъ этихъ лѣсовъ, приспособившихся къ холодному климату періодической смѣной листы, ничего почти не осталось, тогда какъ болѣе древняя пихтово-еловая формація, еще не выработавшая въ себѣ способ-

*) См. статьи Крылова въ „Науч. очеркахъ Томскаго края“.

ность этой смѣны, получила такое широкое распространение и такъ упорно стоитъ за себя, что даже жизнеспособнымъ представителямъ четвертичной флоры—березѣ и осинѣ не уступаетъ своего мѣста?

Какъ въ флористическомъ, такъ и въ фаунистическомъ отношеніи Алатау представляетъ одно цѣлое съ сѣверомъ губерніи т. е. съ Нарымскимъ краемъ и лѣсами Маріинско-Чулымскими. Онъ всецѣло лежитъ въ таежной зонѣ сѣверо-палеарктической подъобласти,*) поэтому въ немъ встрѣчаются всѣ типичныя для этой зоны животныя: лось, рысь, бѣлка, бурундукъ, летяга, бурый медвѣдь, обыкновенная лисица, росомаха, выдра, колонокъ, ласка, горностай, соболь, лѣсная куница, сибирская разновидность благороднаго оленя—мараль, козуля, заяцъ-бѣлякъ. Изъ птицъ: глухари и тетерева, рябчики, кедровки, клестры, кукша, синицы, дрозды и другіе. Болѣе подробно фауна (какъ и флора) Алатау не изслѣдована, въ этомъ отношеніи болѣе посчастливилось Алтаю, который интересовалъ какъ зоологовъ, такъ и ботаниковъ, разнообразіемъ своихъ представителей, обусловленнаго большимъ разнообразіемъ какъ рельефа и почвенныхъ условій, такъ и растительныхъ формацій. Алтай лежитъ на рубежѣ таежной и лѣсостепной зоны сѣверо-палеарктической подъобласти и частью захватываетъ и юго-западную палеарктическую подъобласть, тогда какъ Алатау всецѣло лежитъ въ таежной зонѣ, но на самомъ краю ея и это положеніе должно, вѣроятно, сказываться и на соотвѣтственномъ смѣшеніи представителей фауны различныхъ мѣстностей. По крайней мѣрѣ это замѣчено для г. Томска, лежащаго также на самой границѣ тайги. Преобладающими являются конечно жители тайги. Такъ какъ звѣри съ одной стороны являются предметомъ промысла инородцевъ, а съ другой стороны исчезаютъ изъ тѣхъ мѣстъ гдѣ истреблена тайга, то надо ждать, что фауна Алатау въ недалекомъ будущемъ претерпитъ существенныя измѣненія, тѣмъ болѣе, что эта страна, которая скорѣе чѣмъ какой либо другой уголокъ Сибири должна быть колонизована, привлекая къ себѣ, какъ мягкимъ климатомъ, такъ и разнообразными естественными богатствами. По словамъ проф. Кащенко въ отношеніи фауны „мы живемъ какъ бы въ давно прошедшія для Европы времена. Средняя Европа находилась приблизительно въ такомъ состояніи (относительно животнаго населенія) около 2000 лѣтъ тому назадъ (времена Юлія Цезаря) и средняя Россія около 800 лѣтъ тому назадъ (времена Владиміра Мономаха). Но теперь перемѣны происходятъ быстрѣе, и недалеко уже то время, когда первобытная, но богатая естественная обстановка нашего края, представляю-

*) См. Кащенко — „Очеркъ животнаго населенія Сибири и Томск. губ. въ частности“, въ сборникѣ „Научн. очерки Томскаго края“.

щаяся для прїѣзжаго европейца чѣмъ-то давнопрошедшимъ, станетъ и дѣйствительно прошедшей. Нужно позаботиться о томъ, чтобы этотъ переходъ не сопровождался потерей того хорошаго, что есть въ окружающей насъ дикой, но обладающей своеобразной прелестью природѣ. Нужно бережливо относиться къ ея живымъ обитателямъ; и не только потому, что большая часть изъ нихъ для насъ полезны и пригодятся нашимъ потомкамъ, но также и потому, что они, какъ и мы сами, тоже украшаютъ Божій міръ“*).

Сохранить цѣнныхъ животныхъ можно двоякимъ образомъ: или приручивши ихъ, или сохранивъ необходимыя для нихъ условія существованія и запретивъ законодательнымъ путемъ хищническій способъ охоты. Прирученіе возможно не для всѣхъ животныхъ, но оно имѣетъ мѣсто: мараль на Алтаѣ сталъ домашнимъ животнымъ и живетъ и размножается въ искусственныхъ условіяхъ прекрасно. А сохраненіе естественныхъ условій существованія многихъ видовъ связано, главнымъ образомъ, съ сохраненіемъ лѣсовъ. Лѣса же сохранять необходимо вездѣ, гдѣ земля не можетъ быть съ успѣхомъ использована подъ культуру хлѣбовъ или другимъ образомъ, а такихъ мѣстъ на Алатау немало. Такимъ образомъ, сохраненіе цѣнныхъ животныхъ является еще лишнимъ аргументомъ въ пользу сохраненія лѣсовъ.

Что касается хищническихъ способовъ охоты, то это зло пустило слишкомъ глубокіе корни среди сибирскаго населенія еще съ первыхъ годовъ завоеванія Сибири, съ тѣхъ временъ, когда тунгусы приходили на лыжахъ, подбитыхъ соболиными шкурками, **) и для борьбы съ собою требуетъ энергичныхъ мѣръ.

Приводимъ ниже газетную статью, характеризующую не знающее удержу хищничество охотниковъ:

„Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Енисея“ напечатана статья „Объ истребленіи мараловъ на югѣ Енисейской губ., авторъ которой указываетъ на предстоящее уничтоженіе этого драгоценнаго звѣря, благодаря существующимъ способамъ охоты: ямами, „на ревъ“ (осенью во время течки) и „по насту“.

Оставляя въ сторонѣ первые два способа, мы находимъ нужнымъ сказать по поводу послѣдняго нѣсколько словъ, такъ какъ приближается время этой охоты, которая въ будущемъ грозитъ выгубить не одного марала, но и дикихъ козъ и лосей (сохатыхъ). Охота эта безусловно воспрещена закономъ и, не смотря на то, широко практикуется во всей Сибири. Заключается она въ слѣдующемъ. Когда весеннее солнце начинаетъ на столько сильно грѣть, что верхніе слои снѣга подвергаются таянію, то, благодаря ночнымъ морозамъ, образуется поверхъ снѣга твердая ледяная кора. Кора эта достаточно крѣпка, чтобы выдерживать звѣря, но въ то же время сильно препятствуетъ его бѣгу, такъ какъ при каждомъ прыжкѣ ноги его проваливаются. Въ это время вся деревенская Сибирь, гдѣ только водится коза, олень или лось, выходитъ на охоту. Пріемы охоты крайне примитивны: они состоятъ въ томъ, что охотникъ на лыжахъ, вооруженный ружьемъ и дубиною и сопровождаемый стаей собакъ, преслѣдуетъ звѣря до тѣхъ поръ, пока послѣдній совершенно выбивается изъ силъ и, изрѣзавъ въ кровь ноги, безпомощно останавливается, ожидая смерти. Особенно много губится въ это время дикой

*) Кащенко — „Очеркъ жив. нас. Сиб. и Том. губ. въ часъ,“ въ „Науч. очеркахъ Томск. края, стр. 45—46.

**) Щегловъ. Хронол. перечень важн. данныхъ изъ исторіи Сибири, стр. 80.

kozy, которая ходить табунами: обыкновенно весь табунъ выбивается запросто ударами дубины. Какое опустошеніе среди жителей лѣсовъ производитъ эта охота показываетъ фактъ, сообщенный „Восточнымъ Обзорѣемъ“ въ началѣ девятидесятихъ годовъ, о поголовномъ истребленіи ликовъ въ районѣ Рютинскаго сельскаго общества, Балаганскаго округа, когда жители деревни „Балаганкиной“ (Верхне-Рютиня) въ одну весну загубили болѣе семисотъ штукъ козы и послѣ этого въ теченіе трехъ лѣтъ не добыли ни одного звѣря этой породы. Не меньшему избиенію подвергается „по насту“ и маралъ; такъ весною 1891 года одна деревня Братской волости, Нижнеудинскаго уѣзда (кажется Илирь), загубила въ теченіе недѣли сорокъ семь изюбровъ и нѣсколько сотъ козъ. Особенно губительный характеръ эта охота носитъ потому, что, главнымъ образомъ, добычею промышленника становятся самки, которыя въ это время бываютъ „суягны“ и потомъ не обладаютъ достаточной силой, чтобы скрыться отъ преслѣдованія.

Воспрещеніе охоты по насту, неукоснительно подтверждаемое ежегодно разсылкою предписаній волостнымъ правленіямъ, не имѣетъ никакого дѣйствія, такъ какъ лица, призванные наблюдать за исполненіемъ этихъ предписаній—волостные старшины и сельскіе старосты—заинтересованы въ діаметрально противоположномъ, и, какъ и остальные крестьяне, стараются запасть въ это время „мясцемъ“. Особенно вредныя для экономической жизни края послѣдствія несетъ охота по насту за изюбромъ (маралъ), такъ какъ рога этого звѣря въ іюнѣ—іюлѣ мѣсяцахъ цѣнятся отъ 25 до 150 рублей, весною же не представляютъ никакой цѣнности и или бросаются или, въ лучшемъ случаѣ, прибавляются, какъ украшеніе, надъ воротами дома промышленника. Высокая цѣнность роговъ марала въ лѣтніе мѣсяцы обусловливается тѣмъ, что въ это время, потерявъ свои старые рога, звѣрь наращиваетъ новые, которые вначалѣ являются въ видѣ мягкихъ наростовъ, величиною съ кулакъ; наросты эти идутъ въ Китай, гдѣ изъ нихъ добывается какое-то возбуждающее и въ то же время лекарственное средство. Но и помимо этого весенняя шкура марала, истощенная, благодаря зимнему недоѣданію, цѣнится крайне низко, тогда какъ шкура звѣря, убитаго лѣтомъ или осенью, идетъ на выдѣлку очень хорошей замши и цѣнится довольно высоко.—Точно также и мясо наголовавшагося звѣря не представляетъ особой цѣнности.

Относительно лѣтней охоты ямами сказать нечего; эта охота, также, какъ и охота „по насту“, должна быть безусловно воспрещена. — Остается только одинъ способъ охоты, на солонцахъ, практикующійся въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, который, какъ приносящій населенію тѣсныхъ мѣстностей значительный доходъ, можетъ быть допущенъ, но и то лишь при условіи строгой осматрительности, дабы не выбивались въ это время самки, тѣмъ болѣе, что, охотясь за мараломъ въ глухой тайгѣ, вдали отъ населенныхъ мѣстъ, куда на лѣто уходятъ звѣрь, промышленникъ беретъ только драгоценные рога, а шкуру и мясо звѣря бросаетъ. Такимъ образомъ убитая самка гибнетъ безъ всякой пользы.

Авторъ вышеназванной статьи въ „Енисей“, ветеринаръ Д. Мураевъ, привѣтствуя Высочайшее повелѣніе, данное 19 апреля 1898 года о воспрещеніи въ предѣлахъ Алтайскаго округа вѣдомства кабинета Его Величества стрѣльбы и ловли какими бы то ни было способами взрослыхъ мараловъ, выражаетъ желаніе, чтобы ограниченіе это было распространено и на югъ Енисейской губ. Мы же, съ своей стороны, считаемъ нужнымъ распространить его на всю Сибирь; наблюденіе же за его исполненіемъ можетъ быть поручено чинамъ лѣснаго вѣдомства.—Пока же, въ виду приближенія времени охоты „по насту“, слѣдуетъ принять возможно дѣйствительныя мѣры къ ограниченію этого рода хищническаго истребленія населенія лѣсовъ.“ *)

*) „Въ зашту населенія лѣсовъ“ Сиб. Жизнь—1900 г. № 33.

Мы мало имѣемъ данныхъ для характеристики климата Алатау, потому что тамъ почти отсутствовали систематическія наблюденія и только въ послѣдніе годы основано нѣсколько метеорологическихъ станцій на различныхъ пріискахъ.

Станціи эти были устроены въ 1893 году по инициативѣ горнаго инженера Реутовскаго и снабжены инструментами отъ Главной Физической Обсерваторіи. Онѣ находятся на слѣдующихъ пунктахъ: Адіаксинскомъ и Александровскомъ пріискахъ Алтайскаго Золотопромышленнаго Дѣла. Первый пріискъ находится на рч. Адіаксу (Атаякъ на картѣ Мейена) въ верховьяхъ Мрассы, второй на рч. Александровкѣ (по татарски-Камначи), черезъ два года станція эта была перенесена на Спасскую резиденцію. Затѣмъ, метеорологическія наблюденія производились на Неожданномъ пріискѣ Южно Алтайскаго Золотопромышленнаго Дѣла по системѣ Балыксы, на Больше-Никольскомъ пріискѣ Рязановыхъ по Кундату (система Кіи), на Митрофаньевскомъ пр. Кузнецовыхъ по Кызасу (системы Абакана). Обработка этихъ данныхъ уже дала бы нѣкоторый матеріалъ для характеристики климата различныхъ частей Алатау, который, конечно, неодинаковъ на всемъ протяженіи этого хребта и на различныхъ высотахъ надъ уровнемъ моря. У насъ подъ руками имѣются только данныя 1894 года, которыя мы и приводимъ въ нижеслѣдующей таблицѣ, включивъ въ нее и нѣкоторые пункты, лежащіе внѣ Алатау, для сравненія.

Для Томска, кромѣ того, приведены годовыя среднія, выведенныя изъ многолѣтнихъ наблюденій (съ 1837—1890 г., съ перерывами), заимствованныя изъ статейки проф. Капустина, помѣщенной въ „Научныхъ Очеркахъ Томскаго края“ (Томскъ 1898 г.). Для большинства пунктовъ свѣдѣнія, впрочемъ, настолько отрывочны, что едва ли могутъ служить для какихъ либо заключеній. Средняя годовая температура близка къ 0° , при чемъ на югѣ нѣсколько потеплѣе (Томскъ— $1,0$, Неожид. пріискъ— $0,9$, Александровскій пріискъ— $0,5$); разница эта была бы больше, если бы южные пункты лежали на одной высотѣ надъ уровнемъ моря съ Томскомъ, что видно изъ того, что въ Барнаулѣ, лежащемъ на одной широтѣ съ Неожиданнымъ пріискомъ, но внѣ горъ и лѣсовъ и около 300 м. ниже надъ уровнемъ моря, годовая температура была $+1,5^{\circ}$ с; холоднѣйшій мѣсяцъ (которымъ для большинства пунктовъ былъ декабрь) имѣлъ отъ 16° до $-20,5^{\circ}$, теплѣйшій отъ $+15,3^{\circ}$ (Митрофаньевскій пріискъ на Абаканѣ, имѣющій абсолют. высоту 916 метровъ) до $+18,5^{\circ}$, тогда какъ лежащіе по восточную и западн. сторону отъ горъ Минусинскъ и Барнаулъ имѣли: первый $+20,7^{\circ}$, второй $+20,3^{\circ}$. Разница между теплѣйшимъ и холоднѣйшимъ мѣсяцами для Барнаула $38,6^{\circ}$, для Минусинска $39,2^{\circ}$, тогда какъ для Неожданнаго $36,8$, для Александровскаго пріиска $37,5^{\circ}$, а для Митрофаньевскаго $33,0^{\circ}$, т. е. на Алатау климатъ умѣреннѣе, чѣмъ на равнинахъ, лежащихъ по обѣ его стороны; на сѣверѣ онъ становится рѣзче: для Томска разница между наиболѣе теплымъ и наиболѣе холоднымъ мѣсяцемъ составляетъ $37,7^{\circ}$, для Колывани— $37,8^{\circ}$. Рассматривая карту изомплитудъ, мы дѣйствительно видимъ, что Алатау лежитъ у границъ области наиболѣе рѣзкихъ

	Барометръ мм.			Температура градус. Цельсія.			Облачность.			Сила вѣтра.			О. Н.		
	Сред.	Мах.	Min.	Годъ.	Холод- нѣйшій мѣс.	Тепл. мѣс. Июнь.	Ср.	Яс.	Пас.						
Томскъ 121.8 м.	755,2	762,5	746,8	—1,0	ян.	—19,6	+18,7	6,6	41	148	—	—	—	135	48
56°30' 84°58'	751,3	777,2	730.6	—0,2	д.	—18,9	+18,5	8,0	23	233	3,0	3,6	2,5	104	39
Колывань 139 м.	—	—	—	+0,2	д.	—19,4	+18,4	4,6	108	85	2,6	3,9	2,6	130	71
55°21' 82°45'															
Кривош. 150,7 м	—	—	—	?	—	—	+19,9	—	—	—	—	—	—	—	—
55°0' 83°0'															
Больше-Никол. пр.	—	—	—	?	?	—	+16,4	—	—	—	—	—	—	—	—
55°8' 87°50'															
Салаиръ 343 м.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
54°15' 85°47'	—	—	—	?	д.	—16,1	?	—	—	—	—	—	—	—	—
Кузнецкъ . . .	—	—	—	?	д.	—17,2	?	—	—	—	—	—	—	—	—
53°46' 87°12'															
Минусинскъ 240 м	—	766,4	721,8	?	—	—18,5	+20,7	—	—	—	—	—	—	—	—
53°43' 91°41'															
Неожиданный при- искъ 430 м	—	—	—	—0,9	д.	—20,6	+16,2	6,6	39	132	0,5	2,1	0,6	756	8
53°32' 86°33'															
Барнаулъ 146 м	750,4	778,0	731,8	+1,5	д.	—18,3	+20,3	5,6	49	95	4,1	5,6	4,2	219	30
53°20' 83°47'															
Александров. при- искъ 610 м	707,4	722,4	691,1	+0,5	ян.	—17,6	+16,9	6,2	45	115	1,0	1,8	0,8	600	33
52°46' 88°7'															
Митроф. пр. 946 м	—	—	—	?	д.	—17,7	+15,3	—	—	—	—	—	—	—	—
52°19' 89°11'															

(свыше 40°) годовыхъ колебаній температуры, которая, имѣя своимъ центромъ города Якутскъ и Верхоянскъ, захватываетъ сѣверо-востокъ Азіи по бассейнамъ Лены, Енисея, Амура, сѣверъ Манчжуріи и Монголіи и вдается въ западную Сибирь двумя языками, изъ которыхъ одинъ сѣверный подходитъ къ сліянію Оби и Иртыша, а другой-южный простирается чрезъ верховья этихъ рѣкъ въ киргизскія степи до Аральскаго моря. Алатау лежитъ, такимъ образомъ, внѣ этой области, т. е. имѣетъ, какъ и большая часть западной Сибири, болѣе умѣренный климатъ, хотя тоже рѣзко континентальный, такъ что зима его своей суровостью равна зимѣ Печерскаго края и Новой земли (январскія изотермы въ этой части земли имѣютъ почти меридіональное направленіе); лѣто же Алатау настолько же жарко, какъ лѣто центральной Франціи.

Наиболѣе частые вѣтры въ Томскѣ—южные и юго-западные, въ Колывани юго-зап., юж. и запад.; въ Барнаулѣ юго-зап. и западные, на Неожданномъ пріискѣ западные, на Александровскомъ юго-зап. и запад. Характерно то, что на Александровскомъ и Неожданномъ пріискахъ вѣтры не такъ часты и сильны, какъ въ Томскѣ, въ Барнаулѣ. Штилей на первыхъ двухъ пунктахъ отмѣчено 756 и 600, на вторыхъ 104 и 219. Сила вѣтра на Александровскомъ и Неожданномъ пріискахъ отъ 0.5, до 2 метровъ въ среднемъ, въ Томскѣ отъ 2.5 до 3.5 въ Барнаулѣ отъ 4 до 5.5 метровъ. Все это, конечно, надо приписать защитѣ горъ и лѣсовъ.

Осадковъ въ 1894 году болѣе всего выпало на Александровскомъ пріискѣ, именно 1009 миллиметровъ, тогда какъ на Неожданномъ пріискѣ выпало почти столько же, сколько въ Барнаулѣ, именно 517 милл.; въ Томскѣ выпало 678 м., но, вообще, Алатау богаче осадками, чѣмъ равнина, лежащая отъ него къ западу, и чѣмъ Алтай, что показываетъ сравненіе толщины снѣгового покрова въ зиму 93—94 года на Александровскомъ пріискѣ и въ Барнаулѣ. На первомъ онъ достигаетъ въ концѣ зимы до 111 сант., на второмъ 39, т. е. почти втрое меньше. Надо замѣтить, что, вообще, выше 100 сант. въ эту зиму снѣговой покровъ отмѣченъ только на немногихъ метеорологическихъ станціяхъ Россіи, какъ, напримѣръ, въ сѣверной Финдландіи, въ Олонецкой, Вологодской, Вятской губерніяхъ, въ Уральскихъ губерніяхъ—Пермской и Уфимской и на сѣверѣ Сибири. Глубина снѣговъ—отличительная черта Алатау. Поэтому аборигены его—звѣроловы, тогда какъ малоснѣжный Алтай населенъ скотоводами. Въ этомъ послѣднемъ скотъ круглый годъ кормится на подножномъ корму и инородцы усвоили кочевыя привычки, которыя мѣшаютъ имъ перейти къ осѣдлому образу жизни; на Алатау же черневые татары зимой охотятся, а лѣтомъ издавна

занимаются пашней, которая съ теченіемъ времени заставляетъ обращать на себя все больше вниманія. Зимою на Алатау нѣтъ другого сообщенія какъ на лыжахъ, потому что черневые татары хотя и имѣютъ лошадей для лѣтней ѣзды, но содержать зимнія дороги имъ не по силамъ и лошади зимой не служатъ для сношеній между селеніями, а кормятся у стоговъ заготовленнаго сѣна. Даже между пріисками содержать дорогу стоитъ большихъ трудовъ и послѣ сильныхъ бурановъ отъ нея не остается и слѣда.

Между тѣмъ, на западъ отъ Алатау—въ Кузнецкой степи и на востокъ—въ Абаканской,—снѣговъ мало и лошади всю зиму пользуются подножнымъ кормомъ.

М. Самохваловъ.

Потокъ.

Потокъ родился подъ грозою

И устремился съ выси горъ

Сквозь мракъ и глушь лѣсныхъ гигантовъ—

На свѣтъ, на волю, на просторъ.

Не въ силахъ корни вѣковые

Сдержатъ напора его волнъ;

Онъ рветъ ихъ связи безъ пощады,

Въ борьбѣ жестокой и счастья полнъ.

Онъ рветъ... и съ пѣсней свободы,

Неукротимъ, безумно-скоръ,

Всей массой движется безстрашно—

На свѣтъ, на волю, на просторъ!

А. Рославлевъ.

Тюменское Вольное Пожарное Общество за 1900 годъ.

Начавшее функционировать въ г. Тюмени съ 25 августа 1882 года, Тюменское Вольное Пожарное Общество въ теченіе вотъ уже 18 лѣтъ приносить посильную пользу городу и его обитателямъ въ борьбѣ съ грозной огненной стихіей.

Въ настоящемъ году Вольное Пожарное Общество насчитываетъ у себя 17 почетныхъ членовъ, одного пожизненнаго члена-жертвователя, 74 дѣйствительныхъ и 66 членовъ охотниковъ.

Почетные и дѣйствительные члены дѣлаютъ извѣстный взносъ; первые не менѣе 100 рублей, дѣйствительные же не менѣе 5 рублей; внесшіе ниже 5 рублей, но не менѣе 3 руб. числятся членами жертвователями; члены-охотники участвуютъ личнымъ трудомъ при огнетушеніи и взносовъ къ кассу общества не дѣлаютъ. Всѣ члены-охотники подраздѣляются на четыре отряда, каждый отрядъ имѣетъ свои установленныя значки и по функциямъ носитъ особое названіе: трубный значекъ—зеленая лента, водоснабженія—синяя, лѣстничный—красная и охранный—бѣлая лента. Члены отдѣльнаго отряда на пожарѣ подчиняются начальнику отряда и его помощнику; общая же административная и распорядительная часть ввѣряются начальнику команды.

Дѣятельность пожарной команды, что видно изъ отчета общества, проявилась только лишь на 8-ми пожарахъ съ машинами и бочками; на остальныхъ, бывшихъ 14 пожарахъ, обоза не было, члены же охотники работали съ городской пожарной командой.

Средства общества составлялись: изъ субсидій различныхъ обществъ и учреждений, членскихъ взносовъ и случайныхъ поступленій: отъ Торговаго дома „Ф. С. Колмогорова Н-ки“ 150 р., Богословскаго Горно-Заводскаго Общества 100 р., конторы Поклевскаго—Козелль Н-овъ 100 р., Я. П. Андреева Н-ки 50 р., И. Н. Корниловъ Н-цы 50 р., Н. И. Давыдовскаго 100 р., А. И. Текутьева 50 р., П. А. Андреева 75 р., Бр. Злоказовыхъ 50 р., Торг. дома М. Плотниковъ и С-вья“ 50 р., Торг. дома „И. П. Колокольниковъ Н-ки“ 150 р., А. Кузнецова и К^о 50 р., Т-ва Бр. Колмаковыхъ 100 р., Общество Конскаго Бѣга 200 р., 1-е Россійское Страхое общество 100 р.; членскихъ взносовъ 405 руб.; выручено отъ трехъ гуляній въ загородномъ саду 403 руб. 98 к., получено арендной платы съ содержателей катка 25 р., получено за подачу обоза и принятіе предохранительныхъ мѣръ во время представленій въ циркѣ-театрѣ; начислено процентовъ на капиталъ, состоящій на текущемъ счету Общества по книжкѣ Сибирскаго Торговаго Банка; возвращено конторой журнала „Пожарный“ 5 р., собрано по подписному листу на сооруженіе иконы въ помѣщеніи Вольнаго пожарнаго общества 26 р. 50 к.; возвращено Тюменской Городской Управѣ, израсходованныя Пожарнымъ Обществомъ на содержаніе рабочихъ въ 1900 году изъ своихъ средствъ 340 рублей. Общая цифра прихода выразилась—2814 руб. 49 коп.

Общая цифра расхода за 1900 годъ.—1587 руб. 13 коп.

Какъ на крупныя статьи расхода можемъ указать: на содержаніе команды въ теченіе 7 мѣсяцевъ, а также ковка лошадей, доставленныхъ городской управой 840 руб.; канцелярскіе расходы и жалованье и д. секретаря и за писмоводство 114 руб. 82 коп., за пользованіе телефономъ въ 1900 году 75 руб. и др. мелкія статьи, о которыхъ данъ подробный отчетъ.

Имущества общество у себя насчитываетъ на сумму 5673 руб. 20 коп.

Общая наличность суммъ общества въ кассѣ къ 1 января 1901 года—1227 руб. 49 коп.

Тюменское вольное пожарное общество за послѣднее время, благодаря умѣлому и внимательному веденію дѣлъ Правленія, во главѣ съ А. Д. Печковскимъ,

стало на твердую почву въ финансовомъ отношеніи и имѣетъ довольно значительную сумму свободныхъ денегъ. Для усиленія средствъ общества принимаются всевозможныя мѣры: устраиваются гулянія въ саду, лоттереи, зимой катокъ, купальня на р. Турѣ и т. п.

Въ 1901 году ожидалось значительное поступленіе суммъ и общее собраніе членовъ общества, 6 мая 1901 года, постановило могущее поступленіе плюсъ наличность кассы утилизировать съ пользою, — приступивши къ постройкѣ зданія теплаго пожарнаго депо, съ помѣщеніемъ для дежурной пожарной части, казармы для пожарныхъ служителей, квартиры брандмейстера, канцеляріи Правленія и кладовой для цѣннаго имущества общества.

Въ этомъ же собраніи, помимо нѣкоторыхъ переменъ въ личномъ составѣ Правленія и указаннаго выше вопроса — постройки депо, еще заслушано было нѣсколько вопросовъ.

За матеріальную поддержку общества ежегодными, начиная съ 1897 года, взносами по 50 рублей и болѣе избраны въ почетные члены: П. А. Андреевъ, А. И. Текутьевъ, Т—во бр. Колмаковыхъ, Я. П. Андреева Н—ки, И. Н. Корнилова Н—ца, М. Плотниковъ и С—вья и бр. Злоказовы.

Предоставлено право правленію вступить въ члены Императорскаго Россійскаго Пожарнаго общества, сдѣлавъ обязательный для этого взносъ.

Застраховать всѣхъ пожарныхъ служителей на предметъ смерти, инвалидности и временной неспособности къ труду въ обществѣ „Голубаго Креста“, внесши необходимую сумму изъ кассы общества.

Постановлено ходатайствовать передъ г. Тобольскимъ губернаторомъ о предоставленіи начальникамъ отрядовъ и ихъ помощникамъ изъ членовъ охотниковъ правъ дѣйствительныхъ членовъ, что очень важно въ виду нежелательности объединенія взглядовъ добровольныхъ тружениковъ пожарнаго дѣла съ представителями Правленія.

Несмотря на 18-лѣтнее существованіе Тюменскаго Вольнаго Пожарнаго Общества, — не было установлено годоваго праздника и не было даже иконы.

Рѣшено теперь же приступить къ сооруженію иконы въ честь Св. Александра Невскаго и установить праздникъ общества 30 августа.

Сдѣлавши краткій очеркъ дѣятельности Тюменскаго Вольнаго Пожарнаго Общества за 1900 годъ, я воздержался отъ какихъ бы то ни было комментарій къ отчету, думая въ будущемъ посвятить обществу и его дѣламъ особую статью.

Г. Н. Кгаевскій.

С М Ъ С Ъ.

Къ введенію винной казенной продажи вина.

(Окончаніе, см. кн. 10 и 11 тек. года).

Что касается увеличенія питейнаго дохода, то оно кажется намъ вполне естественнымъ. При опредѣленіи продажной стоимости вина, министерство финансовъ беретъ его покупную стоимость, къ которой присчитываетъ тѣ же 11 коп. съ градуса, которыя взимались и раньше, стоимость содержанія администраціи, акцизнаго надзора, арендную плату за помѣщеніе винныхъ лавокъ, погашеніе капитала, затраченнаго на постройку казенныхъ винноочистныхъ складовъ, и пр. Словомъ, въ продажную стоимость вина входятъ не только излишніе расходы, которые вызваны казенной продажей, но и тѣ расходы, которые министерство финансовъ несло раньше, какъ, напримѣръ, содержаніе акцизнаго надзора. Кромѣ того, дѣйствительное количество потребленія вина значительно выше того minimum'a, который принимался въ расчетъ при опредѣленіи продажной стоимости его, такъ что доходъ отъ винной монополіи долженъ значительно превысить вызванный введеніемъ ея расходъ, и разность поступаетъ цѣликомъ въ государственную кассу.

Слѣдовательно, въ фискальномъ отношеніи государство осталось въ несомнѣнномъ выигрышѣ отъ учрежденія казенной продажи. Посмотримъ теперь, какъ отразилось введеніе монополіи на экономическомъ благосостояніи населенія и въ какой мѣрѣ достигнута правительствомъ цѣль—уменьшить народное пьянство.

Съ учрежденіемъ казенной продажи питей какъ города, такъ и деревни лишились извѣстнаго дохода, который приносила имъ выдача разрѣшеній на право открытія заведеній трактирнаго промысла. Налогъ, взимаемый съ трактирщиковъ городскими общественными управленіями и крестьянскими обществами, былъ настолько великъ, что крестьяне многихъ деревень уплачивали имъ почти всѣ причитающіяся съ нихъ подати, въ городахъ же онъ составлялъ отъ пяти до десяти процентовъ городской финансовой смѣты. Общественное мнѣніе, въ лицѣ періодической печати, указывало на необходимость возмѣщенія правительствомъ мѣстнымъ городскимъ и крестьянскимъ обществамъ той части доходовъ, которой они лишились, благодаря введенію казенной продажи питей, и значительная доля которой поступаетъ теперь въ казну; нѣкоторыми органами печати приводились примѣры того, что крестьяне нѣкоторыхъ деревень принуждены были закрыть начальныя школы, существовавшія исключительно на средства, которыя приносилъ общественный кабакъ. Въ другихъ

органахъ отмѣчалось, что при акцизной системѣ крестьянамъ предоставлялось право въ любую минуту закрыть кабакъ, т. е. они имѣли право выбора: либо имѣть кабакъ и, получая съ него известную сумму, пропивать тамъ свои достатки, либо ничего не получать, но взаменъ этого не имѣть предъ собою постоянного соблазна.

При настоящемъ же положеніи вещей они фактически лишены права не разрѣшать открытія въ своемъ селеніи винной лавки, такъ какъ циркуляръ министерства финансовъ, предписывающій при назначеніи мѣста открытія казенныхъ лавокъ принимать во вниманіе запретительные приговоры крестьянскихъ обществъ, остается мертвою буквою: судя по газетнымъ извѣстіямъ, подобныя ходатайства крестьянъ въ большинствѣ случаевъ терпятъ фіаско, и получаютъ удовлетвореніе только при исключительно благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Противъ возмѣщенія мѣстному населенію доходовъ, которыхъ оно лишилось съ введеніемъ монополіи, высказались, если не ошибаемся, только два органа: „Русскій Вѣстникъ“ и „Московскія Вѣдомости“, указывавшіе на то, что цѣловальникъ платитъ крестьянамъ деньги, которыя съ нихъ же и получаетъ, при чемъ львиная доля остается въ его карманѣ, а также на ассигнованіе правительствомъ известной суммы губернскимъ попечительствамъ о народной трезвости, преслѣдующимъ благотворительныя и просвѣтительныя цѣли, и учреждаемымъ исключительно для пользы мѣстнаго населенія.

Первое положеніе съ теоретической точки зрѣнія совершенно правильно, но на практикѣ приходится считаться съ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Предположимъ, что цѣловальникъ платилъ обществу 500 руб. въ годъ и въ силу этого продавалъ водку пятакомъ дороже бутылку, чѣмъ могъ бы продавать. Крестьяне на получаемыя съ него деньги содержали начальную школу и нисколько не тяготились излишне уплачиваемыми пятаками, такъ какъ считали, что это вполне въ порядкѣ вещей. Но вотъ открыта казенная лавка; крестьянинъ платитъ за бутылку тѣ же деньги, что платилъ и раньше (ни въ одной изъ губерній водка не продается дешевле, чѣмъ продавалась при акцизной системѣ), но взаменъ этого ничего не получаетъ. Попробуйте доказать крестьянину, что съ уничтоженіемъ кабака онъ пропиваетъ меньше и поэтому можетъ излишекъ противъ суммы, пропивавшейся имъ раньше, отдать на школу. Онъ никогда на это не согласится да и не можетъ согласиться, такъ какъ излишковъ у него нѣтъ и никогда не было и пропивалъ онъ не излишки, а деньги, необходимыя ему въ хозяйствѣ и въ домашнемъ обиходѣ. Поэтому фактъ остается фактомъ: раньше у крестьянина былъ кабакъ и была школа, теперь же у него есть кабакъ, а школу онъ принужденъ былъ закрыть.

Что касается ссылки на учрежденіе попечительствъ о народной трезвости, то она не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, такъ какъ на содержаніе ихъ ассигнуется значительно меньше, чѣмъ получали крестьяне отъ кабаковъ. Для примѣра возьмемъ Томскую губернію: тамъ крестьянскія общества имѣли ежегодно до 150 тысячъ за разрѣшительные приговоры на открытіе заведеній трактирнаго промысла, на содержаніе же губернскаго попечительства о народной трезвости ассигновано только 35 тысячъ, часть которыхъ должна пойти на организацію различныхъ учреждений въ городахъ. Съ другой стороны большинство нынѣ дѣйствующихъ попечительствъ не отвѣчаетъ своему назначенію, но объ этомъ мы поговоримъ въ особой статьѣ.

Относительно того, улучшилось ли благосостояніе крестьянъ со времени введенія казенной продажи питей, пока трудно сказать что-нибудь опредѣленное вслѣдствіе недолговременнаго существованія винной монополіи. Но полагаемъ, что можно безъ большого риска отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, такъ какъ несомнѣнно, что въ настоящее время желающій выпить поставленъ часто въ необходимость отказаться отъ своего желанія въ силу отсутствія подъ руками водки. Несомнѣнно также, что въ деревняхъ почти прекратились случаи безпробуднаго пьянства и дикаго разгула, порождавшагося кабацкой обстановкой.

Но на ряду съ благопріятными результатами введенія казенной продажи питей послѣдняя породила и массу нежелательныхъ явленій. Прежде народъ пьянствовалъ въ кабакѣ, теперь онъ пьянствуетъ на улицѣ, въ семьѣ, въ сѣстныхъ лавкахъ и прочихъ укромныхъ мѣстечкахъ. Особенно печальнымъ является перенесеніе пьянства и связанныхъ съ нимъ безобразій, на которыя только способенъ хлебнувшій зелена вина русскій мужикъ, на улицу и въ семью.

Прежде всѣ эти безобразія творились за закрытыми кабацкими дверями, о нихъ знали, но ихъ не видѣли, теперь же нельзя пройти мимо винной лавки, особенно въ воскресный и праздничный день, не натолкнувшись на безобразную сцену, не наслушавшись неприличной ругани и кабацкихъ пѣсенъ. Изданный въ прошломъ году, законъ объ уличномъ пьянствѣ пока не принесъ благопріятныхъ результатовъ въ силу отсутствія въ большинствѣ городовъ надзора за его исполненіемъ.

Еще хуже пьянство въ семьѣ. Раньше мужикъ пилъ въ кабакѣ въ компаніи своихъ товарищей. Теперь, пьянствуя дома, онъ заставляетъ жену „поддерживать ему компанію“ и поить малолѣтнихъ дѣтей, чуть не съ младенческаго возраста приучая ихъ къ выпивкѣ и разгулу.

Подведя итогъ всѣмъ послѣдствіямъ введенія казенной продажи питей, не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ одной провинціальной газеты, доказывающей, что народу необходимо кабакъ, онъ не доросъ еще до того, чтобы находить себѣ развлеченія внѣ кабака и связанныхъ съ нимъ благъ. У него отняли офиціальныя кабаки—онъ пошелъ пить водку на улицу, ему запрещаютъ пить водку на улицѣ—онъ идетъ домой или въ какое либо злчное мѣсто и пьетъ тамъ.

Словомъ, полнаго отрезвленія народа можно достигнуть не запретительными мѣрами, являющимися слабыми палліативами, а измѣненіемъ экономическихъ условій жизни низшихъ слоевъ населенія и внесенія въ ихъ среду образованія. До тѣхъ же поръ мѣры къ отрезвленію народа ни къ чему не поведутъ; получится заколдованный кругъ, изъ котораго нельзя выбраться: пьетъ народъ, потому что онъ бѣденъ, потому что ему претитъ неприглядная обстановка, его окружающая, и онъ стремится вырваться изъ нея, уйти, чтобы не видѣть того, что составляетъ печальное явленіе въ его жизни, или залить горе виномъ и въ состояніи опьяненія найти то удовлетвореніе, котораго въ нормальномъ состояніи онъ не находитъ; бѣденъ же русскій народъ оттого, что онъ пьетъ....

В. О—ій.

XX-й вѣкъ—вѣкъ химіи.

Минувшій XIX вѣкъ по всей справедливости считается вѣкомъ пара и электричества. Это, конечно, далеко еще не значитъ, что въ XIX вѣка въ области электричества уже все сказано и сдѣлано, что могло и можетъ быть сдѣлано въ дѣлѣ примѣненія этой великой и пока еще загадочной силы,—нѣтъ, послѣднее слово въ этой области едва ли будетъ сказано даже въ наступившемъ XX вѣкѣ, — такъ могуча эта сила и такъ неисчерпаемы блага, которыя она способна дать для утилизаціи, буквально, во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни и дѣятельности.

Что касается пара, то главная его пѣсня, несомнѣнно, уже спѣта въ минувшемъ XIX вѣкѣ, ибо послѣ того обширнаго примѣненія пара, въ качествѣ могучаго двигателя, которое практикуется теперь, найти какое-нибудь еще новое примѣненіе этой силы уже трудно, вѣрнѣе—невозможно.

Впрочемъ, это и не важно послѣ того, какъ на смѣну пару явилась несравненно болѣе могучая и болѣе, если можно такъ

сказать, продуктивная сила—электричество, область примѣненія котораго съ каждымъ днемъ становится все шире и шире, и роль котораго въ текущемъ столѣтіи, несомнѣнно, будетъ громадна и крайне интересна.

Но не менѣе важную и полезную роль въ жизни человѣка суждено сыграть, не только въ наступившемъ столѣтіи, но, несомнѣнно, и въ послѣдующихъ, также и другому, не менѣе грандіозному, завоеванію пытливаго человѣческаго ума въ области знаній—химіи. Вотъ почему смѣло можно утверждать, что XX вѣкъ будетъ не только вѣкомъ электричества, въ силу громаднаго развитія и практическаго примѣненія послѣдняго, но, судя по авторитетному мнѣнію знаменитаго французскаго химика Бертелло, вѣкъ этотъ еще больше будетъ имѣть права на названіе его вѣкомъ химіи.

„Новый вѣкъ, говоритъ г. Бертелло въ своей рѣчи о будущности науки и промышленности, будетъ вѣкомъ грандіозныхъ успѣховъ и развитія химіи, какъ результата неустанной пыливости человѣческой мысли и упорнаго труда человѣка. Уже XIX вѣкъ внесъ, благодаря химіи, могучій переворотъ въ самыя разнообразныя сферы человѣческой дѣятельности, въ доказательство чего, не говоря уже о массѣ открытій въ первой половинѣ минувшаго вѣка, достаточно указать лишь на одни только новѣйшія открытія послѣднихъ лѣтъ его въ области химіи, которыя способны повергнуть въ изумленіе не только обыкновеннаго смертнаго, но даже и ученыхъ.

Такъ электрохимія совершенно преобразила старую металлургію и уничтожила всѣ пріемы, практиковавшіеся въ этой области въ продолженіи столѣтія; взрывчатые вещества, благодаря термохиміи, внесли, можно сказать, новый міръ въ минное и военное дѣло; новыя органическія соединенія производятъ чудеса въ окраскѣ матерій, мѣховъ, въ парфюмеріи, въ нахожденіи новыхъ антисептическихъ и лечебныхъ средствъ и т. д., и т. д.

Но какъ ни значителенъ уже достигнутый въ области химіи прогрессъ, какъ ни велико количество всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ открытій здѣсь.—смѣло можно сказать, что будущность химіи еще впереди и что эта будущность еще болѣе грандіозна, чѣмъ ея прошлое.

Стремленіе впередъ, путемъ ли дѣлъ, отъ насъ зависящихъ, или хотя бы одной мысли, всегда пріятно и полезно: оно даетъ надежду и энергію на новыя великія дѣла. Толчекъ, разъ данный, если и не достигаетъ намѣченной цѣли, то выражается въ другихъ открытіяхъ, зачастую еще болѣе важныхъ. Можно смѣло сказать, что фотографія и телефонъ—не моложе ста лѣтъ.

Часто говорятъ о состояніи будущаго человѣческаго общества, а я, говоритъ г. Бертелло, желалъ бы въ моемъ паресказѣ изобразить его такимъ, какимъ оно представляется моему воображенію къ 2000 году,—конечно, съ точки зрѣнія химической.

Въ то время не будетъ больше ни пастуха, ни земледѣльца, ни самого земледѣлія, ибо теперешній способъ существованія человѣка посредствомъ обработки земли будетъ устраненъ химіей; не будетъ угольныхъ копей, подземныхъ работъ и, слѣдовательно, не будетъ мѣста угольнымъ стачкамъ. Нынѣшній вопросъ отопленія уничтожится соперничествомъ химіи и физики. Не будетъ ни таможенныхъ пошлинъ, ни протекціонизма, ни войны, ни территоріальныхъ границъ, упитанныхъ людскою кровью. Воздухоплаваніе, основанное на химическихъ законахъ сгущенія и расширенія газовъ, избавитъ будущее человѣчество отъ многихъ бѣдствій и золъ, кажущихся намъ неизбежно необходимыми. Можно предвидѣть разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ въ открытіи какого-нибудь новаго химическаго вещества, которое въ состояніи будетъ измѣнить нравственную природу человѣка такъ же, какъ современная химія преобразовываетъ ее матеріально.

Вотъ что обѣщаетъ намъ химія! Но какъ осуществить это? Объ этомъ я и намѣренъ поговорить.

Основная задача промышленности заключается въ отысканіи источниковъ неисощимой энергіи и ея обновленія безъ помощи человѣческаго труда.

Намъ уже извѣстно перемѣщеніе силы человѣческой руки въ паровую машину, дѣйствующую вслѣдствіе химической энергіи, сообщенной ей гореніемъ угля. Но нужно итти дальше и найти что нибудь лучшее... Принципъ этого открытія установить довольно легко: нужно утилизировать внутреннюю теплоту земного шара. Чтобы добыть эту внутреннюю теплоту, чтобы опуститься въ глубину, примѣрно, трехъ-четырехъ тысячъ метровъ,—почти достаточно современныхъ инженерныхъ средствъ. Будущій инженеръ проникнетъ еще глубже и несомнѣнно отыщетъ эту теплоту—первоисточникъ всего живущаго на землѣ и ея промышленности. Вода, проведенная въ эту глубину, достигнувъ извѣстной температуры, разовьетъ силу, способную привести въ движеніе всевозможныя машины на земномъ шарѣ. Помимо этого, сама вода такимъ путемъ освободится отъ всякихъ микробовъ, коими изобилуетъ самая свѣжая вода и которые оскверняютъ самые лучшіе ключи. На такой же глубинѣ отыщется источникъ тѣрмо-электрической силы, не требующей обновленія и достаточной для проявленія на всѣхъ точкахъ земной поверхности, и пройдутъ тысячи вѣковъ раньше, чѣмъ эта сила уменьшится.

Но мы не должны отступать отъ химіи. Источникъ ли теплородной энергіи или электрической,—въ сущности это источникъ химической энергіи. И вотъ, при помощи этого источника, производство всѣхъ химическихъ продуктовъ окажется чрезвычайно легкимъ, дешевымъ всегда и на всѣхъ пунктахъ земного шара.

Затѣмъ послѣдуетъ еще болѣе важное открытіе, задача, быть можетъ, самая важная для человѣка: фабрикація питательныхъ веществъ. Въ принципѣ это уже и теперь вопросъ рѣшенный: синтезъ масла и жира открыть уже болѣе сорока лѣтъ назадъ, составъ сахара и водо-углерода узнали въ наши дни и, наконецъ, уже недалекъ синтезъ азотистыхъ веществъ. Не слѣдуетъ забывать, что вопросъ питанія есть вопросъ чисто химическій, а потому въ тотъ день, когда въ распоряженіи человѣка окажется дешевая работающая сила, наступитъ и фабрикація пищевыхъ веществъ, однихъ за другими, въ видѣ углерода, добытаго изъ угольной кислоты, водорода и кислорода, добытыхъ изъ воды, и азота—изъ атмосферы.

Все, что до сихъ поръ сдѣлано учеными для отысканія силы изъ окружающаго, дополняется и современемъ дополнится еще лучше и въ болѣе законченномъ, чѣмъ даетъ природа, видѣ, ибо все это находится во власти химіи.

Итакъ, наступитъ день, когда каждый человѣкъ будетъ имѣть съ собой для своего пропитанія маленькую плиточку азотистаго вещества, глыбочку жирового, кусочекъ крахмалистаго или сахаристаго, наконецъ, флакончикъ ароматическихъ пряностей,—все это чрезвычайно дешеваго приготовленія и въ достаточномъ количествѣ для постоянного его употребленія. И все это будетъ внѣ всякой зависимости отъ времени года, дождя или засухи, жара, сжигающаго растенія, и стужи, побивающей плоды; наконецъ, самое главное,—все это будетъ лишено микробовъ, этого источника всякихъ эпидемій и злѣйшаго врага человѣческаго рода.

Въ тотъ день химія произведетъ въ мірѣ такую радикальную революцію, о какой теперь никто даже не помышляетъ: не будетъ тогда ни полей, требующихъ жатвы, ни виноградниковъ, ни луговъ съ пасущимся на нихъ скотомъ, наконецъ, и самъ человѣкъ станетъ несравненно нравственнѣе, такъ какъ прекратится борьба за существованіе, съ ея рѣзней и безжалостнымъ истребленіемъ живыхъ существъ. Тогда не будетъ болѣе различія между страной плодородной и бесплодной. Даже, быть можетъ, тѣ самыя страны, которыя находятся теперь подъ пескомъ, окажутся тогда болѣе предпочтительными для человѣческой цивилизаціи, будучи здоровѣе, чѣмъ тѣ наносы и водныя трясины,

удобренныя истлѣвшею гнилью, которыя такъ необходимы теперь для успѣха земледѣлія.

Но да не подумаетъ никто, что въ этомъ всемірномъ царствѣ довольства искусство и красота и, вообще, прелесть жизни потеряютъ всякій смыслъ! Напротивъ, когда поверхность земли перестанетъ эксплуатироваться, какъ теперь, когда прекратится ея обезображиваніе прямолинейными парками и геометрически очерченными полями,—она покроется зеленью, лѣсами и цвѣтами, она превратится въ обширный цвѣтушій садъ, въ которомъ человѣческая раса будетъ жить въ полномъ довольствѣ, восхищаясь этимъ легендарнымъ золотымъ вѣкомъ. Но не подумайте, что все это отразится на человѣкѣ всеобщею лѣностью и нравственной распущенностью! Нѣтъ, этого не будетъ, не будетъ именно потому, что свободный, непринужденный трудъ, дающій отраду и удовольствіе, не будучи необходимымъ, все-таки будетъ существовать и тогда, дополняя собою довольство и счастье, являясь неизбѣжнымъ ихъ спутникомъ. Такой отрадный, бодрящій трудъ уже и теперь извѣстенъ химикамъ.

Въ книгѣ мудрости сказано: „кто увеличиваетъ знаніе, увеличиваетъ и трудъ“. И въ грядущемъ къ намъ золотомъ вѣкѣ всякій будетъ работать болѣе, чѣмъ когда либо,—и благо трудящемуся, ибо трудъ есть источникъ всѣхъ истинъ, источникъ счастья. Въ этомъ обновленномъ мірѣ всякій будетъ работать съ усердіемъ, такъ какъ онъ же самъ и будетъ пожинать плоды своихъ трудовъ, и въ этомъ законномъ вознагражденіи всякій найдетъ новыя силы для совершенствованія своего умственного развитія, нравственности и эстетическаго чувства“.

Сбудется-ли эта мечта въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она изображена здѣсь, или въ какихъ-либо иныхъ, но несомнѣнно одно, что вѣра въ силу науки, надежда на близкій и грандіозный тріумфъ ея имѣютъ подъ собой весьма прочную почву въ авторитетѣ знаменитыхъ ученыхъ, по мнѣнію которыхъ такая побѣда науки—лишь вопросъ времени, близость наступленія котораго, во всякомъ случаѣ, не выходитъ за предѣлы текущаго столѣтія и, слѣдовательно, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что начало этого, такъ увлекательно нарисованнаго г. Бертело, золотого вѣка, быть можетъ, суждено увидѣть уже подростающему нынѣ поколѣнію.

А. К—ій.

Иностранное обозрѣніе.

Событія въ иностранныхъ государствахъ.

Для наблюдателя жизни наше время имѣетъ особое значеніе. Мы присутствуемъ на грани того историческаго момента, которому волею судебъ суждено положить начало новой эры въ области цивилизаціи и культуры. Дѣйствительно, ни одна эпоха исторической жизни народовъ не знаетъ такого наплыва идей, такого разцвѣта общественной мысли и подъема правосознанія, какъ наше время. Всюду замѣчаемое интенсивное возростаніе интересовъ народа, разрушеніе предразсудковъ и вѣрованій, смѣна идеаловъ, а съ другой стороны стремленіе раскрыть новые горизонты для завоеваній на почвѣ соціально-экономической, въ связи съ открытіями въ области точнаго знанія и техники, мы думаемъ, достаточно оттѣняютъ общій контуръ современной дѣйствительности. Такое особое положеніе, созданное путемъ прогрессивной работы человѣческой мысли, въ свою очередь, отразилось и на политической жизни государствъ. Никогда, кажется, международные интересы не имѣли между собою такое обиліе точекъ соприкосновеній, какъ теперь. Факты, наполняющіе политическую арену, со всѣми своими развѣтленіями, являясь естественнымъ дополненіемъ къ общей обстановкѣ, еще болѣе рельефнѣе подчеркиваютъ, какъ лихорадочно бьется въ міровой артеріи пульсъ жизни и какъ, хотя и постепенно, усиливается та борьба за существованіе, которая создана суммою интересовъ дѣйствительности и которая является необходимостью, требованіемъ времени.

Лучшимъ подтвержденіемъ высказанной мысли можетъ служить исторія политическихъ событій недалекаго прошлаго и настоящаго. Съ того момента, какъ Бисмаркъ со своею политикою „крови и желѣза“ вдохновилъ Европу милитарными идеями, въ международной жизни почувствовалась усиленная дѣятельность и вслѣдъ за этимъ на фонѣ ея обрисовались тѣ причины, которыя, главнымъ образомъ, послужили побужденіемъ къ проведенію въ жизнь милитаризма, этого гигантскаго насоса народнаго счастья и довольства. Уже стало ясно, что возростающая борьба за существованіе и усиленіе экономического благосостоянія, вызвавъ лихорадочную погоню за внѣшними рынками и территоріальными завоеваніями, а рядомъ съ этимъ необходимость увеличенія боевой готовности, дала новый толчекъ политикѣ, полной козней, затаенныхъ желаній и плановъ.

Тройственный союзъ, нынѣ потерявшій свою дирижерскую палочку и собирающійся спѣть лебединую пѣсенку, какъ слѣдствіе тѣхъ-же измѣнившихся условій, можетъ тоже служить

Открытие университета въ Пекинѣ (до войны).
Inauguration de l'université de Peking (avant la guerre).

Корейскій мандаринъ.
Un mandarin de Corée.

прекрасною иллюстраціею политической мудрости дипломатовъ, вынужденныхъ требованіями времени искать точки опоры и говорить въ рупоръ съ другого конца, и той обстановкѣ на политической аренѣ, которая видоизмѣнилась подъ вліяніемъ новыхъ теченій. Послѣдствіемъ тѣхъ-же теченій слѣдуетъ признать и замѣчаемое усложненіе міровой политической жизни государствъ, вызванное пробужденіемъ народовъ, нѣсколько столѣтій коснѣвшихъ въ своемъ застоѣ и жившихъ въ разобщеніи съ общечеловѣческой семьею. Цивилизація и культура, сбросившая съ нихъ цѣпи невѣжества, расшевелила ихъ организмъ и вызываетъ пробужденныя страны къ новой жизни, къ устроенію соціального строя на болѣе прочныхъ началахъ. Такая эволюція въ жизни народовъ не могла не произвести нѣкотораго впечатлѣнія на европейскіе кабинеты. Взоры англійскихъ и германскихъ дипломатовъ, обращенные туда, гдѣ чувствовалась возможность урвать клочекъ земли или-же пріобрѣсти надежныхъ потребителей продуктовъ промышленности, не прошли безслѣдно. Вслѣдъ за этимъ, на почвѣ эгоистической были выработаны планы одинъ другого хитроумнѣе и, подъ прикрытіемъ самыхъ невинныхъ желаній и попытокъ, шла усиленная работа. Вѣрную объективную характеристику этихъ новыхъ теченій на политической аренѣ представляютъ собою событія послѣднихъ дней въ Китаѣ. Эта обширная, богатая страна, сдѣлавшись центромъ вниманія европейскихъ кабинетовъ, подверглась погрому, благодаря особой политикѣ, выработанной дипломатами. Политика „закрытыхъ и открытыхъ“ дверей, сферъ вліяній и прочіе компромиссы—все это была, такъ сказать, показная сторона дѣла, казуистика . . .

Мы, конечно, далеки отъ мысли утверждать, что только указанные обстоятельства привели къ народному движенію въ Китаѣ. Нѣтъ—были и другія причины, которыя сами собою подготавливали почву для кровавыхъ столкновеній, но главная вина должна быть отнесена на совѣсть европейцевъ, пришедшихъ „къ желтымъ“ насаждать свою культуру, просвѣщать и при этомъ—едва ли не варварскимъ образомъ. О Китаѣ и дѣлахъ на дальнемъ востокѣ мы имѣемъ въ виду говорить особо, а потому, не вдаваясь въ данное время въ оцѣнку дипломатической дѣятельности здѣсь, на водахъ Тихаго Океана, перейдемъ къ другимъ вопросамъ. Остановимся прежде всего на военной политикѣ державъ. Идеаль „боевой готовности“, созданный отошедшимъ *ad patres* „желѣзнымъ графомъ“ Бисмаркомъ, этимъ злымъ гениемъ своего вѣка, повидимому, все еще вдохновляетъ Европу. Подъ сѣбною отточенныхъ штыковъ и отблесковъ шашекъ, подъ шумъ

и грохотъ орудій державы продолжаютъ искать для себя мирныхъ занятій, расшатывая и ослабляя свои финансовыя силы. Даже гаагская конференція, вызвавшая во всѣхъ концахъ цивилизованнаго міра восторженные похвалы, ни къ чему не привела. А, между тѣмъ, какія трезвыя и глубоко продуманныя мысли, казалось, объединяли всѣхъ на почвѣ великаго завѣта любви къ ближнему, чтобы положить предѣлъ надъ областью смуты и раздора и расковать мечъ на плуги. Нота русскаго правительства глубоко вѣрно замѣчала, что „все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ, отвлечены въ большей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно“... Но, увы! эта святая истина не тронула дипломатовъ. Напротивъ, „наслѣдіе“ Бисмарка, окутанное общимъ порицаніемъ, еще сильнѣе придавило голосъ правды, и тѣ же державы, которыя на гаагской конференціи разсыпались въ любезностяхъ и льстивыхъ сентенціяхъ, чуть-ли не первые приступили къ усиленію и пополненію своего флота, артиллеріи и частью — пѣхоты. Такая двойственность, конечно, не могла произвести особаго впечатлѣнія на истинныхъ друзей мира уже по тому одному, что въ сферѣ дипломатической это былъ не первый и, должно быть, не послѣдній примѣръ.

Наиболѣе любопытную картину дипломатической дѣятельности даетъ политика сыновъ туманнаго Альбіона. Не заглядывая далеко въ глубь исторіи, а только просматривая событія только что отошедшаго столѣтія, можно привести цѣлый рядъ примѣровъ замѣчательно ненасытнаго аппетита просвѣщеннаго мореплавателя. Политика Англіи, не выходящая изъ рамокъ лицемерія и вѣроломства, полная козней, насилія и грабежа, давно получила себѣ оцѣнку въ лучшей части общества. Если Бисмаркъ создалъ политику „крови и желѣза“, одѣвъ Европу въ броню и желѣзо, то, не рискуя впасть въ грубую ошибку, можно утверждать, что хитроватый бритъ пошелъ по этой-же дорогѣ и избралъ себѣ идеаломъ политику „авантюръ“, покоющуюся на жестокости и удивительномъ лицемеріи.

Эта страна, какъ показала исторія, способна ратовать за высокія идеи и въ тоже время проливать кровь невинныхъ. Вспомнимъ, хотя-бы ирландскій вопросъ, ужасную эпоху казней и насилія въ маленькой Ирландіи, оставившей кровавую страницу въ исторіи Англіи и получившей блестящее отраженіе въ англійской литературѣ и, между прочимъ, въ „Ирскихъ мелодіяхъ“ Томаса Мура. Сколько слезъ, сколько горя и крови лилось по долинамъ несчастной Ирландіи и сколько честныхъ невинныхъ людей сложило свою непокорную голову на эшафотъ! Припо-

мнимъ дѣло въ Индіи, главнымъ образомъ, жестокости и насилія, хищническій набѣгъ доктора Джемсона, поведеніе англійскихъ „джинго“ по поводу Фашоды, грозившихъ устроить Франціи морской Седанъ, наконецъ, неудачную трансваальскую операцію, вызвавшую всеобщее негодованіе и даже среди лучшихъ людей въ самой странѣ, и легко убѣдиться, что искусная подтасовка событій, да прикрываемый цѣломудріемъ „шантажъ“ являлись и являются руководящею силою въ общей массѣ интересовъ этой державы.

Въ мірѣ гораздо сильнѣе, говоритъ Бэконъ, привитъ обычай, чѣмъ естественные законы, и, видимо, въ этой обычной коварной жадности погребены благородные инстинкты правящихъ сферъ морской державы. При такихъ условіяхъ и при склонности дипломатовъ другихъ державъ говорить одно, а дѣлать другое, нельзя было ожидать, чтобы предложеніе русскаго кабинета, увѣнчалось бы полнымъ успѣхомъ. Оно даже никого не остановило въ движеніи по опасному пути и напряженіе финансовыхъ силъ державъ продолжаетъ возрастать. По крайней мѣрѣ, изъ бюджетовъ державъ видно, что цифра ассигнованій на боевую готовность отличается повышательною тенденціею. Англія, Германія, Франція и даже Россія уже заказали нѣсколько новыхъ броненосцевъ и канонерскихъ лодокъ для увеличенія своихъ морскихъ силъ и уравненія шансовъ на случай, если политическое равновѣсіе будетъ нарушено. Въ этомъ, конечно, нельзя не видѣть особенности переживаемаго нами времени, одинаково тяжелаго для всѣхъ народовъ, такъ какъ львиная доля труда и счастья отвлечена отъ своего естественнаго направленія и уходитъ, въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, на армію и флотъ. Отсюда возникаетъ довольно серьезный вопросъ: что-же будетъ дальше? Выдержатъ-ли державы столь неестественное напряженіе своихъ финансовыхъ силъ и не приведетъ-ли это соревнованіе въ сферѣ „боевой готовности“ къ печальнымъ, почти непоправимымъ кризисамъ? Отвѣтить на эти вопросы не трудно. На нашихъ глазахъ болѣе слабыя государства уже въ корнѣ расшатали свое народное благосостояніе. Однимъ изъ яркихъ примѣровъ вреднаго вліянія военной политики и ея опасности можетъ служить судьба Италіи. Нѣкогда цвѣтущая и сильная, эта страна почти совершенно обнищала и стонетъ подъ гнетомъ высокихъ налоговъ. Увлеченная чарами и медоточивыми обѣщаніями въ тройственный союзъ, Италія за почетъ расхлебывать кашу, приготовленную руками Бисмарка и Криспи, заплатилась весьма дорого. Девизъ: „съ мечомъ въ рукахъ—возможны экономическія завоеванія“, это наслѣдіе, оставленное Европѣ „прусскимъ юнкеромъ“, совершенно разорилъ, въ связи съ рядомъ ошибокъ, сдѣланныхъ во внутренней политикѣ и не-

удачной экспедиціею во главѣ съ бравымъ генераломъ Баратьери въ долины Абиссиніи, хозяйственныя силы народа. Страна истощилась, потерпѣла рядъ финансовыхъ кризисовъ и, наконецъ, лишь только номинально стала носить названіе великой державы.

Казалось-бы, этотъ живой, хотя и грустный, примѣръ крушенія государства, вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія силъ народа, являясь грознымъ предвѣщаніемъ, долженъ былъ-бы охладить милитарныя увлеченія другихъ державъ, безъ сомнѣнія, ослабляющія и ихъ экономическое благосостояніе. Но, къ сожалѣнію, фальшь, интриги, затаенные планы не даютъ возможности восторжествовать истинѣ. Росту милитаризма всего болѣе мы обязаны двумъ костямъ, брошеннымъ судьбою на политическую арену, — Китаю и имперіи османлисовъ. Центръ вниманія кабинетовъ приковали къ себѣ воды Тихаго океана и Босфоры, омывающія самыя лакомыя кусочки и обѣщающія превратиться въ бурныя — какъ только континентальныя державы перейдутъ границы своего международнаго соперничества. При такомъ положеніи дѣла, понятно, идея милитаризма не скоро умретъ. Необходимость быть на готовѣ изъ боязни потерять тотъ или другой кусочекъ, рядомъ съ другими политическими вопросами, — правда, можно сказать, второстепенными, но все-таки создающими треніе, — придаютъ ей особую силу и жизненность.

Любопытны и интересны по этому разные проекты и планы, направленные исключительно къ ослабленію милитарной политики. Система двухъ уравновѣшивающихъ другъ друга союзовъ — тройственнаго и двойственнаго, приведшая къ политическому равновѣсію, навела на мысль осуществить другую группировку силъ Европы, какъ лучшій выходъ изъ тисковъ милитаризма. Предлагаютъ два союза: первый изъ нихъ — союзъ Россіи, Франціи и Германіи — и второй союзъ Россіи, Франціи и Англіи. Эта политическая комбинація, утверждаютъ, обезпечить миръ и освободить Европу отъ напряженія финансовыхъ силъ. Безспорно, тотъ или другой союзъ долженъ измѣнить международное положеніе державъ. Съ превращеніемъ этой идеи въ реальный фактъ, политикъ будетъ данъ новый тонъ и грозной силѣ союзниковъ придется отчасти руководить политическими судьбами остальныхъ народовъ. Но мы, однако, сомнѣваемся въ возможности осуществленія предложенныхъ проектовъ, какъ представляющихъ собою серьезныя препятствія и требующихъ нѣкоторыхъ компромиссовъ и уступокъ со стороны каждой изъ союзныхъ державъ.

Въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ мы выскажемся по существу этихъ интересныхъ проектовъ, заслуживающихъ глубокаго и серьезнаго вниманія уже потому только, что такимъ путемъ, какъ это утверждаютъ составители проектовъ,

возможно найти тотъ магическій ключъ, которымъ можно легко освободить народы отъ непосильнаго бремени, убить „милитаризмъ“ и отдалить мысль о міровой войнѣ.

Всего лучше въ этой спертой напряженной атмосферѣ чувствуетъ себя имперія османлисовъ. Насколько шатокъ и дезорганизованъ внутренній строй этой когда-то могучей имперіи—нынѣ распадающейся и угасающей,—настолько прочно ея политическое положеніе. Взаимное соотношеніе державъ къ турецкимъ владѣніямъ и дѣламъ получило такъ много точекъ соприкосновеній, что все, что совершается въ этой странѣ, вызываетъ безпокойство и тревогу, а вслѣдствіе этого и необходимость усиленнаго надзора со стороны кабинетовъ за дѣйствіями кабинетовъ-же... Гибкость и сила ума, изворотливость, лицемѣріе—вотъ тѣ орудія, которыя пущены дипломатами въ ходъ и которыя наполняютъ сотканную изъ лжи атмосферу Ильдизъ-Кіоска. Самъ падишахъ, какъ тонкій и искусный дипломатъ, вполне сознаетъ, что цѣлостность его владѣній только при путаницѣ интересовъ державъ можетъ считаться обезпеченною и, совмѣстно со своею камарильею, искусно поддерживаетъ интриги между кабинетами. Однако, какъ-бы прочно это случайное положеніе ни было, все-же слѣдуетъ обратить вниманіе и на другую сторону дѣла, именно на внутреннюю политику, утвердившуюся въ этой странѣ, которая своимъ деспотизмомъ грозитъ превратить, обнищалую и ограбленную вѣрными сатрапами Абдуль-Гамида, страну въ море крови... Движенія младотурокъ, глубоко смущающія падишаха, могутъ внезапно и быстро измѣнить порядокъ вещей и, конечно, съ измѣненіемъ внутренняго строя сами собою измѣнятся и внѣшнія отношенія. Такой переворотъ явится серьезною угрозою политическому равновѣсію, и мы, можетъ быть, уже присутствуемъ въ первой стадіи надвигающихся бѣдствій...

Кто знаетъ, возможно, что дальновидность и прозорливость политическихъ дѣятелей привела и ихъ къ такому выводу и эта мысль поддерживаетъ жизнеспособность милитаризма...

3. Д. Вольскій.

Сибирскіе отголоски.

(Юбилей Иркутскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Современное положеніе Сибири и мысли, навѣянные юбилеемъ. Кое-что изъ прошлаго Сибири. Нѣсколько словъ объ общемъ собраніи членовъ Географическаго Общества. Докладъ объ устройствѣ научно-промышленной выставки. Наши замѣчанія по вопросу объ устройствѣ выставки).

Праздникъ науки.

16-го ноября Иркутскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества съ большою торжественностью праздновалъ 50-ти-лѣтній юбилей своего существованія. День этотъ, оставившій свѣтлую страницу въ исторіи просвѣщенія Сибири, въ сущности говоря, явился радостнымъ событіемъ не только для тружениковъ отдѣла, высоко державшихъ и держащихъ свое знамя, но и всѣхъ истинно-просвѣщенныхъ людей необъятной Россіи, горячо желающихъ дорогой родиной нравственнаго и умственнаго прогресса, довольства, богатства и счастья. Интересно прежде всего отмѣтить, что юбилей полувѣковой дѣятельности общества почти совпалъ съ окончаніемъ постройки міровой дороги, стальнымъ кольцомъ охватившей обширный край и являющейся могучимъ рычагомъ въ процессахъ обновляющагося строя жизни. Касаясь современнаго положенія Сибири, нельзя не замѣтить, что обширный край, вступивъ въ новую эру своего существованія, подъ вліяніемъ свѣта и тепла культуры зашевелился своею мощью, пробудился отъ вѣковаго оцѣпенѣнія и на развалинахъ устарѣвшихъ традицій формируетъ новую жизнь. На нашихъ глазахъ уже совершается промышленный и культурный ростъ края и вмѣстѣ съ этимъ подъемъ духовныхъ потребностей. Но мы присутствуемъ, такъ сказать, при началѣ возрождающейся жизни. Должно принять во вниманіе, что нерѣдко великія идеи и плоды человѣческаго прогресса, какъ справедливо замѣчаетъ Н. Ядринцевъ, доступны колоніямъ и онѣ прогрессируютъ быстрѣе метрополій. Сибирское общество—все-таки исторически молодое общество, а судьба молодыхъ обществъ весьма часто представляетъ завидное существованіе сравнительно съ старыми обществами, пережившими долгую жизнь. Если первыя изжили многое, потерпѣли много разочарованій и огорченій, исчерпали богатства, истощили земли, наклонны къ сохраненію старины и къ косности, обладаютъ часто предрасудками старчества, принуждены бороться съ неодолимыми препятствіями, созданными предшествовавшими ошибками, то вторыя—свободны отъ многихъ изъ этихъ неудобствъ. Они кипятъ избыткомъ силъ производительности, обладаютъ многими дарами природы, стоятъ у начала исторіи.

Мы застаемъ этотъ интересный моментъ. Провозвѣстникомъ его является великій сибирскій путь, создавшій уже цѣлую „экономическую литературу“ за предѣлами отечества и предвѣщающій намъ, по мнѣнію извѣстныхъ экономистовъ, великія культурныя и экономическія завоеванія. Конечно, трудно отгадать ту роль, которую предстоитъ сыграть Сибири въ исторіи развитія русскаго государства и, главное, намѣтитъ тотъ моментъ, когда далекая окраина развернетъ свою производительность и станетъ въ ряду съ остальными странами для общаго движенія по пути прогресса, но, несомнѣнно, что время наступленія этого момента во многомъ зависитъ и отъ насъ, отъ нашей предприимчивости, подвижности, отъ нашего сознательнаго отношенія къ запросамъ жизни, характера гражданскаго и общественнаго склада страны и, наконецъ, отъ степени изученія и научнаго изслѣдованія края. Съ обиднымъ для національнаго самолюбія признаніемъ, все-таки, мы должны сказать, что на пространствѣ времени трехъ вѣковъ наши научныя завоеванія края выразились ничтожно сравнительно съ научною литературою о Сибири, имѣющейя за границею.

Недаромъ знатокъ Азіи и извѣстный географъ М. И. Венюковъ, указывая на этотъ пробѣлъ, какъ передаетъ Н. Ядринцевъ въ своемъ произведеніи „Сибирь какъ колонія“, въ докладѣ объ изслѣдованіяхъ Сибири на Петербургскомъ съѣздѣ естествоиспытателей, высказалъ надежду, что съ появленіемъ мѣстныхъ изслѣдователей долженъ начаться второй періодъ изученія Азіатской Россіи, періодъ желанный и пройденный уже въ Европѣ и частью даже въ Америкѣ. „Пусть, говорилъ г. Венюковъ, будутъ мѣстные труженики снабжены достаточными, совершенно ясными и, прибавлю, дѣйствительно исполнимыми наставленіями отъ лицъ спеціальныхъ, всего лучше отъ цѣлыхъ учреждений и съѣздовъ, пусть ихъ поддержать своимъ вниманіемъ лица высокопоставленныя въ наукѣ, одобрятъ въ успѣхѣ, снисходительно отнесутся къ ошибкамъ, и дѣло пойдетъ впередъ. Тогда и мы, долгіе странствователи, которые измѣряемъ свои работы десятками тысячъ пройденныхъ верстъ, но, къ сожалѣнію, скудными вкладами въ сокровищницу естествознанія, уступимъ мѣсто этимъ постояннымъ, туземнымъ изслѣдователямъ“...

Опираясь на это авторитетное мнѣніе и взвѣсивая измѣняющіяся условія страны, уже нельзя сомнѣваться, что данное время настойчиво выдвигаетъ этотъ весьма серьезный вопросъ и сообразно степени удовлетворенія его, будетъ прогрессировать жизнь далекой окраины. Необходимо поэтому теперь же и научнымъ силамъ, и сибирскому обществу прійти на помощь своей родинѣ, такъ сказать, сплотиться и общими усиліями восполнить чувствительный пробѣлъ.

Новыя теченія въ жизни страны, находящейся у начала исторіи, совпавшія съ днемъ юбилея Иркутскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ свою очередь, должны отразиться и на дальнѣйшей дѣятельности его. Для общества стеченіемъ болѣе благопріятныхъ условій, какъ-то: возможностью быстрого общенія, наплывомъ интеллигентныхъ силъ, реформами руководящей власти и другими, создается новая почва къ продуктивной научной работѣ и это обстоятельство должно составить начало „второй главы“ въ ея исторической жизни.

Такимъ образомъ, можно смѣло утверждать, что Иркутскій отдѣлъ, вступивъ во вторую половину своего вѣковаго существованія, вмѣстѣ съ этимъ переходитъ въ лучшую обстановку, которая дастъ ему возможность расширить и увеличить свои задачи и планы въ дѣлѣ изученія Сибири. Насколько полезна и плодотворна для края и науки была дѣятельность Иркутскаго отдѣла въ истекшія пятьдесятъ лѣтъ — мы не будемъ говорить. Лучшею оцѣнкою огромной услуги, оказанной обществомъ, можетъ служить та масса привѣтствій, которая получена была обществомъ въ день своего торжественнаго праздника почти со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра отъ разныхъ учреждений, обществъ и лицъ, поспѣвшихъ присоединиться, хотя и мысленно, къ торжеству праздника науки и ея дѣятелей. Среди многихъ фактовъ, характеризующихъ плодотворную дѣятельность „юбиляра“, есть и еще одно обстоятельство, которое еще болѣе подчеркиваетъ заслуги общества и даетъ ему право гордиться своими трудами. Не слѣдуетъ забывать, что Иркутскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества началъ свою дѣятельность въ 1851 году, среди непроглядныхъ сумерокъ, царившихъ надъ краемъ, когда все лучшее поглощалось безцвѣтностью жизни, въ странѣ властвовали произволъ, невѣжество, кулачество и міроѣдство. Естественно, что при такихъ условіяхъ намѣченный путь общества былъ усыянъ терніями и приходилось преодолевать серьезныя препятствія, чтобы не дать, можно сказать, святому дѣлу загдохнуть въ этой затхлой, невѣжественной атмосферѣ. Нужна была особая твердость духа, непоколебимая стойкость, любовь къ дѣлу, чтобы сплотить разрозненные научныя силы страны и направить ихъ къ должной цѣли.

Н. М. Ядринцевъ, касаясь этого времени, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „въ Сибирь вызывали искусственно людей, увеличивая оклады, давая поощренія, но эта мѣра почти не приводила къ цѣли. Пріѣзжали въ Сибирь и люди даровитые, честные, которые посвящали свои силы и способности на служеніе странѣ, но ихъ было немного и дѣятельность ихъ была временная. За то было слишкомъ много авантюристовъ. Представители интеллигенціи и знанія, забравшись въ Сибирь, спѣ-

шили какъ можно скорѣе выбраться изъ нея, вывозя очень много и взамѣнъ оставляя очень мало. Ученые вывезли изъ Сибири рѣдкости и опустошили архивы; инженеры и техники—лучшіе образчики коллекцій; предприимчивость—богатство. Обмѣнъ, такимъ образомъ, не уравнивался и край мало выигрывалъ. Положеніе образованнаго человѣка въ сибирскомъ обществѣ было невыносимо тяжело: среди невѣжественной среды, полной грубыхъ недостатковъ, онъ являлся одинокимъ, не имѣлъ почвы, не было даже небольшого кружка людей, къ которымъ онъ могъ-бы примкнуть и признать въ нихъ свое отечество.

Ученые въ Иркутскомъ географическомъ отдѣлѣ называли себя „закинутыми“ въ этотъ печальный край“...

Краски эти нисколько не сгущены. И въ другихъ источникахъ можно найти такое-же описаніе неприглядной жизни Сибири, давившей въ тѣ времена своею мертвою обстановкою лучшихъ людей.

Но „закинутые“ люди, какъ они сами себя называли, упорно боролись съ мѣстными условіями, невзгодами жизни и въ своемъ тоскливомъ одиночествѣ, ободряемые сознаніемъ взваленной на себя „ноши“, старались оградить „зажженный свѣтильникъ“ отъ всякихъ дуновеній со стороны и превратностей судьбы. Тяжело было стоять среди этихъ нездоровыхъ теченій и безпробуднаго невѣжества, работать въ такой омертвѣлой атмосферѣ, полной огорченій и разочарованій, и развивать свою дѣятельность, чтобы не дать умереть „симпатичной идеѣ“ въ холодныхъ струяхъ равнодушія.

Но, къ счастью, порученное дѣло не умерло.

Теперь—на рубежѣ полувѣковой дѣятельности общество, оглядываясь на свой пройденный путь, съ гордостью можетъ сказать, что свою культурную миссію оно съ честью несло на далекой окраинѣ и высоко держало знамя науки. Мы-же, съ своей стороны, не можемъ не поставить этому—одному изъ старѣйшихъ обществъ въ Сибири въ заслугу и то, что, не смотря на массу препятствій, неблагопріятныхъ условій и огорченій, оно, все-таки, упорнымъ трудомъ преодолевало ихъ и обогатило науку цѣнными вкладами.

Въ настоящій моментъ, когда Иркутскій отдѣлъ вступилъ во второй фазисъ своего существованія, когда передъ нимъ раскрывается болѣе благопріятная почва для научной дѣятельности, расширяются горизонты и иная сфера, нельзя, конечно, не пожелать обществу дальнѣйшаго преуспѣнія и не выразить горячаго желанія, чтобы на помощь отдѣлу пришли и интеллигентныя силы сибирскаго общества, непрерывно оказывая ему нравственную и матеріальную поддержку. Общими дружными усиліями можно воодушевить и подкрѣпить тружениковъ, отдаю-

щихъ свои знанія, трудъ и силы для блага науки и далекой окраины.

Пріятнымъ отголоскомъ иркутскаго торжества явилась мысль объ устройствѣ научно-промышленной выставки. Какъ сообщаетъ корреспондентъ „Сиб. Вѣст.“, общему собранію членовъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по этому поводу былъ сдѣланъ докладъ, встрѣтившій общее сочувствіе и поддержку. Общее собраніе для лучшей постановки и разработки выдвинутаго вопроса рѣшило поручить это дѣло особой комиссіи и, такимъ образомъ, возможно ожидать, что въ ближайшемъ времени мысль о выставкѣ превратится въ реальный фактъ. Сущность прочитаннаго доклада сводится къ слѣдующему: докладчикъ, исходя изъ того, что современныя условія переживаемой дѣйствительности круто измѣнились и что прошлое безвозвратно кануло въ пространство, подчеркнуть необходимость всесторонняго изученія производительныхъ силъ страны, какъ первой основы всей дальнѣйшей ея подготовки къ развитію. А для того, чтобы наглядно убѣдиться, съ чего слѣдуетъ начать, на что обратить особое вниманіе, надлежитъ прежде всего возможно подробно и полно ознакомиться съ тѣмъ, что страна имѣетъ въ дѣйствительности, надлежитъ сдѣлать ей осмотръ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ виду этого лучшимъ средствомъ для разрѣшенія указанныхъ задачъ представляется научно-промышленная выставка. Предназначенная представить изъ себя полную картину современнаго состоянія Сибири и особенно срединной ея части, выставка, конечно, должна заключать въ себѣ слѣдующія группы: горнаго дѣла и горнозаводской промышленности, лѣсоводства и лѣсныхъ промысловъ, землеустройства, хозяйства кочевниковъ и полуосѣдлыхъ инородцевъ, группы сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, путей сообщенія, врачебнаго дѣла, благотворительности, тюрьмы и ссылки, переселенческаго дѣла и, вообще, всего того, въ чемъ выражаются естественныя богатства страны и дѣятельность ея населенія.

Вполнѣ сочувствуя возникшей идеѣ, мы, однако, позволимъ себѣ внести нѣкоторую поправку въ этотъ давно созрѣвшій вопросъ и имѣющій огромное значеніе для всей Сибири. Переворотъ во внутреннемъ строѣ страны, измѣнившаяся обстановка, интенсивное возростаніе промышленной дѣятельности и другія свѣтлыя явленія на фонѣ сибирской дѣйствительности, несомнѣнно, ставятъ на очередь государственной важности вопросъ о необходимости узнать, въ какой стадіи своего развитія находятся богатства страны и дѣятельность ея населенія. Такая необходимость вытекаетъ прежде всего изъ той массы вопросовъ, которые нависли надъ Сибирью и уже начинаютъ тормозить ес-

тественный ходъ поступательнаго движенія края или направлять трудъ и силы населенія на ложный путь. Руководящая власть, обратившая въ послѣднее время особое вниманіе на нужды и потребности края, и призывающая его реформами къ новой жизни, такъ сказать, къ возрожденію — этимъ самымъ расширяетъ поле своей дѣятельности и, естественно, что точное представленіе о странѣ, какое только можетъ дать выставка, должно являться исходною точкою для разрѣшенія мѣстныхъ вопросовъ. Чтобы поощрять, направлять и оказывать поддержку той или другой отрасли промышленности или дѣятельности, необходимо знать степень ея нужды и развитія.

Въ этихъ цѣляхъ выставка не областная, а обще-сибирская или всесибирская, восполняя этотъ пробѣлъ, окажетъ большую услугу обществу и государству и результаты ея отзовутся на дальнѣйшемъ процвѣтаніи края. Въ виду этого и самый вопросъ объ устройствѣ всесибирской научно-промышленной выставки слѣдуетъ поставить нѣсколько шире, разработать детальнѣе и общими силами. По нашему мнѣнію, къ участию въ этомъ важномъ дѣлѣ слѣдуетъ призвать всѣ крупные центры культурной полосы Сибири, какъ-то: города Тобольскъ, Омскъ, Томскъ, Красноярскъ и др., и выработать общую программу, обнимающую собою общую производительность края, его торгово-промышленную жизнь, землеустройство и пр. Рядомъ съ этимъ подлежитъ общему обсужденію и вопросъ о пунктѣ для устройства выставки. Общность интересовъ и задачъ, поставленная на объективную почву, въ связи съ интересами населенія метрополіи, выражающимися въ увеличивающихся годъ отъ года стремленіяхъ ближе ознакомиться съ жизнью Сибири и войти въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ нею, особенно отбѣняютъ этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы руководимся желаніемъ достигнуть наилучшихъ результатовъ отъ предполагаемой къ устройству выставки и при этомъ выставки обще-сибирской, то не должны-ли подвергнуть критической оцѣнкѣ и эту сторону дѣла? Отвѣтъ на это можно дать только утвердительный. Опытъ жизни и практики предшествующихъ лѣтъ наглядно показалъ, что мѣсто, вообще, для выставки должно быть выбрано центральное, въ пунктахъ наибольшаго развитія умственной, промышленной и общественной жизни, имѣющихъ къ тому-же въ своемъ распоряженіи наиболѣе удобныя пути сообщенія. Исходя изъ этихъ основныхъ требованій, легко уже сдѣлать и выводъ — на долю какого сибирскаго города должно выпасть счастье пріюtitъ у себя выставку и быть истолкователемъ нуждъ края. Громадными преимуществами въ данномъ отношеніи предъ остальными городами обладаетъ городъ Томскъ, поставленный историческими счастливыми случайностями во главѣ лучшихъ горо-

довъ обширной и необъятной окраины. Но, помимо этого, въ пользу его говорятъ и мѣстныя географическія условія. Расположенный на видномъ пути и связанный съ магистралію желѣзной дороги, Томскъ, дѣйствительно, сулитъ наибольшія и выгоды, и удобства для осуществленія возникшей идеи.

Не исчерпывая окончательно затронутого вопроса въ томъ предположеніи, что намъ еще придется вернуться къ нему, мы считали-бы себя удовлетворенными, если бы Иркутскій отдѣлъ Географическаго Общества, выдвинувшій на очередь этотъ чрезвычайно важный вопросъ для всей Сибири, пріобщилъ-бы къ дѣлу и наши замѣчанія, продиктованныя исключительно желаніемъ полного успѣха назрѣвшей задачѣ.

Гвидонъ.

Николай Александровичъ Добролюбовъ.

(Рѣчь, прочитанная 21 ноября авторомъ на литературно-вокальномъ утрѣ въ память Н. А. Добролюбова, устроенномъ коммиссіей народныхъ чтеній въ театрѣ при Томской бесплатной библіотекѣ).

„Литература становится элементомъ общественнаго развитія; отъ нея требуютъ, чтобы она была не только языкомъ, но очами и ушами общественнаго организма. Въ ней должны отражаться, группироваться и представляться въ стройной совокупности все явленія жизни“.

Добролюбовъ.

Русское общество по отношенію къ нашимъ великимъ критикамъ и публицистамъ напоминаетъ Пушкинскаго скупого рыцаря, который, накопивъ несмѣтныя богатства и заключивъ ихъ въ огромные сундуки, только временами спускался въ подвалы, гдѣ хранилось его золото. Съ свѣчею въ дрожащихъ рукахъ, онъ открывалъ сундуки свои и съ замираніемъ сердца наслаждался и любовался своимъ золотомъ, припоминая изъ какихъ источниковъ онъ пріобрѣлъ свое богатство и какими правдами и неправдами стеклоь золото въ сундуки его. Не такой ли скупой рыцарь—и русское общество? Появляется среди насъ гигантъ мысли и слова, подводитъ итоги нашей общественной и государственной жизни за извѣстный періодъ времени и намѣчаетъ намъ новые пути къ умственному и духовному развитію, наложивъ на все печать своего генія, а мы, близорукіе люди, вмѣсто того, чтобы его литературныя произведенія сдѣлать настольною книгою и по ней учиться мыслить, спрячемъ обыкновенно его многотомныя произведенія за семью замками и вспо-

минаемъ о геніальномъ мыслителѣ только черезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени или оплакивая печальный и скорбный для насъ день его смерти, или припоминая день его рожденія. И мы, говоря это, ничуть не впадаемъ въ крайность: наши критики даже, какъ истолкователи лучшихъ нашихъ поэтическихъ произведеній, мало кому извѣстны изъ русской грамотной массы, и немногіе даже знаютъ, что вспоминаемый нами нынѣ Добролюбовъ—авторъ двухъ безсмертныхъ статей: „Темное царство“ и „Что такое обломовщина“, которыми особенно ярко отѣнены характернѣйшія черты русскаго общества, и въ которыхъ авторъ, не являясь опаснымъ мечтателемъ, указываетъ намъ только отъ какихъ золъ, вошедшихъ въ плоть и кровь нашу, мы должны исцѣляться, чтобы явиться дѣйствительно людьми и быть истинно полезными гражданами для своего отечества. О другихъ статьяхъ Н. А. Добролюбова мы и не говоримъ: безошибочно можно сказать, что ихъ плохо прослѣдили даже самые интеллигентные изъ насъ. А кто помнитъ и знаетъ, что Добролюбовъ въ то время, когда въ нашей школѣ еще свистѣла розга, говорилъ уже русскому обществу: „главное, что долженъ имѣть въ виду воспитатель, это—уваженіе къ человѣческой природѣ въ дитяти, предоставленіе ему свободнаго, нормальнаго развитія, стараніе внушить ему прежде всего и болѣе всего правильныя понятія о вещахъ, живыя и твердыя убѣжденія, заставить его дѣйствовать сознательно, по уваженію къ добру и правдѣ, а не изъ страха и не изъ корыстныхъ видовъ похвалы и награды“. Кто изъ нынѣшнихъ самыхъ передовыхъ педагоговъ не подпишется подъ этими строками? Или въ другомъ мѣстѣ: „вы ли“, говоритъ Добролюбовъ, „безпрестанно противорѣчащіе сами себѣ, опровергающіе своими поступками свои же правила, осуждающіе теоретическими принципами свои же поступки, на каждомъ шагу падающіе, жертвующіе велѣніями высшей природы своекорыстнымъ требованіемъ грубаго эгоизма, вы ли бросаете камень въ невиннаго ребенка и съ фарисейской надменностью возстаете противъ того немногаго, что въ немъ замѣчаете? Нѣтъ, перевоспитайте прежде самихъ себя и тогда уже принимайтесь за поправленіе природы человѣка во ввѣренныхъ вамъ дѣтяхъ. Если въ дѣтяхъ нельзя видѣть идеала нравственнаго совершенства, то, по крайней мѣрѣ, нельзя не согласиться, что они несравненно нравственнѣе взрослыхъ. Они не лгутъ, пока ихъ не доведутъ до этого страхомъ, они стыдятся всего дурного, они хранятъ въ себѣ святыя чувства любви къ людямъ, свободной отъ всякихъ житейскихъ предразсудковъ. Они сближаются съ сверстникомъ, не спрашивая, богатъ ли онъ, равенъ ли имъ по происхожденію; у нихъ замѣчена даже особенная склонность сближаться съ обиженными судьбою,

съ слугами и т. п. И чувства ихъ всегда выражаются на дѣлѣ, а не остаются только на языкѣ, какъ у взрослыхъ“. Чѣмъ, какъ не такимъ сопоставленіемъ природы дѣтской съ природою взрослою, могъ въ свое время удержать незабвенный воспитатель общества Добролюбовъ руку педагога отъ развращающаго природу ребенка тѣлеснаго наказанія? Да развѣ только это сказалъ Добролюбовъ, какъ педагогъ? Нѣтъ, онъ почти высказалъ все, что въ настоящее время на разные лады повторяется нашими педагогическими журналами и отчасти уже примѣняется на практикѣ. Добролюбовъ не забылъ даже сказать о вредѣ переутомленія и о необходимости объ руку съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ ребенка вести и физическое развитіе. Последнее особенно ярко выражено въ статьѣ „Органическое развитіе человѣка“, въ статьѣ, которую едва ли помнятъ наши нынѣшніе педагоги, такъ какъ мы нигдѣ не встрѣчали ссылокъ на нее, а между тѣмъ—даже настоящему педагогу она могла бы уяснить очень многое относительно природы ребенка и тѣхъ или другихъ пріемовъ въ смыслѣ воспитанія дитяти. А знаетъ ли кто, что въ то время, когда еще въ немногихъ уголкахъ русской земли робко возникалъ вопросъ, учить ли дѣвочекъ и чему ихъ учить, Добролюбовъ со свойственной ему чуткостью и прозорливостью угадалъ великое будущее русской женщины по тѣмъ немногимъ свѣтлымъ женскимъ типамъ, которые были художественно обрисованы нашими художниками—поэтами и, главнымъ образомъ, Гончаровымъ и Тургеневымъ. Ольга и Елена дали прежде всего поводъ Добролюбову надѣяться, что русская женщина испѣлитъ насъ даже отъ обломовщины. И можно быть увѣреннымъ, судя по тѣмъ шагамъ въ смыслѣ умственнаго и духовнаго развитія, какіе сдѣлала русская женщина меньше, чѣмъ въ полстолѣтіе, что геній Добролюбова и на этотъ разъ не обманулъ его, и, безъ сомнѣнія, скоро запишутся на скрижаляхъ русской жизни пророческія слова Добролюбова: „въ ней-то болѣе, нежели въ Штольцѣ, можно видѣть намекъ на новую русскую жизнь; отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣетъ обломовщину“...

Можетъ быть, мы и ошибаемся, можетъ быть,—гораздо большому числу мыслящихъ людей, нежели мы думаемъ, извѣстенъ Добролюбовъ какъ публицистъ, но, во всякомъ случаѣ, болѣе всестороннее изученіе произведеній его никогда не могло бы явиться лишнимъ: его произведенія будутъ всегда способствовать расширенію нашего умственнаго и нравственнаго кругозора и помогутъ намъ лучше разобраться въ нашихъ сомнѣніяхъ и лучше ориентироваться по отношенію къ окружающему насъ міру. Поучиться у Добролюбова есть чему. Добролюбовъ, какъ публицистъ, каждою своею строкою говорилъ обществу и от-

дѣльному человѣку: *отрѣшись отъ самодурства, которое поддерживается въ тебѣ невѣжествомъ и отсутствіемъ истиннаго образованія, и отъ обломовщины, привитой тебѣ крѣпостничествомъ; перевоспитай всего себя и будь всегда и во всемъ последовательнымъ; вѣчно стремись къ обновленію и преслѣдуй, по мѣрѣ силъ, зло.*

Раздѣляя взглядъ англійскаго реформатора Роберта Овена, что улучшение и измѣненіе окружающей обстановки способствуетъ и духовному перерожденію человѣка, Добролюбовъ настаивалъ на вѣчномъ обновленіи среды, и вотъ почему ни одного общественнаго вопроса, ни одного общественнаго явленія онъ не прошелъ молчаніемъ: всюду вносилъ онъ живое слово, и отъ всѣхъ требовалъ живого дѣла. Какъ самый искуснѣйшій анатомъ, онъ произвелъ такое рельефное и умѣлое вскрытіе внутренняго русскаго человѣка, рѣзко освѣщая и свѣтлыя, и темныя стороны русской души и русской жизни, что все написанное имъ, не смотря на то, что насъ отдѣляютъ отъ него сорокъ лѣтъ, до сихъ поръ живо, жизненно, близко и дорого русскому сердцу. Добролюбовъ прослѣдилъ жизнь нашего государства съ самаго возникновенія его, при чемъ особенно ярко иллюстрировалъ условія, пережитыя народомъ и обществомъ при Петрѣ I и Екатеринѣ II, когда и русское общество, и русская литература начали пролагать себѣ новые и отчасти своеобразные пути къ развитію и совершенствованію. Ни одна, даже самая послѣдняя и убогая книжка, изданная при жизни дорогого намъ критика, не ускользнула отъ его вниманія; самая жалкая статейка, о чемъ бы она ни трактовала, давала поводъ Добролюбову высказаться, какъ публицисту, и бросить обществу нѣсколько новыхъ свѣтлыхъ мыслей. Поэтому, естественно, что онъ коснулся всевозможныхъ отдѣловъ науки и всевозможныхъ общественныхъ вопросовъ,—такъ что и государственный дѣятель, и общественный, и политикъ, и простой гражданинъ, и поэтъ, и историкъ, и педагогъ, и литераторъ, и критикъ—всѣ, кому только хочется мыслить и явиться полезными родной землѣ, могутъ почерпнуть и знаніе, и силу, и умѣлость въ произведеніяхъ Добролюбова. Въ его голосѣ нѣтъ фальши, въ его словахъ нѣтъ мѣста неправдѣ, а его идеаль счастье и благополучіе родной земли. Указаны имъ намъ и пути къ достиженію этого счастья: отмѣчая въ поэтическихъ произведеніяхъ и въ общественной жизни свѣтлые типы и явленія, а также бичуя зло и язвы, разѣдающія и подтачивающія жизнь нашего общества. Добролюбовъ тѣмъ самымъ намѣчалъ намъ и освѣщалъ пути къ прогрессу, настаивая, главнымъ образомъ, на возможно честномъ и правильномъ воспитаніи, внѣ лжи и лицемерія, подрастающихъ поколѣній.

А Добролюбову можно вѣрить: это былъ человѣкъ не отъ міра сего. Характеризуя знаменитаго Станкевича, имѣвшаго ог-

ромное вліяніе на окружавшихъ его и даже на Бѣлинскаго, Добролюбовъ такъ говоритъ о немъ: „надъ нимъ не имѣли силы грязныя побужденія, мелочныя расчеты, двоедушныя отношенія; оттого во всемъ существѣ его, во всей его жизни замѣчается ясность и безмятежность, безъ раздвоенія съ самимъ собою, безъ насилуванія естественныхъ стремленій“. Развѣ этими словами не характеризовалъ самого себя Добролюбовъ?

Развѣ Добролюбовъ когда-нибудь уклонялся въ сторону и измѣнялъ себѣ? Вотъ какъ Добролюбовъ говоритъ о людяхъ, склонныхъ къ компромиссамъ: «видя, что естественная наклонность къ самостоятельной, нормальной дѣятельности встрѣчаютъ препятствіе на прямой дорогѣ, люди пробуютъ свернуть съ нея немножко, въ надеждѣ, что, обошедши одно препятствіе, они опять могутъ попасть на свой прежній путь. Расчетъ опять тотъ же: лучше я обойду, чѣмъ драться и лѣзть на проломъ. Но здѣсь расчетъ оказывается ошибочнымъ, потому что препятствіе не одно, а тысячи ихъ, и чѣмъ далѣе человѣкъ уклоняется отъ первоначальнаго пути, тѣмъ сильнѣе умножаются и препятствія. И онъ уже поневолѣ принужденъ вилять, нырять, наклоняться, перескакивать, тѣнать, что можетъ, по дорогѣ, и самого себя подставлять подъ всякія мерзости, гдѣ нужно, чтобы только какъ-нибудь продолжать свое странствіе». И Добролюбовъ былъ вѣренъ себѣ и никогда не сворачивалъ съ дороги, чему нагляднымъ примѣромъ служитъ его столкновение съ Тургеневымъ.

Въ заключеніе скажемъ, что замѣчательныхъ людей и замѣчательныхъ писателей много, и всѣ они для насъ дороги, всѣ потрудились для человѣчества,—но знаете ли, почему имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, и въ томъ числѣ имя Добролюбова, мы произносимъ съ особеннымъ трепетомъ и благоговѣніемъ? Потому, что они особенно отмѣчены небомъ, потому, что для нихъ эпитетъ „геній“ слишкомъ недостаточенъ, и къ слову „геній“ приходится прибавить еще „всеобъемлющій“. Да, и Добролюбовъ былъ именно тѣмъ всеобъемлющимъ геніемъ, которые все проникаютъ, все перевоспитываютъ и облагораживаютъ своимъ свѣтлымъ небеснымъ взоромъ, и которые не знаютъ по отношенію къ злу никакихъ уступокъ: цѣль ихъ жизни—истина и неуклонное преслѣдованіе счастья человѣчества. Являясь страшными психологами для людей неискреннихъ, они располагаютъ такою духовною прозорливостью, такимъ глубокимъ знаніемъ, всякаго, самаго малѣйшаго изгиба человѣческой души, что отъ нихъ не можетъ укрыться зло ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Напрасно ихъ считаютъ разрушителями: они безпощадные враги одной лишь лжи, и ее они бичуютъ и преслѣдуютъ.